

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 33, 2023

Владикавказ 2023

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Кануков З.Т. Институт наемничества у алан	5
Цагараев М.А. К интерпретации сюжета центральной части рельефа левой (боковой) стены Кяфарской гробницы, по рисунку Е.Д. Фелицина	13
Ташева Е.А. Внедрение российских институтов управления в Малой Кабарде	17
Мокаева А.Ж., Муратова Е.Г. Материалы экспедиции А.С. Фирковича в балкарские горские общества как исторический источник	27
Атмурзаева Л.Т., Муратова Е.Г. Евгений Баранов и Толстовцы	39
Туаллагова А.А., Туаллагов А.А. О «новой версии» строительства Суннитской мечети Владикавказа	50
Кабисов З.О. История становления промышленности в Юго-Осетинской Автономной области	63
Тальцев А.Н. Общество военного времени: динамика массового сознания и социальной психологии в СССР в годы Великой Отечественной войны	71
Секинаев С.А. Ущерб, нанесенный Северной Осетии немецкой оккупацией	82
Бабаев Т.З. Предприятия местной промышленности РСФСР в экономической системе: проблемы и решения (1959–1960 гг.)	90

II. ФИЛОЛОГИЯ

Дзассохова Л.В. Общее и частное отрицание в осетинском языке	98
Пашаева Ф.Н., Муханова И.В. Мотивы родины в лирике Асят Халиковой	104
Дзарасов В.С. Ирон поэтикон тексты бирæнысаниуæгджын дзырдты тæлмац англисаг æвзаджы фæрæзтæй	113
Юзикеева М.Р. Кавказ в творчестве русских писателей XVIII века	123
Гусова К.Г. Æрфысты элементтæ Нарты кадджыты	133

Дзедоева А.А., Годизова А.К. Характеристика топонимов в лексике осетинского языка	146
Майрамукаева З.И. Семантико-символическая характеристика слова «хæдзар»	155

III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Козаева Г.Р. О проблеме изменения социолингвистического облика Осетии	168
Тургиева З.А. Социокультурное развитие Северной Осетии в постсоветскую эпоху: молодежный аспект	176
Тарханова Ж.Д., Виельмини Ф. Транспортные коридоры и геополитическое соперничество на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 года	185
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	203

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

З. Т. Кануков,

младший научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ИНСТИТУТ НАЁМНИЧЕСТВА У АЛАН

Данная статья посвящена изучению такой значимой и часто упоминаемой исследователями теме, как институт наёмничества у алан. Несмотря на частые упоминания об аланских наемниках во многих письменных источниках, а также научных работах ученых-историков, причины, повлиявшие на столь частое участие алан во многих военных конфликтах в Европе и Азии, так и не были в полной мере раскрыты и изучены. Социальные, экономические и прочие факторы, лежащие в основе явления, оказали большое влияние на возникновение данного института в аланской среде, что, в свою очередь, дало импульс зарождению военных связей с другими (преимущественно, соседними) государствами.

Ключевые слова: аланы, институт наёмничество, воинские объединения, военные контакты, тяжелая кавалерия.

This article is devoted to the study of such a significant and often mentioned topic by researchers as the institution of mercenarism among Alans. Despite frequent mentions of Alan mercenaries in many written sources, as well as scientific works of historians, the reasons that influenced such frequent participation of Alans in many military conflicts in Europe and Asia have not been fully disclosed and studied. Social, economic and other factors underlying this phenomenon had a great influence on the emergence of this institution in Alania, which in turn gave impetus to the emergence of military ties with other (mainly neighboring) states.

Keywords: Alans, the institution of mercenarism, military associations, military contacts, heavy cavalry.

История алан, как в до государственной, так и в государственной период, изобилует большим числом значимых и привлекающих внимание исследователей событий. Многие из них получили свое отражение в письменных нарративных источниках различных авторов из разных стран, с которыми аланы вступали в те или иные сношения. Особое место в списке этих источников занимают письменные памятники, упоминающие об участии алан в качестве наемников в различных военных конфликтах. Процент подобных источников относительно общего числа сравнительно велик. Аланы, нанимаемые на службу правителями многих сильных и развитых в экономическом плане государств (имеющих достаточно финансовых возможностей для содержания иностранных воинских контингентов) принимали участие во многих военных конфликтах, повлиявших на ход исторического процесса как в Европе, так и в Передней Азии. При этом именно аланы зачастую особенно ценились нанимателями в сравнении с наемниками из других стран. Так, например, римский историк и политический деятель Секст Аврелий Виктор в своем труде «Извлечения о жизни и нравах римских императоров» писал об императоре западной части Римской империи Границе: «Он пренебрегал военному делу и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии. Чем вызвал к себе ненависть среди солдат» [1].

Данное явление – наёмничество алан, столь часто встречающееся в исторических хрониках, конечно же, имеет под собой целый ряд причин, повлиявших на его появление. В его основе лежат, в первую очередь, социально-экономические факторы, которые вытекают из факторов природных (географических).

Территории, которые аланы занимали на начальном этапе своей истории, располагались в зоне «Евразийского кочевого пояса». Причем зоны проживания алан были крайне обширны и включали в себя земли не только Восточной Европы, но и ази-

атские кочевья. Жизнь в пределах евразийских степей напрямую влияла на ее хозяйственный уклад. До наших дней дошли сочинения китайского автора Сымы Цянь, описывающего быт хуннских кочевников, живущих к северу: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец <...>. Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками <...>. в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая, таким образом, свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [2, 123]. Для алан, тоже же живших в евразийских степях, основой экономики аналогичным образом выступало скотоводство. Описывая быт аланов, греческий автор IV в. Аммиан Марцеллин писал: «Нет у них шалашей, никто из них не пашет, питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям <...>. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням <...> Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства роднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнении великолепными воинами» [3, 541].

Из приведенных отрывков становится ясно, что приобщение к военному делу у кочевников проходило с малых лет. На совершенствование военных навыков влияло также и занятие охотой, которая являлась важной составляющей хозяйственной жизни племен, живших в зоне «Евразийского кочевого пояса». При этом развитие охотничьего промысла не «затормаживалось», как это бывало в случае с земледельческими феодальными обществами. Связано это было с тем, что в кочевом мире, даже при достижении феодальной формации, земля никогда не являлась частной собственностью какого-либо фе-

одада [4, 244]. Впрочем, характер социально-экономического развития кочевых обществ всегда имел специфические черты, что было обусловлено природными факторами. При всем этом на первом месте для кочевников всегда было скотоводство, среди которого евразийскими кочевниками особое внимание уделялось разведению лошадей. Все вышеперечисленное, еще по достижению достаточно юного возраста, делало из кочевников отличных конников. А услуги конников, как известно, пользовались большим спросом, особенно у римских императоров, так как у самих римлян коневодство было развито достаточно слабо. Стоит добавить, что женщины в кочевых обществах зачастую занимали достаточно высокое положение, что было отчасти обусловлено характером и степенью ее вовлеченности в хозяйственную жизнь племени. Греческий историк Геродот писал о савроматках: «вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами» [5, 321]. Уровень и специфика социального развития, а также формы хозяйствования (в котором особое положение занимала женщина) и отсутствие выраженного разделения труда внутри общины создавали очень высокий мобилизационный потенциал внутри кочевого общества. Данный фактор оказывал существенное влияние на военные процессы в случае каких-либо конфликтов. Высокий мобилизационный ресурс номадов активно использовался крупными политическими силами, нанимавшими кочевников на военную службу.

Несмотря на сравнительно высокий уровень производительности труда, кочевому обществу свойственен лишь экстенсивный тип экономического развития. Это выражалось в постоянном поиске новых пастбищ, в активных миграционных процессах. Так, в конце IV в. н.э. окончание римского климатического оптимума в Европе и экспансия со стороны гуннов привели к появлению большого количества экономически избыточного населения, в том числе в восточноевропейских степях. Все это побудило ала-

нов к миграции и поиску новых средств к существованию, одним из которых являлась наёмная служба.

Большое количество годного для военного дела мужского (а иногда и женского) населения, а также неспособность кочевых обществ развиваться исключительно за счет внутренних ресурсов побудило к возникновению набегового хозяйства, которое у кочевников занимало хоть и не первостепенное, но все же важное место в экономике. Племена, практикующие набеговой тип экономики, представляли большую угрозу для оседлых обществ, но крупные политические силы, обладающие достаточным количеством финансовых ресурсов, зачастую умело использовали военный потенциал и желание наживы кочевников, направляя импульс их военной агрессии в нужное русло. Делалось это в качестве прямого найма на военную службу, либо же путем склонения кочевников для участия в опосредованных войнах. Так, например, в V в. н.э. государство Сасанидов с целью подавления восстания склонило хоннов к нападению на Албанию, находившуюся в вассальной зависимости от персов [6, 170]. Причем, Габриелян Р.А., учитывая тот факт, что армяне зачастую использовали этноним «хонны» в качестве собирательного, считает, что в войске хонов присутствовали и аланы [7, 37]. Известен случай, в котором византийцы в VIII в. побудили алан напасть на Авастию, что было вызвано подчинением последней сарацинам [8, 270-275].

Несколько иными были причины распространения наемничества у оседлых алан, живущих на предкавказской равнине. Тем не менее, в основе данного явления также лежат природные и экономические факторы. Аланское государство, занимавшее территории Центрального Кавказа на Севере граничило с предкавказскими степями, которые являлись зоной постоянного проживания разных этнических групп кочевников. Ввиду особенностей географического положения, аланские оседлые общества после утраты господства в предкавказских степях не имели возможности к экстенсивному развитию в данном направлении. Препятствием для них являлись, живущие в них племена кочевников.

Одна из особенностей кочевых обществ – гораздо более высокий уровень мобильности, дающий очень важные преимущества в военном плане. Данный факт не только затруднял территориальную экспансию на Север, но и, учитывая набеговой характер экономики номадов, оказывал существенное давление на уже освоенные земли Северного Кавказа. Южная граница Алании находилась поблизости от вассальных владений Персидской державы (либо других крупных политических сил после 651 года). Высокие горы Главного Кавказского хребта с одной стороны затрудняли земельную колонизацию в направлении Юга, с другой, напротив, служили естественной преградой, защищающей Аланию на данном направлении. Это обстоятельство во многом стало причиной высокой плотности населения на Центральном Кавказе. Арабский автор X в. Аль-Масуди писал об Алании: «Его [царя Алании] царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоят [где-нибудь] петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений» [9, 205]. Результатом перенаселения и невозможности к дальнейшему экстенсивному росту в Алании стало появление большого количества экономически избыточного населения. Зачастую, где-либо в мире, наличие населения, не имеющего достаточного количества земельных ресурсов, необходимых для пропитания, становилось причиной высокого уровня преступности, что могло явиться прямой угрозой экономической безопасности в регионе. Поэтому представители знати нередко всеми способами старались «избавиться» от него во избежание какого-либо экономического ущерба. Одним из способов решения данной проблемы было участие во внешних конфликтах, в нашем случае, путем наёмничества.

Наиболее частыми нанимателями для алан являлись римляне (позже византийцы) и персы. Аланские воинские контингенты, которые, по сути, являлись аналогами современных частных воинских компаний, были вовлечены в римско-персидское военно-политическое противостояние в Передней Азии, причиной которого являлось торгово-экономическое

соперничество двух крупных держав. Контроль над торговыми маршрутами, проходящими через Переднюю Азию, являлся источником огромных доходов, поэтому и финансовые траты на военные нужды были немалыми, что и позволяло привлекать на службу наемников. Это было особенно актуально для персов, не имеющих регулярной армии, в отличие от византийцев. Нам известно об участии аланов-наемников в ирано-византийской войне в Закавказье в конце первой половины VI в. [10]. Период наибольшего сотрудничества Персии и Алании в военной сфере пришелся именно на середину VI в., что было связано с активизацией внешнеполитической деятельности государства Сасанидов. В персидском войске аланы служили, главным образом, в качестве легкой и тяжелой кавалерии [11, 31-32]. Высокий уровень развития коневодства у алан был, пожалуй, одним из главных факторов большого спроса на услуги аланских наемников.

Истории известно множество примеров службы аланов в иностранных армиях. Приведенные выше – лишь малый процент от их общего числа. Как мы выяснили, в основе данного явления лежали природные, экономические и демографические факторы. Особенности социального строя, а также способ хозяйствования привели к появлению большого количества пригодного к военному делу мужского (а иногда и женского) населения, для которого война стала одним из основных способов заработка. К сожалению, частое участие алан в военных конфликтах на стороне третьих стран не всегда способствовало укреплению влияния самой Алании в северокавказском регионе, а, напротив, сильно истощило военный потенциал страны, что стало одной из причин (хоть и не первостепенной) ее ухода с исторической арены в XIII в.

1. Соколов В.С. Секст Аврелий Виктор. История Рима (продолжение). Извлечения о жизни и нравах римских императоров.

- Пер. В. С. Соколова // Вестник древней истории. 1964. № 1 (87). С. 230-252.
2. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
 3. Марцеллин А. Римская история/пер. с латинского Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. М: АСТ: Ладомир, 2005. 631 с.
 4. Жаргалхайсан Ж. Особенности кочевого общества // Вестник БГУ. 2012. Вып. 6а. С. 239-245.
 5. Геродот. История/пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. СПб.: Азбука, 2017. 768 с.
 6. Егише. О Вардане и войне армянской/пер. с др.-арм. И. А. Орбели. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1971. 192 с.
 7. Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1989. 143 с.
 8. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Издательство «Менеджер», 2003. 608 с.
 9. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. 266 с.
 10. Кесарийский П. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/пер. с др.-греч. А. А. Чкаловой. М.: Наука, 1993. 576 с.
 11. Дмитриев В. А. Аланы на военной службе у Сасанидского Ирана // Вестник СОГУ. 2011. Вып. 4. С. 29-34.

М. А. Цагараев,

кандидат политических наук, председатель
Национально-этнографического общества Алании «Уасамонга»
(г. Владикавказ)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕЛЬЕФА ЛЕВОЙ (БОКОВОЙ) СТЕНЫ КЯФАРСКОЙ ГРОБНИЦЫ, ПО РИСУНКУ Е. Д. ФЕЛИЦИНА

В данной статье проводится интерпретация сюжета центральной части рельефа левой (боковой) стены Кяфарской гробницы, где за основу нами берётся рисунок, выполненный Е. Д. Фелициным. Автором предпринимается попытка проанализировать особенности данного сюжета в соприкосновении его с осетинской мифологией. На основе семантики образа Руймона (змеевидное чудовище в осетинском нартовском эпосе) прослеживается сходство его с существом, отражённым в рисунке на стене гробницы.

Ключевые слова: Кяфарская гробница, Руймон, осетинская мифология.

This article interprets the plot of the central part of the relief of the left (side) wall of the Kyafar tomb, where we take as a basis the drawing made by E. D. Felitsin. The author attempts to analyse the peculiarities of this plot in relation to Ossetian mythology. On the basis of semantics of the image of Ruimon (a serpentine monster in the Ossetian Nart epos) the similarity between it and the creature reflected in the drawing on the wall of the tomb is traced.

Keywords: Kyafar tomb, Ruimon, Ossetian mythology,

Сюжетная линия рельефа, украшающего Кяфарскую гробницу, по убедительному предположению историков и этнографов, отражает религиозные представления алан-осетин о путешествии в «Царство мёртвых» души умершего. Исследователи полагают, что это аланский царь [1, 288-289].

Описанию знаменитой гробницы посвящено не одно исследование [2, 83-89; 3, 106-117; 4; 5, 140-152; 6, 78-90], но нас, в настоящее время привлекает сюжет центральной части рельефа левой (боковой) стены Кяфарской гробницы. За основу нами берётся изображение, сделанное Е. Д. Фелициным в самом начале XX века (рис.1.), на месте расположения средневековой гробницы, т. е. на горном хребте по правую сторону реки Кяфарь [8, 85].

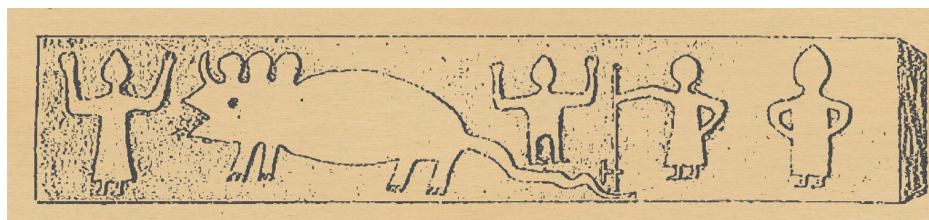

Рис.1

Сюжет центральной части левой стены изображает гигантских размеров ящероподобного однорогого, гребнистого существа в окружении 4 антропоморфных фигур: одной – слева и трёх – справа от животного. Две антропоморфные фигуры в островерхих головных уборах (справа и слева от животного) изображены в молитвенной позе: стоящими с воздетыми вверх, согнутыми в локтях руками, третья антропоморфная фигура вооружена тяжёлой аланской секирой, опущенной на огромный змееподобный хвост существа. Данного персонажа, в отличие от трёх остальных, художник изобразил с округлой головой. Четвёртая антропоморфная фигура завершает сюжет, она изображена подбоченясь, и остаётся отдельно стоящей, как бы безучастно взирающей на происходящее. Фантастический вид существа, отдалённо напоминающего доисторического торозавра или трицератопса, как в целом и весь сюжет фриза гробницы, отсылают нас к осетинской мифологии. Прочтение сюжета не вызывает каких-либо затруднений. В изображённом на средневековой аланской гробнице существе легко узнаётся персонаж осетинской мифологии – Руймон. Это мифическое драконоподобное существо, сочетающее в себе признаки копытных и хищных зверей. Он необычайно свиреп и прожорлив. Поедая всё на своём пути, он способен разрастаться до невероятных размеров. Тело его обладает удивительной регенерацией. На месте отрубленных частей вскоре вырастают новые. Рождается Руймон раз в сто лет от оленихи. В отличие от оленят, руймоны рождаются, как и все хищники слепыми. Существо это также является объектом охоты громовержца Уасилла. В заботу этого бардуага (божественного

покровителя) входит отлов новорождённых руймонов до того, как они прозреют и смогут самостоятельно питаться, уничтожая всё живое. Пронзительный крик Руймона способен навлечь на услышавшего его человека тяжёлую болезнь. Отловленные руймоны содержатся на цепи, выкованной Тутыром, в Царстве Бараштыра, а их постоянно растущее тело иссекается духами и служит средством для приготовления снадобья молодости, которое позволяет душам умерших пребывать в «Царстве мёртвых» в возрасте расцвета сил [9, 143-144; 10, 430; 11; 12, 57-62; 13, 61-62].

Итак, принимая во внимание семантику образа Руймона сложившуюся в осетинской мифологии, можно интерпретировать композицию фриза следующим образом: сюжет (рис.2) отразил сцену увиденную душой умершего царя (фигура – 1), завершающего своё путешествие к Царству мёртвых (Владения Бараштыра). Перед ним открывается картина как один из бардуагов, возможно сам Уасилла (художник выделил его округлой формой

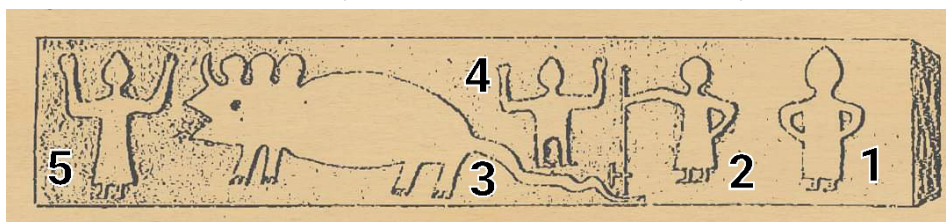

Рис.2.

1. Кузнецов В.А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X-XII веках. Пятигорск: Снег, 2017. 319 с.

2. Кузнецов В.А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: АН СССР, 1959. Вып.76. С. 83-89.

3. Кузнецов В.А. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.: Изд.АН СССР, 1961. Вып. 85. С.106-117.

4. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е издание. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
5. Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: Снег, 2008. 239 с.
6. Охонько Н. А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье)/Советская археология. 1983. № 2. С.78-90.
7. Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224с.
8. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества/под ред. и с предисл. гр. Уваровой; Моск. археолог. о-во. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888-1916. Вып. 9: // Материалы, собранные Е. Д. Фелицыным и В. М. Сысоевым. 1904. [4], VIII, 175 с.: ил., 20 л.
9. Дзадзиев А. Б. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. С. 143-144.
10. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том II. С. 430.
11. Дарчиев А. В. К вопросу о значении осетинского мифонима Руймон // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3.
12. Дарчиев А. В. Осетинские легенды о Руймоне: Происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №: (56): в 2-х ч. Ч.1. С.57-62.
13. Цагараев М. А. Нартский эпос осетин: краткий терминологический словарь. Владикавказ: Ир, 2021. 101 с.

Е. А. Ташева,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ВНЕДРЕНИЕ РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ В МАЛОЙ КАБАРДЕ

Исследование темы проводится в совокупности с изучением тех же процессов в Большой Кабарде, что помогает проследить общие и различные черты внедрения российских институтов в эти два региона. Актуальность тем: интеграция российской администрации в малокабардинском регионе являлась сложным постепенным процессом. И это помогает выявить положительные и отрицательные черты действий русской администрации. Исследование интеграции в Малую Кабарду органов управления Российской империи, а также информация о том, как местное управление на фоне проводимых действий со стороны царизма отходило на задний план, цель: проанализировать административно-судебное устройство в Малой Кабарде на начальном этапе введения российских институтов; описать и дать оценку деятельности учреждаемых органов управления. Полученный результат можно использовать при оценке деятельности российских властей на Северном Кавказе.

Ключевые слова: *Малая Кабарда, приставская система, родовые суды и расправы, Ермолов, Временный Кабардинский суд.*

The study of this issue is carried out in conjunction with the study of the same processes in Bolshaya [Major] Kabarda. This helps to trace the common and different features of the introduction of Russian institutions in these two regions. The relevance of the research lies in the fact that the integration of the Russian administration in the Malokabardinsky [Minor] region was a complex, gradual process. This problem helps to identify the positive and negative features of the actions of the Russian administration. The article presents a study of the integration of the governing bodies of the Russian Empire into the Malaya [Minor] Kabarda, and also provides information on how local government, against the background of ongoing actions on the part of tsarism, recedes into the background. The aim of the study is to analyze the administrative and judicial structure in Malaya [Minor] Kabarda at the initial stage of the introduction of Russian institutions in the region. One of the main tasks is to describe and evaluate the activities of the established management bodies. The result of the study can be used to assess the activities of the Russian authorities in the North Caucasus.

Keywords: Malaya [Minor] Kabarda, bailiff system, tribal courts and reprisals, Ermolov, Temporary Kabardian Court.

На пути к внедрению российских институтов в систему управления Малой Кабардой стоял феодализм с остатками патриархально-родового строя. Малая Кабарда состояла из двух уделов (Таусултанов, Джелестанов) [1, 175-177].

Главой удела становился тот, кто из князей был старше по возрасту. Своим уделом он управлял «при помощи подвижного управленческого аппарата»: дворецкого, казначея, писаря, личных телохранителей, большого числа бейголей и пшикеу, которые выполняли функции судебного исполнителя, сборщика податей, посыльного, полицейского и др. [2, 76]. Низшей административной единицей управления в княжеских уделах была деревня. Владелец селения обладал административно-политической властью. Верховный князь осуществлял высшую исполнительную власть в Малой Кабарде, которого избирали из среды удельных князей на собрании представителей княжеских уделов [2, 81]. Совету удельных князей принадлежала высшая законодательная власть.

В XVIII веке в Малой Кабарде имелись постоянно действующие судебные органы при старшем князе. Обычное право было юридической основой судопроизводства [3, 7]. Так был организован общественно-политический строй в Малой Кабарде до укрепления России в регионе. Государственно-политический строй представлял собой сословно-представительную монархию, где обычное право являлось базой для разрешения разногласий.

Со второй половины XVIII века русское правительство постепенно переходит к политике диктата и навязывания новых органов управления кабардинскому народу. Первым шагом в этом направлении было строительство «Кавказской линии». К 1763 году относится возведение Кизлярско-Моздокской военной линии, которая контролировала всю территорию Малой Кабарды.

Для того, чтобы укрепить российское влияние на Малую Кабарду, в 1769 году вводится приставское управление, когда приставом Большой Кабарды был назначен секунд-майор Дмитрий

Тоганов [4, 36]. Теперь, – пишет профессор Т.Х. Кумыков, – «кабардинские князья и дворяне обязаны были свои действия согласовывать с назначенным царским правительством приставом, который осуществлял контроль за их деятельностью» [5, 162]. Кабардинские князья из полноправных правителей превратились в исполнителей воли военных властей, потому что приставами назначали офицеров русской армии. Действия кавказских властей были направлены на то, что кабардинцы привыкли к приставу и это позволит заменить им институт Верховного князя Кабарды [3, 8]. Резиденция пристава находилась в Моздоке.

С приходом к власти Александра I в административном устройстве Степного Предкавказья произошли изменения. В 1800 году была учреждена должность Главного пристава для координации действий приставов Кавказской линии. Это внесло элементы гражданского устройства в военно-приставское учреждение, а также была предпринята первая попытка укрупнения локальных приставств. Коллегия иностранных дел направляла деятельность Главного пристава Макарова, а по гражданским вопросам он взаимодействовал с гражданским и военным губернаторами в Астрахани. В начале XIX века на Северном Кавказе насчитывалось 11 приставств, в их числе было и малокабардинское. Раздвоенное подчинение приставов оказалось неэффективным и в 1802 г. должность Главного пристава упраздняется.

В 1822 году произошли серьезные изменения в сфере внутреннего управления в Кабарде. Функции пристава в Большой Кабарде перешли Кабардинскому временному суду и начальнику на линии, в то время, как в Малой Кабарде приставство осталось в прежнем виде.

Приставство в Малой Кабарде принято связывать с фамилией Бековичей-Черкасских. А.В. Казаков утверждает, что Ефим Александрович Бекович-Черкасский был приставом Малой Кабарды в 1829-1834 гг. с жалованьем в 900 рублей в год [6, 79]. Однако автор параллельно называет приставом Малой Кабарды 1830-1832 гг. и Федора Александровича Бековича-Черкасского [6, 86].

В 1846 году приставом Малой Кабарды был назначен штабс-капитан Ф.П. Диков – потомственный дворянин из моздокских казаков, который принял активное участие в борьбе с отрядами имама Шамиля, вторгшегося в Малую Кабарду в 1846 г. [7, 71]. В этот период времени Диков вел переписку с генерал-майором Голицыным – начальником центра Кавказской линии. В записке говорилось о том, что Шамиль покинул Кабарду. Было доложено о его передвижениях и требованиях к малокабардинскому народу. Из записки, и исходило, что местные органы были преданы российской власти; эта переписка свидетельствует о том, что в Малой Кабарде приставство еще не было отменено, тогда как в Большой оно было ликвидировано.

В 1857 году произошло разделение Кавказской линии на две части: Правое и Левое крыло. Преобразование введено для совершенствования и облегчения управления войсками. Все кабардинцы и осетины были отданы под командование Левого крыла Кавказской линии. Сюда же отнесли малокабардинское приставство [7, 71-72]. В 1858 году приставское управление в Малой Кабарде было ликвидировано.

К концу XVIII века приставу Кабарды становилось все сложнее добиваться от князей выполнения «распоряжений правительства». Перед Кавказской администрацией стояла острая необходимость в создании новых органов власти, чтобы поставить под жесткий контроль кабардинцев. Без принятия эффективных и жестких мер включение Кабарды в состав Российской империи оказалось невозможным [4, 48].

Случай, произошедший в 1791 году, стал поводом для актуализации этой проблемы. В этом году погиб капитан российской армии кабардинец Бегидов со своими товарищами при попытке умыкания – тайного увоза – девушки. В их гибели были обвинены Кучук Джанхотов – сын Джанхота Татарханова, действующего Верховного князя Кабарды [8, 14].

Кавказская администрация потребовала выдать им Кучука, но кабардинцы отказались, так как в соответствии с нормами обычного права князя и дворянина никто не имеет права «лишить

чести и выдать к наказанию, так как у них во всем единогласие» [8, 16]. Конфликт показал, что даже наличие пристава не давало возможности российским властям вмешиваться во внутренние дела Кабарды, что не могло устроить русскую администрацию.

И. В. Гудович, действующий начальник Кавказской линии, задумался над решением этой проблемы и предложил создать новый орган власти для того, чтобы поставить кабардинцев под полный контроль российских властей. 16 января 1792 года в донесении императрице Екатерине II Гудович обосновал необходимость введения родовых судов и расправ в Кабарде. Он указывал, что народ Кабарды, дав присягу во всем зависеть от главного начальника, не перестает следовать прежним традициям и обычаям. Поэтому данный вопрос требует большого внимания и заботы [8, 16].

Он предложил учредить «в обеих Кабардах, особо для владельцев с их подвластными и особо для узденей, родовых судов и расправ... кои судили бы тяжёбые дела и малые поступки по их обыкновениям, а за важные преступления, как-то измену, убийство и разбой – по законам Империи» [4, 49]. Гудовичем предлагалось ввести в штат судов для исполнения надзорных функций двух российских штаб-офицеров [9, 1123], то есть предлагалось начать установление российской судебной власти в Кабарде.

Можно утверждать, что основной целью предлагаемых мероприятий было усиление влияния российской администрации на кабардинский народ, а также ослабление влияния местной феодальной знати. Еще одной немаловажной причиной учреждения новых судебных органов являлся подрыв позиций мусульманского духовенства в жизни местного населения. Н. Ф. Грабовский усматривал в муллах угрозу российскому влиянию в Кабарде, потому что судебная власть постепенно переходила в их руки [10, 125]. В 1792 году Екатерина утвердила предложение Гудовича по учреждению судов между кабардинцами.

Полномочия родовых судов и расправ заключались в следующем: данные суды должны судить малые поступки и тяжёбые

дела по обыкновениям кабардинцев, а важные преступления, такие как измена, разбой и убийство, должны рассматриваться по законам Ее Императорского Величества прямо в Верхнем пограничном суде. Можно утверждать, что местные порядки и обычаи полностью не искоренялись, наоборот, с ними считались.

В основе судебной реформы лежал родовой принцип. Так, в Малой Кабарде был создан один родовой суд для Гиляхстановской и Таусултановской фамилий, также была открыта родовая расправа. В компетенции родовых судов и расправ входили разборы дел, касающихся холопских и семейных вопросов. На них также возлагались полицейские функции, такие, как раскрытие, «отыскание и доставление в суд людей для разбирательства преступления [11, 35].

Окончательно предложение Гудовича было одобрено Екатериной II 19 января 1793 г. Был создан Верхний пограничный суд, который находился в крепости Моздок. В Малой Кабарде указом императрицы учреждался один родовой суд и одна родовая расправа, которые подчинялись вышеупомянутому пограничному суду в Моздоке [12, 7]. Это суд являлся апелляционной инстанцией родовых судов и расправ и находился под контролем Астраханского генерал-губернатора [3, 9]. Как изначально задумывалось, малые проступки и тяжёбые дела судили по обычному праву кабардинцев [11, 35]. Рассмотрение уголовных и политических дел входило в компетенцию Пограничного суда, и производились они «по законам Империи» [4, 50]. Заседатели Пограничного суда и родовых судов и расправ из кабардинских князей и уорков должны были переизбираться каждые три года.

Состав родовых судов и расправ формировался путем выборов и прямых назначений из наиболее влиятельных дворян и князей. Поэтому местных князей устраивал такой ход вещей.

Судебная реформа 90-х годов XVIII в. позволила укрепить позиции Российской империи на Кавказе, в том числе и в Малой Кабарде. При этом деятельность родовых судов и расправ не была ограничена судопроизводством. Только с их разрешения кабардинцам разрешалось созывать народные собрания (хасэ). С точ-

ки зрения В.Х. Кажарова, эти суды были отправной точкой кризиса традиционных общественных институтов [13, 101].

По отношению к введенным родовым судам и расправам враждебную позицию заняло мусульманское духовенство. Это объяснялось тем, что его политическое влияние было ограничено. Поэтому при содействии антироссийски настроенных князей духовенство вело активную деятельность против новых судебных учреждений [4, 52]. В 1807 году шариатское движение прервало деятельность русских судебных органов. В Малой Кабарде был один духовный суд («мехкеме»). Н.Ф. Грабовский указывал, что сущность «мехкеме» состояла в сословности органа, созданного для привилегированных слоев населения [14, 8]. Мехкеме в своей деятельности основывалось на нормах шариата.

1807-1822 годы считаются периодом «духовного правления» в Кабарде. Роль Российского судопроизводства была сведена к минимуму, чем Кавказское военное командование, конечно, было недовольно.

Чтобы устранить разногласия между кабардинцами и российским правительством, А.П. Ермолов в 1822 открыл в крепости Нальчик Временный кабардинский суд. С учреждением этого органа завершился процесс ликвидации государственности Кабарды. Деятельность органа была подконтрольна Коцереву – начальнику Кабарды, полковнику артиллерии [15, 9]. Верховный князь Кабарды Кучук Джанхотов был назначен председателем суда, а секретарем – капитан Якуб Шарданов, одним из судей был дворянин от Малой Кабарды – Али-Мирза Коголко [16, 266]. Несколько российских офицеров служили в составе суда. В их обязанности входили: подготовка и принятие от населения исковых документов, проверка текущей документации и журналов.

Генерал А.П. Ермолов подписал пять прокламаций, в которых были закреплены основы судебной реформы, обобщенные в «Наставлении». Одна из прокламаций (от 29 августа 1822 года) регламентировала учреждение Кабардинского временного суда. В ней говорилось, что в полномочия Временного суда входит рассмотрение гражданских дел и маловажных поступков меж-

ду всеми сословиями кабардинцев [17, 13]. К таким делам относились: оскорбления владельцев подданными, обманы, драки без оружия, воровство имущества на сумму не более чем на 200 рублей и т.д. [9, 99]. Меры наказания были относительно мягкие: штрафы или возмещение убытков. Если проступки по отношению к владельцам были малозначительны, то они имели право без суда назначать провинившимся наказания. Примечательным в судопроизводстве было отсутствие такой формы наказания, как лишение свободы.

Серьезные уголовные дела разбирались военным судом по законам Российской империи. В состав суда входил и кадий, представитель мусульманского духовенства, но он не имел права вмешиваться в судебные дела [5, 167]. По законодательству ислама решались дела, касающиеся веры, разногласий между женой и мужем, родителями и детьми. На деле же по шариату разбирались дела по различным тяжбам. Дела, которые следовало рассмотреть по шариату, разбирались по обычному праву во Временном суде. Это говорило о стремлении приспособить шариат к обычному праву, а представителей духовенства – уже к русскому законодательству. Получается, что в судебной системе шариату было позволено активно взаимодействовать с новым органом власти. Скорее всего, это было сделано для сглаживания острых углов в отношениях с духовенством.

На протяжении всего периода деятельности этого административно-судебного органа поднимались вопросы о повышении качества работы Временного суда. Князь Ф.А. Бекович-Черкасский в 1829 году подготовил проект «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средства улучшения благосостояния онога», в котором были обоснованы меры по усовершенствованию экономической и общественно-политической жизни кабардинцев. Он предлагал создать особый суд в Малой Кабарде, состоящий из привилегированных сословий кабардинцев и духовенства [18, 223]. Но этот проект в части судебной реформы не был реализован.

Факты указывают на то, что помимо судебных полномочий

Кабардинский временный суд выполнял и административные функции. По данным А.Х. Абазова, во второй четверти XIX века появляется новое исполнение наказания в Кабарде – привлечение к принудительным работам заключенных [11, 77]. В 1858 году Кабардинский временный суд был упразднен. Вместо него открытыми Кабардинский окружной народный суд. Создание Кабардинского временного суда способствовало внесению большей четкости и определенности во взаимоотношения между участниками суда в Малой Кабарде.

Таким образом, Малая Кабарда претерпевает как административные, так и судебные преобразования. Первым шагом на пути к упразднению традиционных институтов власти и к внедрению российских институтов было введение приставства в регионе.

Во-вторых, создание родовых судов и расправ позволило российской администрации вмешиваться во внутренние дела Малой Кабарды, но это вызвало такое жесткое сопротивление, что в 1807 г. они были отменены, и открыт шариатский суд.

В-третьих, введение Временного суда в Кабарде способствовало ослаблению произвола местных владельцев; отныне патриархально-феодалные отношения теряют лидирующее место в системе управления малокабардинским регионом.

1. Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.

2. Налоева Е.Д. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды и Балкарии первой половины XVIII века // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6.

3. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.

4. Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). Нальчик, 2007.

5. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

6. Казаков А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв. Биографический справочник. Нальчик, 2006.
7. Нахушева И. Р. Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Кавказология, 2020. № 3.
8. Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993.
9. АКАК 1882 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 2. Тифлис, 1868.
10. Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1876.
11. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Нальчик, 2016.
12. Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI вв.). Учебное пособие/А. Х. Абазов, М. В. Дышеков. Нальчик, 2015.
13. Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992.
14. Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России и её борьба за независимость //Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.
15. АКАК 1882 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 6. Тифлис, 1874.
16. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-н/Д, 2005.
17. Материалы по обычному праву кабардинцев/Сост. Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956.
18. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней/глав. ред. Т. Х. Кумыков. Т. 1. М, 1967.
19. Гарданов В. К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.

А. Ж. Мокаева,

магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова

Е. Г. Муратова,

дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ А. С. ФИРКОВИЧА В БАЛКАРСКИЕ ГОРСКИЕ ОБЩЕСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена изучению научной деятельности Абрама Самуиловича Фирковича (1788-1874) на Центральном Кавказе. Он известен как прекрасный знаток древних языков, библиофил, ценитель и собиратель древностей. В статье рассмотрены отчетные материалы экспедиции А. С. Фирковича на Северный Кавказ в 1848-1849 гг. как исторический источник. Раскрыта роль археологических изысканий ученого в изучении средневековой истории Балкарии. Дана оценка дневнику Фирковича, хранящегося в составе его коллекции в Российской национальной библиотеке. Показан вклад ученого в сохранение культурного наследия народов Кавказского региона.

Ключевые слова: А. С. Фиркович, археологические материалы, средневековая Балкария, христианство.

The article is devoted to the study of the scientific activity of Abraham ben Samuel Firkovich (1788-1874) in the Central Caucasus. He is known as an excellent connoisseur of ancient languages, bibliophile and collector of antiquities. The article considers the reporting materials of the expedition of Abraham Firkovich to the North Caucasus in 1848-1849 as a historical source. The role of this scientist's archaeological research in the study of the medieval history of Balkaria is shown. An assessment is given of Firkovich's diary, which is kept as part of his collection in the Russian National Library. The contribution of the scientist to the preservation of the cultural heritage of the peoples of the Caucasus region is shown.

Keywords: Abraham Firkovich, archaeological materials, medieval Balkaria, Christianity.

Научное изучение Кавказа началось еще при Петре I. Уже тогда геодезические съемки велись на Азовском и Черном морях, проводилось картографическое изучение Каспийского побережья, были исследованы Брагунские горячие источники, открыты нефтяные месторождения в районе Малгобека, собирались

естественно-научные и этнографические данные о Северо-Восточном Кавказе и Дагестане. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась выдающимися успехами кавказоведения в Петербургской Академии наук, ставшей признанным мировым центром изучения Кавказа. Академические экспедиции, отправленные в этот регион, собрали богатые материалы, в том числе по истории и географии Северного Кавказа. В начале XIX в. появляются военно-топографические, статистико-этнографические и хозяйственные описания, что связано с усилением военно-политического присутствия России в этом регионе [1]. Возрастание интереса к истории народов Северного Кавказа вызывало настоятельную потребность в привлечении археологических данных. Тем более, что проведенные изыскания зафиксировали развалины древних городов, наличие изваяний и каменных плит с надписями на разных языках, древние захоронения и другие исторические объекты. Наименее изученными в археологическом отношении оказались горные теснины Центрального Кавказа.

В отечественной историографии начало археологического изучения Северного Кавказа связывают с именем караима Аврама Самуиловича (или Соломоновича) Фирковича (1788-1874). Он был известен как прекрасный знаток древних языков, библиофил, большой ценитель и собиратель древностей. За свою долгую жизнь, а он прожил 86 лет, этот неутомимый путешественник объездил многие страны Европы и Азии, разыскал и приобрёл множество артефактов, но особые усилия он направил на поиски древних рукописей. В 1862 и в 1870 гг. богатая коллекция А.С. Фирковича, состоящая из собранных им старинных книг и манускриптов, в основном восточных, насчитывающая тысячи единиц хранения, в составе двух собраний была приобретена Императорской публичной библиотекой и хранится ныне в Санкт-Петербурге, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в Фонде 946. Именно в коллекции А.С. Фирковича была в своё время обнаружена копия пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, датированного X в., – основного источника сведений о политической истории Хазарского кагана-

та. Также там хранится древнейший полный кодекс Библии на иврите, положенный в основу всех современных изданий, что свидетельствует о большом значении данного собрания. В коллекции Фирковича содержатся и отдельные материалы по истории и археологии Балкарии, в частности, его дневник, составленный в ходе второй кавказской экспедиции, что представляет специальный интерес для данной темы.

Организатором первой целенаправленной археологической экспедиции выступило основанное в 1839 году Одесское общество истории и древностей, которое приняло Фирковича как полноправного члена, снабдило инструкциями и откомандировало на Кавказ. Караимская община финансировала поиски только еврейских древностей, а поиски остальных древностей осуществлялись за счет Одесского общества истории и древностей. В 1840 г. А. С. Фиркович первый раз отправился на Кавказ, а в 1848-1850 гг. состоялось его второе путешествие в этот регион.

Вторая экспедиция А. С. Фирковича пользовалась поддержкой кавказских властей. Сам путешественник заявлял, что предпринял поездку по распоряжению Кавказского наместника князя М. С. Воронцова, с 1845 г. пребывавшего в этой должности. Известно, что научные занятия Фирковича были обусловлены его активным участием в борьбе за расширение прав российских караимов и поэтому требовали тесных контактов с представителями высшей кавказской администрации. Высокое покровительство наместника обеспечило Фирковичу довольно благоприятные условия для экспедиционной работы. Ему было предоставлено финансирование, а также средства передвижения, охрана, проводники и переводчики. В этом путешествии А. С. Фирковича сопровождали его зять, Гавриэль Фиркович, ставший доверенным лицом, а также Александр Тархов, студент Санкт-Петербургского университета, знавший греческий, а потому способный помочь в исследовании эллинистических и византийских текстов и надписей [2, 19].

Отправляясь на разведку археологических богатств Северного Кавказа, А. С. Фиркович ставил своей целью поиски, пре-

жде всего, иудейских древностей, но также, по его собственному признанию, он внимательно относился к выявлению древностей греческих, латинских, грузинских, армянских и других. Несмотря на осеннюю погоду, бездорожье, а также свой преклонный возраст, археолог сумел за три месяца побывать не только в предгорных районах, но и объехать четыре горные ущелья Балкарии, которые посетил в 1849 г.

По завершении экспедиции А.С. Фиркович составил о ней подробный отчёт, который был заслушан на заседании Одесского общества истории и древностей 31 января 1852 г. Приобретённые археологом предметы, копии надписей и рукописи были приняты на хранение секретарём общества, а отчёт решено передать в издательский комитет. Этот отчет был опубликован лишь спустя 5 лет в издании Русского археологического общества [3]. Т.В. Даданова ошибочно полагает, что Фиркович опубликовал в IX томе «Записок Русского Археологического общества» свой дневник на иврите [4, 42]. Конечно же, публикация Авраама Фирковича в этом издании выполнена на русском языке. В статье Д. Белецкого, на которую она ссылается, речь идет о написанном на иврите дневнике Фирковича, который еще не переведен на русский язык и хранится в архивной коллекции Российской национальной библиотеки. Однако в отличие от опубликованных материалов Фирковича, этот документ сопровождается «неумелыми, но старательными зарисовками» всех найденных древностей, что позволяет легко атрибутировать иллюстрации архивного дневника, имея на руках опубликованную статью этого ученого [5, 201]. В 2006 году в III выпуске сборника «Балкария: страницы прошлого» работа А.С. Фирковича с небольшим археографическим введением и ценными научными комментариями Е.С. Тютюниной была переиздана, что сделало ее доступной для современных исследователей [6, 46-69].

Материалы «Археологических разведок на Кавказе» А.С. Фирковича представлены в жанре популярных в то время путевых заметок, где он подробно объясняет цель и задачи своего путешествия. Его экспедицию на Кавказ предваряла большая подго-

товительная работа. Фиркович изучил карту Кавказа и пришел к заключению, что для торговых сношений с Востоком преимущество имели два пути: на север – по течению Кубани и Терека, с их южными притоками, и на юг – по Риону, Куре и Араксу. С устья Кубани в мае 1848 г. он и начал свою экспедицию. Немного разочаровавшись отсутствием следов древней жизни в прикубанских степях и объяснив это бесконечными переселениями и передвижениями народов, уничтожавшими памятники древнего мира на своем пути в Европу, исследователь сначала повернул на юг к вершинам Эльбруса, а затем решил последовательно изучить все ущелья Центрального Кавказа, справедливо предположив именно там найти древние христианские памятники. В своем отчете А.С. Фиркович постоянно демонстрирует знакомство с научной литературой, ссылаясь в своих умозаключениях на работы проф. Мурзакевича, Броневского, Палласа, Абиха и других предшественников; он кропотливо собирает сведения, указывая всех своих информантов, подробно описывает раздобытые артефакты и места их приобретения.

После обследования Карачая и древних Маджар, в октябре 1849 г. А.С. Фиркович оказался в русской крепости Нальчик, рядом с которой незадолго до этого возник еврейский поселок из дагестанских переселенцев. Из Нальчика путешественники периодически отправлялись в близлежащие горы и ущелья в поисках древностей. В своем дневнике А.С. Фиркович называет эти места обобщенно: Чегемия, Хуламия, Уруспия, Балкария. Свой интерес к путешествию в горские общества исследователь объясняет местными преданиями, которые свидетельствуют о том, что в Чегемском и Балкарском ущельях в древних церквах находятся книги. Согласно отчету путешественника, в ущелья его сопровождали «горские князья», с которыми он близко познакомился. Можно предположить, что этническое происхождение А.С. Фирковича облегчило ему непосредственные контакты с тюркоязычными балкарцами и карачаевцами. Ведь язык карачаевцев относится к тюркским языкам, хотя, по вероисповеданию, они – иудеи. Интересно отметить, что один из аулов Фиркович также называет на балкарский манер – Озруклар.

Всего за время экспедиции исследователь осмотрел и описал 27 памятников, в их числе – боевые башни, наземные каменные усыпальницы, а также полуразрушенные христианские церкви. Ограниченность поставленных им целей оставляла вне поля зрения многие объекты и отразилась на качестве собранных материалов. Все же научные методы, которыми пользовался А.С. Фиркович, дали достаточно полную и точную информацию о его находках. Среди этих методов – личный осмотр объекта, его измерение, фиксация в записях внешнего вида, материала из которого он выполнен, чтение имеющихся надписей, затем сбор у местного населения и запись преданий, связанных с памятником, в некоторых случаях производство раскопок [6, 36].

Квалификация и опыт позволили Фирковичу дать точные указания на местоположение и полное описание археологических памятников, в общем верно определить их происхождение и время появления. В то время о происхождении памятников судили приблизительно, по их принадлежности к той или иной религии. Поэтому внимание исследователя привлекали в первую очередь культовые сооружения. А.С. Фиркович описал 18 таких объектов, только один из них (древнее кладбище в ауле Безенги) отнес по преданию к языческим временам. По мнению современного археолога В.М. Батчаева, такая датировка, конечно, не могла определить, когда функционировал данный могильник, так как археологом не были установлены хронологические рамки распространения той или иной религии. Главным признаком его происхождения А.С. Фиркович считал изображение на памятнике или находку вблизи него символа христианской веры – креста. Не определяя начальной даты возникновения христианских памятников, А.С. Фиркович приходит к выводу, что их существование могло продолжаться не позже XVI-XVII вв., то есть связывает их со временем окончательной утраты религиозного влияния Византийской империи [7, 68].

В Балкарском ущелье А.С. Фиркович был поражен множеством башен, построенных недалеко друг от друга и представляющих как бы единое крепостное сооружение. По его мнению,

древнейшие башни высились на неприступных скалах, а более новые были выстроены на развалинах и в середине горского аула. В одной из башен Фиркович насчитал даже семь этажей. Описывая эти укрепления и башни, исследователь воздерживается от их датировки, предпочитая ссылаться на местные предания. Только башни в Верхней Балкарии он относит к XVI-XVII вв., что совпадает и с ныне принятой датировкой [8].

В Балкарии А.С. Фиркович первостепенное внимание обращал на христианские древности. На башнях он зафиксировал изображение крестов, а также описал небольшие разрушенные и полуразрушенные христианские храмы. Так, А.С. Фиркович упоминает церковь под названием «Ойт-ойт-каясы», еще совсем недавно существовавшую в этих горах. По свидетельствам жителей, на ее стенах имелись надписи и украшения. Но церковь эта, по словам исследователя, была «уничтожена в недавнее время до основания, так что ни малейшего её следа не осталось» [3, 401-402].

В Чегемском ущелье А.С. Фиркович обнаружил сохранившуюся церковь: она находилась около села Ишканти и носила название «Артла». Это сооружение, по свидетельству археолога, имело в длину семь аршин и в ширину пять аршин. Третья церковь находилась непосредственно в самом селе Ишканти. А.С. Фиркович лично видел и зафиксировал изображение головы барана, которое было нанесено с левой стороны двери. Сама дверь этого храма была обращена на запад, а на преддверии был сооружен крест. По рассказам местных жителей, под этой церковью будто бы находился погреб, в котором в больших сундуках хранились церковные книги и утварь. Информант А.С. Фирковича, местный житель, которого он называет Хаджи-Зазсе, сообщил ему, что «еще на его памяти мухаммеданской веры здесь не знали; вероисповедывание было свободно: христиане отправляли богослужение в церквях, другие приносили жертвы и исполняли разные обряды в лесах под священными деревьями и в диких скалах и т. п. Только лет за 60 один эфенди, прибывший из Дагестана, начал проповедовать здесь Коран. Книги же и прочая утварь

долгое время были неприкосновенны; к самим церквям питали уважение, родильницы и больные ходили в церковь на поклонение, делали обеты и приносили жертвы; но назад тому около двадцати пяти другой эфенди, прибывший из Дагестана, объявил народу, что книги те писаны на языке «неверных», и как церкви, так и вещи подлежат истреблению. Эфенди оставил у себя небольшую книжку, писанную на коже с разными украшениями, вероятно, Евангелие» [3, 397-398]. Этот же осведомитель поведал путешественнику, что многие жители ущелья не исполняют в точности всех установлений ислама, не ходят в мечеть, не делают обрезания и совершают различные языческие обряды.

К числу недостатков опубликованных Фирковичем сведений следует отнести отсутствие каких-либо иллюстраций и чертежей, сопровождающих описанные объекты. Тем не менее отдельные зарисовки Фирковича, а также другие важные сведения об археологических древностях Балкарии содержатся в его первом собрании в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, о чем упоминалось выше. Так, в дневнике А. Фирковича имеется рисунок плана и фасадов, находившегося в Чегемском ущелье храма с «вписанной» апсидой и с полукруглым тимпаном над входом с изображением креста [9, 60-61]. Эти изображения прекрасно дополняют словесные описания и позволяют составить полное представление об археологическом объекте.

В ауле Безенги А.С. Фиркович также обнаружил и описал маленькую церковь, на стенах которой изображены «аль-фреско 11 угодников Божьих и видны полустертые грузинские надписи». На северной наружной стене церкви исследователь отметил изображение св. Георгия на коне [3, 400]. Аналогичные изображения известны в Верхней Сванетии. В дневнике Фирковича есть зарисовки нескольких изображений из этой церкви. Кроме упоминания образа св. всадника на фасаде исследователь пишет еще о 5 фигурах в интерьере памятника: о фронтальном образе Спасителя с крещатым нимбом; о 2 фигурах в молении, очевидно,

Богородице и св. Иоанне Предтече; о 2 фигурах святых – одной в шлеме (если Фиркович правильно определил эту деталь), возможно, воина-мученика, другой – в длинном орнаментированном платье [9, 60-61].

Датировка росписей в балкарских храмах вызывает у исследователей вопросы, поскольку о ее качестве и хронологии приходится судить только по рисункам исследователей XIX в. Сам же А.С. Фиркович комментировал, что росписи в церкви сделаны «весьма грубо», что соответствует представленным в его дневнике рисункам. Сходно по стилистике и манере изображения выглядят зарисовки фресок в так называемом альбоме Вырубова [10].

Таким образом, только в середине XIX века, благодаря археологическим разведкам на Кавказе Абрама Самуиловича Фирковича, можно говорить о начале формирования традиции полевых исследований археологических памятников. В ходе своей второй кавказской экспедиции этот известный собиратель древностей примерно в течение трех месяцев 1849 года исследовал археологические объекты, обнаруженные в балкарских ущельях. В основном Фиркович описал старинные церкви, остатки укреплений и надгробных сооружений. В местном сообществе память о его посещении сохранялась еще очень долго. Археолог Н.А. Нарышкин, побывавший в Балкарии через 18 лет после него, сообщал, «что память о господине Фирковиче еще сохранилась в здешнем крае; его неизвестно почему зовут здесь Захаром и приписывают ему желание обратить жителей в христианство». При этом информанты сообщили Нарышкину, «что Фиркович во время своих разъездов подвергался опасности быть убитым по причине все той же вымышленной миссионерской деятельности» [6, 38]. Можно предположить, что А.С. Фирковича во время его археологических экскурсий в горские общества сопровождал помощник балкарского пристава, миссионер Захарий Исааков, поэтому в народной памяти караим-исследователь и запомнился под именем Захар, а его интерес к археологическим памятникам связали с миссионерской работой.

В истории археологического изучения Кабардино-Балкарии именно Абрам Самуилович Фиркович отмечен в качестве первого исследователя, пытавшегося проводить археологические раскопки на ее территории. Материалы его экспедиции в горские общества являются важным историческим источником по средневековой истории Балкарии.

Для последующих поколений археологов материалы, собранные А.С. Фирковичем, являются своего рода отправной точкой дальнейших исследований. Так, например, в отчете Вс. Миллера об археологической экскурсии в Баксанское ущелье в 1883 г. описание древнего могильника на правой стороне Баксана на горе Калакол близ аула Озорокова предваряется отсылкой к работе Фирковича, где содержится описание башни (кала), которая и дала название этой горе. «На вершине едва доступной горы заметна развалина каменного строения, от которого уцелела одна задняя стенка, вышиной около 6, шириною 10, толщиной 1,5 арш., с небольшим окном. Из развалин этого строения выстроены обширные коши». Далее Фиркович изложил предание рассказанное ему в Чегеме и содержащее тайну этого места. Якобы, в пещере, находившейся под этим строением, «хранятся книги, разные вещи и оружие под проклятием, а потому никто не решается прикоснуться к ним и даже открывать тайну эту другим под опасением дурных последствий» [11, 87].

В конце XIX века большое количество зарисовок архитектурно-археологических памятников Балкарии, часть из которых безвозвратно утрачена, была сделана, по-видимому, археологом И.А. Владимировым [12] и сохранилась в коллекции тогдашнего начальника Нальчикского округа Д.А. Вырубова (сейчас находится в Кунсткамере). В 1920-х гг. изучением археологических памятников Северного Кавказа занялась Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) имени Н.Я. Марра. В 1924 г. экспедиция ГАИМК во главе с А.А. Миллером изучила памятники Верхней Балкарии. В 50-60-х гг. XX в. советские ученые успешно продолжили археологические изыскания в ущельях Центрального Кавказа, заложив основы современной археоло-

гической карты региона и предоставив возможность в последующий период на основе материальных источников осветить средневековую историю Балкарии, плохо документированную письменными упоминаниями.

И если в историографии уже более ста лет обсуждается вопрос об Абраме Фирковиче как фальсификаторе отдельных источников по истории караимов, из которых происходил А.С. Фиркович, то его вклад в археологическое изучение Центрального Кавказа и балкарских ущелий никакому сомнению не подвергается. Напротив, исследователи констатируют вклад Фирковича в том числе в сохранение культурного наследия народов региона.

Благодаря интересу А.С. Фирковича к духовным традициям и историческим древностям иных народов и религиозных групп, его усилиями при поддержке местной администрации в Пятигорске был создан первый музей древностей под открытым небом, располагавшийся у современной Академической галереи. В этом музее были установлены привезенные из различных частей Северного Кавказа кресты, каменные изваяния, надгробные стелы. В частности, А.С. Фиркович перевез в Пятигорск статую Дука-бека. Позже этот уникальный памятник был доставлен в Москву, где находится и в наши дни в Государственном историческом музее [13, 63]. Первое собрание коллекции Фирковича Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга содержит, наряду с обширными материалами по истории и культуре караимов, ради которых он и отправлялся в свои путешествия, ценные документы, относящиеся к истории и культуре других народов Кавказа.

1. Муратова Е.Г. Изучение истории Северного Кавказа XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 2010. №5. С. 160-169.

2. Шапира Д. Как наблюдатель трансформирует наблюдаемый объект: Аврам Фиркович на Кавказе в 1840 г. и в 1849-1850 гг. и его влияние на горских евреев // Judaica Rossica. 2006. №4. С. 8-31.

3. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического общества. Т. IX. СПб., 1857. С. 371-405.
4. Дадиянова Т.В. Влияние Византии на церковное зодчество и иконопись // Kavkaz-Forum. 2022. № 11 (18). С. 38-51.
5. Белецкий Д. Проблемы сохранения и исследований средневековых архитектурных памятников Северного Кавказа // Да-рьял. 2010. № 3. С. 196-207.
6. Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2006. Вып. III. 126 с.
7. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М.: Институт археологии Кавказа, 2006. 239 с.
8. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик: Эльбрус, 1970. 91 с.
9. Белецкий Д. В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. Изд. 2-е, испр. М.: ИВ РАН, 2021. 440 с.
10. Лавров Л.И. Альбом и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 71-84.
11. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888.
12. Дружинина И.А. К изучению церкви у селения Былым: новый взгляд на старые источники // Byzantino Caucasia: Сборник статей. Вып. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 95-120.
13. Фоменко В.А. Древности долины реки Хасаут и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 82 с.

Л. Т. Азмурзаева,

студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова,

Е. Г. Муратова,

дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,

(г. Нальчик)

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВ И ТОЛСТОВЦЫ

В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные с пребыванием в Терской области последователей оригинальной религиозно-нравственной теории Л. Н. Толстого. Показан вклад журналиста Е. З. Баранова в изучение этого феномена русской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. Е. З. Баранов тесно общался с толстовцами, проживавшими в регионе, и неоднократно писал о них на страницах кавказских газет, а впоследствии посвятил им отдельную книгу.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Е. З. Баранов, толстовцы, Лев Толстой, Терская область.

The article deals with some issues related to the presence in the Terek region of the followers of the original religious and moral theory of Lev Tolstoy. The contribution of journalist Evgeny Baranov to the study of this phenomenon of Russian public life in the late XIX – early XX centuries is shown. Evgeny Baranov was in close contact with Tolstoy's people living in the region, and repeatedly wrote about them on the pages of Caucasian newspapers, and later dedicated a separate book to them.

Keywords: Evgeny Baranov, Tolstoyans, North Caucasus, Lev Tolstoy, Terek region.

Евгений Захарович Баранов (1869–1934) – первый профессиональный журналист Нальчикского округа Терской области, работавший в конце XIX – начале XX вв. в ряде кавказских газет. Его публицистические статьи и собранные им фольклорные материалы сегодня являются прочной основой для изучения истории, этнографии и культуры народов Северного Кавказа, неотъемлемой частью источниковой базы краеведения.

Журналистское наследие Е. З. Баранова уже становилось предметом нашего исследования [1], [2]. Показан его вклад в обсуждение наиболее острых и актуальных вопросов исторической повестки, в частности общественного обсуждения проблем

землевладения и землепользования у горских народов нагорной полосы Терской области. Отмечается, что публицистические работы Е.З. Баранова отвечали самым злободневным общественно-политическим запросам.

Цель данной статьи – рассмотреть вклад Евгения Захаровича Баранова в изучение толстовских колоний в Терской области в «северокавказский период» его жизни (до 1911 г.).

Источниковой основой послужили, в первую очередь, опубликованные автобиографические материалы Евгения Захаровича Баранова [3]. Эго-источники способствуют наиболее полному исследованию поставленных вопросов, поскольку существенно дополняют информацию, выявленную в ходе историографического анализа. Во-вторых, сами многочисленные публикации Евгения Баранова в кавказской периодической печати конца XIX – начала XX вв. позволяют определить его журналистские пристрастия и общественно-политические взгляды в рассматриваемый период. В-третьих, делопроизводственная документация, отразившая государственное преследование Е.З. Баранова за его «революционную» молодость, частично опубликованная в работе Е.С. Тютюниной [4], дает возможность уточнить и конкретизировать мировоззренческие взгляды журналиста и его роль в общественной жизни.

Статья выполнена с использованием методов эмпирического исследования. Сочетание макро- и микроисторического подходов через изучение исторического контекста эпохи и использование биографического метода позволяют реконструировать некоторые вехи жизненного пути Евгения Захаровича Баранова и показать его влияние на формирование общественного мнения.

Одним из новых и интересных явлений общественно-политической жизни Терской области конца XIX века – «толстовство», которое как направление русской религиозной общественной жизни основывалось на этическом и религиозном учении Льва Николаевича Толстого. Оно представляло собой разнообразный, но недостаточно изученный факт культурной жизни России

конца XIX – XX вв. Между тем один из последователей Толстого, писатель и просветитель М.И. Горбунов-Посадов, справедливо замечал, что «история толстовского движения заслуживает многолетнего исследования» [5, 3]. Появление «толстовства» первоначально как факта социальной жизни отдельных людей относят к рубежу 1870-1880-х гг. и связывают с публикацией религиозно-философских произведений Л.Н. Толстого «В чем моя вера?», «Исповедь», «О жизни», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех евангелий», «Царство божие внутри вас» и других. В этих произведениях достаточно четко прослеживается «программа жизнестроительства», в основе которой были следующие положения: первенство этической составляющей в жизни человека; отрицание догматической (обрядовой) стороны религии; проповедь непротивления злу насилием; отрицание городской цивилизации, частной собственности, иных форм государственного регулирования жизни человека; отказ от воинской повинности [6, 173]. В качестве основополагающей выдвигалась программа нравственного совершенствования и следования естественной природной жизни. К началу 1890-х годов толстовство утвердилось как оригинальное религиозное и политическое течение, а уже в 1897 году было объявлено «вредной сектой» и признано вне закона. Сочинения, в которых излагались религиозно-философские взгляды писателя, не допускались к публикации. В 1901 году Лев Николаевич Толстой был отлучен от церкви.

Однако ни государственный запрет, ни постоянные гонения, ни долговременные аресты, ни тюремные заключения не сумели остановить толстовцев на пути объединения в общины. Для привлечения крестьян в общества последователи этой оригинальной религиозно-нравственной теории, спасаясь от преследований, в основном селились в отдаленных губерниях, зачастую на самых окраинах Российской Империи.

Одним из таких мест оказался Нальчик, куда в 1894 г. вернулся Евгений Баранов после недолгого пребывания в Ставрополе. Ему стало известно, что в Нальчике поселилась целая группа людей,

отличающаяся неординарными мыслями и незаурядным образом жизни. Мимо такого факта любознательный журналист, конечно, пройти не мог. В своей автобиографии об этом событии он делает краткую запись: «В 1894 г. возвращаюсь в Нальчик, начиная работать в колонии «толстовцев», затем занимаюсь собиранием этнографического материала, который впоследствии печатался в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» [3, 233].

Первые свои впечатления о жизни и быте толстовцев Терской области журналист Е. Баранов изложил в специальной статье, опубликованной в газете «Приазовский край». В частности, о занятиях здешних толстовцев он пишет, что, «проживая в первое время в слободе Нальчик, одни из них занимались столярным ремеслом, другие – огородничеством и пчеловодством, и третьи нанимались на поденную работу – рыли на даче одного местного землевладельца канавы, рубили дрова» [7].

Такая заинтересованность и детальное знание темы позволили некоторым исследователям отнести самого Евгения Захаровича Баранова к числу последователей учения Толстого [8]. Однако здесь следует сделать определенное уточнение. Действительно, Е. З. Баранов, как и толстовцы, в то время состоял под негласным надзором полиции, и наравне с ними был признан «политически неблагонадежным». Это объясняет то обстоятельство, что документы о них содержатся в одном архивном деле. Но известно, что под надзор полиции журналист попал несколько раньше, еще в 1887 году, за революционную деятельность.

Согласно справке начальника Терской области, представленной в Департамент полиции 24 июля 1895 года, «Евгений Захарович Баранов, будучи воспитанником Строгановского училища рисования в Москве, в 1887 г., привлекался к дознанию по делу Леонида Меньшикова, Михаила Трегоровского и других лиц, обвинявшихся в принадлежности к преступному сообществу, причем по обыску у Баранова, проживавшего у Меньшикова, были найдены рукописи революционного содержания. Дознанием по сему делу Баранов был изобличен в имении у себя упомянутых

рукописей, переписанных им, по просьбе Меньшикова, с экземпляров, данных ему сим последним. При определении степени ответственности Баранова было принято во внимание юный возраст названного обвиняемого и то обстоятельство, что Баранов, совершая описанные деяния, всецело находился под влиянием своего товарища – Меньшикова» [9]. Так, уже на первом году обучения Баранов был арестован по распоряжению московского охранного отделения. При обыске, кроме рукописи и двух нелегальных брошюр, у него ничего не нашли. По мнению жандармов, он был уличен в чтении и распространении «революционной литературы».

После 6-месячного заключения Е.З. Баранов был выслан из Москвы и проживал в слободе Нальчик. Находясь под надзором местной полиции, он вынужден был обо всех своих перемещениях сообщать местным властям и испрашивать разрешения начальника Нальчикского округа, о чем в фонде 6 Центрального государственного архива КБР отложились соответствующие документы [10]. Тем временем дело Е.З. Баранова, обвинявшегося в государственном преступлении, разрешилось административным порядком, и он подвергся тюремному наказанию на Нальчикской гауптвахте, длившемуся около 3 месяцев с учреждением за ним негласного полицейского надзора в течение 2 лет [11].

Таким образом, можно согласиться с мнением Е.С. Тютюниной, что факт наличия документов, подтверждающих «антигосударственную деятельность» журналиста в том же архивном деле, что и документы толстовцев, не может служить основанием для отнесения Е.З. Баранова к последователям учения Льва Толстого [4]. Об этом говорит и сам Евгений Захарович в своей автобиографии: «Потом поставлено было мне в вину мое близкое знакомство с толстовцами: сначала в самом Нальчике, а потом в его окрестностях была колония толстовцев. Я сам никогда не был толстовцем, но к некоторым из них, как, например, братьям Воробьевым, Алехину и Скороходову, относился с большим уважением, как к людям очень чутким и вполне порядочным. Но все же приезжал жандармский полковник обыскивать и толстовцев,

и меня. У толстовцев отобрал гектографированную «Исповедь» Толстого, еще что-то; у меня ничего не нашел, потому что ничего и не было» [3, 237].

Тем менее, известно, что Е.З. Баранов изучил во всех подробностях их жизнь и деятельность, а с некоторыми «апостолами» толстовства на Северном Кавказе он находился вполне близких дружеских отношениях. Так, в историографии упоминается, что журналист был лично знаком со Скороходовым, кн. Дадияни, Воробьевым, Алехиным. На этот счет сам журналист пишет: «Первых двух я знал очень мало – наше знакомство ограничилось мимолетной встречей, а с Воробьевым, особенно с Алехиным, был хорошо знаком. Воробьев был пламенный фанатик, ради идеи отвергший сытую и спокойную жизнь, искренне жаждавший заточения за свои убеждения в одном из каменных мешков тюрьмы Суздальского монастыря. Алехин, близкий друг Толстого, находившийся с ним в переписке, представлял собою прямое олицетворение благородства. Художник по специальности, он, как говорят, отказался от большого отцовского наследства, поселился в Нальчике прежней Терской области и занялся пчеловодством. После революции 1905 г. он принял участие в общественных делах Нальчика, разоблачил расхищение мироедами общественного достояния, нажил много врагов, которые, желая избавиться от него, из засады стреляли в него из ружья, но, к счастью, неудачно. В 1912 г., как он мне сообщил, принялся за писание книги «О применении идей Л.Н. Толстого в жизни». Была ли написана эта книга, мне неизвестно» [4, 71-72]. Безусловно, публикации Е.З. Баранова составили важную источниковедческую основу современной историографии о толстовцах Нальчикского округа и, прежде всего, о художнике Митрофане Васильевиче Алехине.

Отдельный интерес вызывает воспоминание Е. Баранова о встрече с толстовцем по имени Михаил Михайлович, которое он опубликовал в газете «Казбек» в 1900 г. [12]. По предположению исследователей, речь в этой публикации может идти о сотнике одного из Донских казачьих полков М.М. Пудавове, который после распада колонии толстовцев проживал в селе

Ново-Ивановском Нальчикского округа. Сначала Е.З. Баранов описывает предысторию этого знакомства: «Побывали бы вы в нашей колонии, познакомились бы с Михаилом Михайловичем» – часто говаривал мне проживавший в слободе Нальчик толстовец Ефим Николаевич Воробьев. Вот это, я вам скажу, человек так человек. Заинтересовавшись этим таинственным Михаилом Михайловичем, я в один ясный и теплый весенний день прибыл в колонию толстовцев, расположенную в верстах 30-35 от слободы Нальчик на живописном берегу горной речки Лескен. По указанию одного из знакомых толстовцев я отыскал домик Михаила Михайловича» [4].

Далее Е. Баранов дает описание жилища толстовца и точную зарисовку его образа жизни: «Домик небольшой, под камышовой крышей, сильно смахивал на малороссийскую хату, не хватало только деревьев вокруг него да во дворе колодца со скрипучим журавлем. Вокруг все было так чисто, старательно прибрано, и сама хата по наружному виду выглядела такой чистенькой и опрятной, что сразу заметна была заботливая рука хозяина.

Самого хозяина я нашел на огороде: он был занят работой – сыпкой: подсыпал землю вокруг кустов картофеля... Одет он был в холщовую крестьянскую рубаху и такие же порты, на ногах было что-то вроде истоптанных опорков... Мы вошли в хату. Обстановка ее, бедная, невзрачная, сразу бросилась в глаза; ни одного лишнего предмета, ни одной лишней вещи. Между двух окон простой, вероятно, собственноручной работы, небольшой столик, пара таких же табуреток, около одной стены деревянная кровать; постель на ней покрыта байковым одеялом, на полке, прибитой к стене, книги» [4].

В заключение изложена беседа, в которой Михаил Михайлович рассказал о некоторых фактах жизни, определивших его путь. Так, однажды он оказался свидетелем жестокой сцены расправы подрядчика с рабочими на строительстве железной дороги, которые, однако, затем сумели отстоять свои права. Но, судя по рассказу толстовца, он разочаровался в «народе», увидев тьму, невежество, грубость. Раньше Михаил Михайлович был довольно

богат: службой скопил 2-3 тысячи рублей, получил в наследство имение, приносившее не менее 1 тысячи рублей ежегодного дохода. Но всё это он отдал голодающим и ушел, поселившись теперь в хатенке на 3 десятинах земли.

Текст этой публикации свидетельствует об особенностях работы Евгения Баранова как журналиста и вдумчивого исследователя народной жизни. Использование метода включенного наблюдения, фиксация обстоятельств общения и ситуативных условий разговора, а также точное заинтересованное описание происходящего – превращают эту простую по содержанию публикацию в важное историческое свидетельство.

В последующие годы Е.З. Баранов неоднократно обращался к теме толстовства и посвятил ей специальный очерк. Свою задачу он видел в том, чтобы «в кратких общих чертах дать объективное описание жизни толстовцев на Кавказе», а не в том, чтобы рассуждать – «на правильном или не правильном пути стояли толстовцы, уходя ради личного «спасения» от мира [13, 11]. В этой книге Е. Баранов воссоздает историю возникновения колонии толстовцев в Кабарде. В подробностях рисует картину жизни одной из интереснейших личностей – князя Г.А. Дадияни, в 40 лет признавшего жизнь толстовцев «единственно правильной жизнью» и отказавшегося от блестящей военной карьеры и обеспеченной старости.

В очерке Е.З. Баранова нет благодушия и простого восхищения простой трудовой жизнью толстовцев, он стремится раскрыть внутренние разногласия среди толстовцев и показать причины распада колонии. «Однако, несмотря на дружный, по-видимому, физический труд, которым были заняты толстовцы, жизнь в колонии не ладилась, так как несогласия среди колонистов продолжались...Один из них объяснил нам ближайшую причину своего ухода из колонии ни с чем не сообразной нетерпимостью тех из старых толстовцев, которые, без всякого уполномочия со стороны остальных колонистов, взяли на себя роль «руководителей», причем стремились превратить колонию чуть ли не в монастырь с особым уставом послушания...Колонисты на-

чали чувствовать скуку, неудовлетворенность своей жизнью...» [13, 20]. После смерти князя Дадияни колония просуществовала очень недолго, колонисты один за другим начали покидать ее. Всего же она просуществовала около 5 лет. Е.З. Баранов пытается проанализировать практические результаты жизни толстовцев в колонии. Он отмечает некоторые достижения толстовцев с точки зрения хозяйственной полезности и экономической целесообразности. Вместе с тем подчеркивает, что с точки зрения нравственных целей, ради которых была основана колония, они едва ли были достигнуты: некоторые из этих толстовцев кончили тем, что бежали не только из колонии, но и от толстовства [13, 23].

Е.З. Баранов рисует несколько типов толстовцев, с которыми познакомился на Северном Кавказе. Один из них – бродяги-толстовцы, которых отличала удивительная незлобивость и вера в то, что против зла надо бороться только добром. Народ видел в них людей «не от мира сего», считая их блаженными. Другой тип – толстовцы-отшельники, считающие, что ради личного нравственного совершенствования недостаточно изнуряющего тела труда, необходим «уход от мира», чтобы постичь собственное я. Третий тип – «новые толстовцы», полагающие, что нравственное самосовершенствование личности должно происходить не в уединении, а на виду у людей, и только в этом случае оно имеет смысл. И, наконец, последний тип «толстовствующих» – это люди, которые никакого отношения собственно к толстовству не имеют, а лишь прикидываются ими для личной выгоды.

Один из важных вопросов, который поднимает Е.З. Баранов в этом очерке, – влияние толстовцев на крестьянскую массу. Он приходит к заключению, что сначала крестьяне смотрели на них с любопытством, как на господ, по неизвестным причинам взявшимся за тяжелый крестьянский труд, затем живо заинтересовались их жизнью и «верой». Е.З. Баранов рисует довольно сложный процесс религиозных исканий в народных массах, когда, с одной стороны, крестьяне требовали удаления толстовцев из своей среды, с другой – наблюдался и переход крестьян в «толстовство». Но зачастую эти последователи «новой веры» примыкали

затем к сектантству, главным образом, к молоканству [13, 31-35].

Во второй части рассматриваемого сочинения Е.З. Баранов в подробностях знакомит читателя с бытом толстовских колоний на Черноморском побережье Кавказа, где он побывал лично.

Таким образом, можно заключить, что Евгений Захарович Баранов был близко знаком с толстовцами, прекрасно осведомлен о деталях их быта и мировоззренческих установках. Как показывают источники, он тесно общался с яркими представителями этого движения на Северном Кавказе, «апостолами» толстовства, как сам журналист называл их в своих воспоминаниях. Любознательность и личная заинтересованность в этой теме сделала Евгения Баранова одним из выдающихся исследователей толстовства, современником этого феномена русской общественной жизни.

Е.З. Баранов неоднократно писал о толстовцах на страницах кавказских газет, а впоследствии посвятил им отдельную книгу. Возможно, он не разделял основных постулатов толстовства, но с большой симпатией и уважением писал об этих «антигосударственных» людях, об их благотворном влиянии на окружающих и на общественное сознание. А это было далеко не безопасно в то время, особенно если учесть «революционную» юность самого Е. Баранова. Свою миссию журналист видел в просвещении, в распространении высокохудожественной литературы среди неграмотного и малограмотного крестьянства. В этом контексте деятельность Л.Н. Толстого и его последователей, основавших в 1884 г. специальное издательство «Посредник», выпускавшее книги самого Толстого и других серьезных русских и иностранных авторов и продававшее их по низкой, доступной простым крестьянам, цене, вызывало немало энтузиазма у передовой российской интеллигенции. Положительное отношение к их деятельности систематически выражал и сам журналист.

1. Атамурзаева Л.Т., Муратова Е.Г. Евгений Захарович Баранов (1869-1935) о землевладении и землепользовании в Балкарии в конце XIX века // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2022. № 29. С. 37-46.

2. Муратова Е.Г., Атамурзаева Л.Т. Отечественная историография о публикациях карачаево-балкарского фольклора в записях Евгения Захаровича Баранова // Северокавказская фольклористика: история и современность. Сборник статей. Нальчик: «Принт Центр», 2022. С. 72-80.

3. Баранов Е.З. Автобиографические сочинения // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 232-239.

4. Тютюнина Е.С. Живой отголосок прошлого: жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. 279 с.

5. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы/сост. А.Б. Рогинский. М., 1989. 514 с.

6. Лученецкая-Бурдина И.Б. Толстой и толстовцы: программа жизнестроительства // Духовно – нравственные основы русской литературы. 2019. № 7. С. 174-181.

7. Баранов Е.З. «Толстовцы» в Терской области // Приазовский край. 1899. № 230.

8. Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – нач. XX вв. Нальчик, 2001. С. 148-154.

9. ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 8. Д. 295. Л. 29-29 об.

10. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 40. Т.1. Л. 1, 19, 20

11. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 40. Т.2. Л. 21, 23, 28, 66

12. Баранов Е.З. Михаил Михайлович (Из воспоминаний о «толстовцах») // Казбек. 1900. № 735, 736.

13. Баранов Е.З. Толстовцы. М.: Дело. 1912. 96 с.

А. А. Туаллагов,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

А. А. Туаллагова,
студентка Владикавказского филиала Финансового университета
при Правительстве РФ
(г. Владикавказ)

О «НОВОЙ ВЕРСИИ» СТРОИТЕЛЬСТВА СУННИТСКОЙ МЕЧЕТИ ВЛАДИКАВКАЗА

Целью исследования является анализ одной из последних версий об архитектурно-строительном начале Суннитской мечети Владикавказа. В его задачи входит изучение научно установленных фактов по затрагиваемой проблеме. Данное изучение диктуется социальной функцией науки, направленной на установление истины. Предлагаемый анализ проводится впервые, что определяет научную актуальность проблемы. Научная новизна заключается в исследовании проблемы на основании всех известных к сегодняшнему дню материалов, фиксируемых, прежде всего, архивными источниками. В исследовании использовались методы текстуального и хронологического изучения источников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения. В ходе исследования было надежно установлено, что человек, выдвигаемый на позиции автора и руководителя строительства мечети, в действительности не имел к тому никакого отношения. В статье приводятся и некоторые уточняющие положения по отдельным вопросам, касающимся истории создания мечети.

Ключевые слова: Владикавказ, Суннитская мечеть, история строительства.

The purpose of the study is to analyze one of the latest versions about the architectural and construction beginning of the Sunni Mosque of Vladikavkaz. Its tasks include the study of scientifically established facts on the problem under consideration. This study is dictated by the social function of science, aimed at establishing the truth. The proposed analysis is carried out for the first time, which determines the scientific relevance of the problem. The scientific novelty lies in the study of the problem on the basis of all materials known to date, recorded primarily by archival sources. The study used methods of textual and chronological study of sources, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation. In the course of the study, it was reliably

established that the person nominated for the position of the author and the head of the construction of the mosque, in fact, had nothing to do with it. The article also provides some clarifying provisions on certain issues related to the history of the creation of the mosque.

Keywords: Vladikavkaz, Sunni Mosque, construction history.

В изучении истории строительства Суннитской мечети во Владикавказе сохраняются проблемные вопросы и противоречия. Вместе с тем, общий круг привлеченных к освещению источников позволил достаточно последовательно отразить ее основные вехи. Свое место в ее изучении заняли и условно называемые «татарская» и «мухтаровская» версии строительства мечети. Они получили подробное освещение на фоне иных известных исторических фактов [1, 159-169]. Но не так давно появилась еще одна версия, которую также условно можно назвать «ингушской».

В ее рамках было заявлено, что строительством мечети руководил Ибрагим Бунухоевич Базоркин. В 1900 г. он закончил Владикавказское реальное училище, а в 1906 г. – Московское техническое училище, получив специальность «инженер-механик» [2; 3, 84]. Заявление нашло свое продолжение: «В 1900 г. он блестяще закончил Владикавказское реальное училище и поступил в Московское высшее техническое училище, которое окончил в 1906 г. В 1908 г. под его руководством в г. Владикавказ на средства бакинского нефтепромышленника Муртузы Мухтарова построена Суннитская мечеть... После провозглашения... советской республики, он был назначен народным комиссаром путей сообщения Терской области. Во время строительства курорта «Армхи» в 1926-1927 гг. инженер И.Б. Базоркин руководил строительством подъездной дороги к курорту, железобетонного арочного моста через р. Терек и двух деревянных мостов через р. Армхи» [4].

Другие авторы также писали: «В 1908 г. под непосредственным руководством инженера Ибрагима Базоркина на средства бакинского нефтепромышленника М. Мухтарова была построена Суннитская мечеть во Владикавказе.

Справедливости ради нужно отметить, что треть денег, потраченных на строительство мечети, была собрана мусульманами Владикавказа, в том числе и ингушами, а две трети пожертвовал Мухтаров. То, что мечеть была построена столь качественно и сохранилась в первозданном виде, – не в последнюю очередь заслуга Ибрагима Базоркина, который руководил строительством этого неповторимо прекрасного здания с первого до последнего дня...

В 1926-1927 годах инженер И. Базоркин руководит строительством подъездной дороги к санаторию «Армхи» и железобетонного арочного моста через реку Терек и двух деревянных мостов через реку Армхи. В строительстве самого санатория он также играл не последнюю роль. Украшение санатория «Армхи» копиями петергофских статуй было его идеей» [5, 205, 207].

Информация нашла отклик на различных страницах русскоязычного интернета [6], где И.Б. Базоркина называли «главным инженером этой мечети», «инженером-конструктором», «строителем мечети во Владикавказе», «известным ингушским архитектором» [6; 7; 8; 9 и др.]. В конечном итоге, даже утверждалось, что мечеть «спроектирована и построена известным ингушским архитектором Ибрагимом Базоркиным...» [10].

Наконец, соответствующее заявление было представлено на официальном сайте Министерства по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия: «В самом начале века, в 1908 г., во Владикавказе была построена на средства бакинского промышленника-благотворителя Муртузы Мухтарова первая мусульманская мечеть в столице Терской области, получившая впоследствии название Суннитской мечети. Ингушская община Реданта устроила тогда в честь Мухтарова мовлид» [11]. Поскольку заявление вышло на официальный уровень, не предъявляя никаких документальных подтверждений, как и все указанные примеры, то оно требует своего отдельного рассмотрения.

Сразу следует оговориться, что Суннитская мечеть не была первой во Владикавказе. До нее в городе ставились деревянные

мечети, а ко времени ее возведения уже действовала каменная шиитская мечеть. Что касается нового претендента на роль архитектора и строителя мечети, то речь идет об Ибрагиме Бонуховиче Базоркине (10 мая 1878-1948 гг.). Его отец Бун (у) хо (Бонухо) Фёдорович (Бейсарович) Базоркин (Бейсара Бунхо) (1833-1906 гг.) в 1904 г. стал первым генералом среди ингушей. Его четвертый сын Ибрагим был рожден в одном из семи браков от Зуго, дочери Кудаберта Дударова [5, 200]. И.Б. Базоркин женился на осетинке Дисагет (Пипа) Татархановне Тугановой [12, 124; 13, 217], двоюродной сестре Лези (Лиза, Елизавета) Хамбиевны Тугановой. Дисагет умерла при родах в 1911 г. [5, 206]. Л.Х. Туганова была замужем за бакинским нефтепромышленником М.М. Мухтаровым, действительно оказавшим существенную финансовую помощь по завершению строительства мечети. И.Б. Базоркин, например, официально известен к 1913 г. как заведующий механическим заводом и нефтяным промыслом М.М. Мухтарова на ст. Сабунчи, основанных в 1891 г. и 1903 г. [14, 43, 99].

Но никаких данных о его участии в строительстве мечети нет. Он не мог быть автором проекта мечети, который уже существовал не позднее апреля 1900 г. и был представлен на официальное утверждение [15, 1]. В это время юный И.Б. Базоркин только оканчивал училище во Владикавказе, не имея ни профессиональных знаний, ни практического опыта в архитектурном деле. Основание нефтяных промыслов в 1903 г. также косвенно указывает на отсутствие знакомства И.Б. Базоркина с М.М. Мухтаровым как минимум к тому времени. Даже хронологически он не мог осуществлять никакие инженерные работы, будучи до 1906 г. студентом, т.е. большей частью вдали от Кавказа, когда строительные работы Суннитской мечети уже закончились, и художники занимались ее росписью.

Следует также отметить, что специальность инженера-механика, которую в 1906 г. получил И.Б. Базоркин [16], не имеет отношения к архитектурно-строительному делу, что являлось специализацией гражданского инженера. В Императорском Московском техническом Училище специальность инженера-ме-

ханика давалось по инженерно-механическому отделению. Она заключается в проектировании и эксплуатации механического оборудования, машин и т.п. Собственно, работа на предприятиях М.М. Мухтарова подтверждает инженерную специализацию И.Б. Базоркина. Кроме того, известно, что работы по возведению Суннитской мечети, начавшиеся 14 мая 1902 г. [17, 36], производились по утвержденному проекту конкретные подрядчики, по заключенному 20 апреля 1902 г. договору с М.М. Мухтаровым [18, 14-16], что прямо исключает И.Б. Базоркина из участия в ее строительстве.

В письме на имя Л.Х. Левитан (Цомаевой), предпринявшей многие личные усилия по восстановлению истории строительства Суннитской мечети во Владикавказе, от современника и непосредственного свидетеля тех событий Аз-Гирея Татархановича Туганова (1885-1970 гг.) указывалось, что инженер Ибрагим Базоркин, управляющий делами Мухтарова, агитировал в Ингушетии сбор средств на строительство мечети. Сами ингуши проявляли некоторую активность, но собрали немного денег – до 5000 рублей [19, 31]. Таким образом, И.Б. Базоркин никогда не руководил строительством мечети, а тем более, не являлся автором проекта мечети. Дополнительно отметим, что А.Т. Туганов был родным братом супруги И.Б. Базоркина, что делает его свидетельство особенно важным и надежным.

Можно предположить, что женитьба на сестрах Тугановых И.Б. Базоркина и М.М. Мухтарова, работа И.Б. Базоркина на предприятиях М.М. Мухтарова, финансовое обеспечение М.М. Мухтаровым строительства Суннитской мечети формально и породили спустя 100 лет ложное убеждение у отдельных лиц о И.Б. Базоркине как о ее строителе, что противоречит исторической действительности. Путь его появления мог быть и проще. Агитация И.Б. Базоркина за сбор денег в Ингушетии, возможное участие представителей ингушей в переговорах с М.М. Мухтаровым о финансовой поддержке строительства, которая и была оказана последним, что представлено в «татарской» версии [1, 162-163], могли незамысловато преобразоваться в то же убежде-

ние, что это сам И. Б. Базоркин и руководил строительством Суннитской мечети. Следует заметить, что, видимо, в тот период происходили противоречивые попытки со стороны представителей ингушей то убрать, то оставить на своем посту муллу татарина [20, 2]. Кроме того, по окончании строительства из числа ингушей назначался помощник главного муллы [21, 164].

Как отмечают сами заявители, в 1918 г. И. Б. Базоркин был назначен народным комиссаром путей сообщения Терской области, а в 1926-1927 гг. руководил строительством подъездной дороги к курорту, железобетонного арочного моста через р. Терек и двух деревянных мостов через р. Армхи [6]. Точнее отмечалось, что он вместе с инженером Алексеевым составил проектно-сметную документацию для строительства. Непосредственные работы вел конкретный подрядчик [22]. Таким образом, инженерная компетенция И. Б. Базоркина не распространялась на архитектурно-домостроительное дело.

Несколько отклоняясь от темы, отметим предположение, что супругой И. Б. Базоркина, якобы, была Аза, а не Лиза или Дизаггета, а отцом их был Татархан Туганов [23]. Предположение основано на явной путанице. И. Б. Базоркин, действительно, был женат на Дизаггет (Пипа) Татархановне Тугановой, М. М. Мухтаров – на Лези Хамбиевне Тугановой. Что касается Азы, то, возможно, речь должна идти о близкой родственнице Дизаггет и Лези – Азе Сафар-Алиевне Тугановой, которая в то же время вышла замуж за персидского вице-консула в Терской и Дагестанской областях Мирзу Давуд-Хана Назарэ [12, 117]. Вместе с мужем и сыном она впоследствии уехала в Иран.

Аза Сафор-Алиевна была родной сестрой известного осетинского художника и деятеля культуры Махарбека Сафар-Алиевича Туганова, который, в свою очередь, был женат на Азе (Лиза) Хаудаевне Ахушковой – дочери ингушского дворянина, почетного старшины Терской области, подполковника Хауда Шмаковича Ахушкова и дочери осетинского (тагаурского) алдара Чабакан Хатахцикоевны Дударовой [24, 86; 13, 215]. Дизагет не была младшей сестрой Лези, как следует из некоторых публикаций [5, 205].

Лези Хамбиевна Туганова и Аза Сафар-Алиевна Туганова, исходя из современных определений, являлись троюродными сестрами. Дизаггет (Пипа) Татархановна Туганова была им пятиюродной сестрой.

Еще раз, несколько отклоняясь от затрагиваемой темы, отметим, что известен литературный рассказ о том, как М.М. Мухтаров, якобы, познакомился на железнодорожном вокзале с совершившим на него налет абреком Зелимханом, расставшись друзьями, они впоследствии поддерживали отношения и обменивались подарками. После ликвидации Зелимхана в 1913 г. М.М. Мухтаров якобы перевез детей абрека к себе в Баку, где относился к ним как к родным детям, а после отправил их за свой счет учиться в Петербург [25, 91]. Представлены и утверждения, что М.М. Мухтаров, с подачи работавшего у него инженера И.Б. Базоркина, «... взял сыновей на свое обеспечение и устроил их в реальное училище» [26].

Однако эти рассказы, как и соответствующий рассказ о Суннитской мечети, также не только ничем не подтверждаются, но и противоречат известным фактам биографий семей как Зелимхана, так и М.М. Мухтарова. Надо полагать, что сведения взятые из работы краеведческого характера [27], которая не обременена строгим научным поиском, не приводит источники своих данных. Заметим, что сам мотив знакомства на железнодорожном вокзале напоминает таковой в неоднократно воспроизводившейся в публикациях истории знакомства М.М. Мухтарова с отцов Лези Тугановой – Хамби Асламбековичем Тугановым. Но во втором случае существует конкретное свидетельство совсем иных обстоятельств встречи М.М. Мухтарова и Х.А. Туганова [28, 419]. В той же работе, например, приводится и краткое красочное описание свадьбы М.М. Мухтарова и Л.Х. Тугановой во Владикавказе [27], которое разошлось по научным и публицистическим изданиям, также оставшись без документального подтверждения.

Наконец, следует обратить внимание на упоминавшееся заявление по поводу строительства Суннитской мечети Владикавказа

за, что «ингушская община Реданта устроила тогда в честь Мухтарова мовлид» [11]. Речь идет о мероприятии в честь рождения пророка Мухаммеда, когда читаются аяты и суры Корана, стихотворные повествования о жизни пророка и его пророческой миссии. Такое название носит и стихотворное повествование. Празднество может устраиваться также в любое время года, по различным поводам. Вопрос об источнике информации, который тоже не приводится, нуждается в уточнении.

Впервые публично сведения о банкете по случаю окончания строительства Суннитской мечети были представлены в небольшой газетной статье Л. Х. Левитан и Г. И. Кусова. В ней утверждалось, что осенью 1908 г. в одном из загородных домов Реданта состоялся банкет по случаю открытия мечети, на котором «говорились тосты, читались стихи...» [29, 4]. Сведения о банкете в одном из загородных домов Реданта Г. И. Кусов повторил спустя годы в другой своей газетной статье [30, 4]. Впоследствии они дополнились указанием, что ингушская община Реданта устроила в честь Мухтарова банкет и даже посвятила ему оду [1, 194]. Уже в наше время писали о торжественном банкете, устроенном ингушской общиной Реданта, со ссылкой на точно не указанные газетные материалы [31, 27]. Таким образом, мы видим, как первое опубликованное упоминание о торжестве на Реданте по случаю открытия Суннитской мечети без фактического подтверждения преобразилось в указание на его устройство конкретно ингушской общиной.

Обращает на себя внимание утверждение о чтении стихов (оды) на банкете, что только формально можно соотнести с указанием на мовлид в честь М. М. Мухтарова. У нас есть возможность выяснить такой формальный источник к приведенной цепочке утверждений. В упомянутом выше письме А. Т. Туганова на имя Л. Х. Левитан его автор вспоминал, что после окончания строительства М. М. Мухтарову и его супруге был устроен банкет в каком-то саду на окраине города, на правой стороне Терека. На банкет были приглашены и Тугановы, и все осетины, проживавшие во Владикавказе. Сам А. Т. Туганов сопровождал старших Тугановых [19, 31–31об.].

Данные сведения использовались Л. Х. Левитан в ее машинописном плане-лекции «Из истории бывшей Суннитской мечети в городе Орджоникидзе СО АССР», но в несколько преобразованном виде. Она, ссылаясь на письмо А. Т. Туганов, указывала, что банкет в загородном саду, пояснив в скобках – Редант, устроил М. М. Мухтаров с женой, пригласив на него Тугановых и избранное общество осетин из жителей Владикавказа [19, 8], т. е. данная трактовка является авторской от Л. Х. Левитан. В машинописном тексте ее плана-лекции появляется и чье-то рукописное добавление, что на банкете, кроме Тугановых и других осетин Владикавказа, были и «др. мусульмане». Таким образом, к указанию на Редант, отсутствующему в первоисточнике, добавляется также отсутствующее в первоисточнике указание на других мусульман, кроме осетин.

Далее в машинописном тексте Л. Х. Левитан сразу следует указание на хранившиеся в архиве СОНИИ (совр. СОИГСИ) два стихотворения врача Е. Т. Шанаева, друга А. Т. Туганова, в которых выражается благодарность М. М. Мухтарову от имени ингушей. Приводятся начальные строки стихотворений [19, 9]. Таким образом, наблюдается формальная связка сведений о банкете и о стихах. В результате, в публикациях сведения о банкете на окраине Владикавказа, в садах на правом берегу Терека, перешли в утверждение о Реданте, затем – в банкет, устроенный ингушами, затем – в чтение на этом банкете стихов. Утверждение о чтении стихов на Реданте впервые появилось в упомянутой статье Л. Х. Левитан и Г. И. Кусова. По указанию Г. И. Кусова, по договоренности с Л. Х. Левитан он производил литературную обработку статьи и подписал ее [32, 172].

Надо полагать, что дело не ограничилось только литературной обработкой. В машинописном тексте Л. Х. Левитан приводятся первые строчки стихотворений военного врача Элкана Тау-Султановича Шанаева, который был осетином и хорошо знал семью Тугановых. Благодаря приведенным строчкам удастся идентифицировать оба стихотворения. Они от лица ингушей выражают благодарность М. М. Мухтарову и датируются 14 января

и 16 февраля 1914 г. [33, 8, 19]. Следовательно, никакого отношения к событиям 1908 г. они не имеют. Во втором стихотворении речь идет конкретно о благодарности от лица ингушей за своих детей.

Повод для написания стихов также легко устанавливается. В №3 «Мусульманской газеты» за 24 января 1914 г. в разделе «Письма в редакцию» было приведено следующее письмо от 14 января 1914 г. (орфография и пунктуация сохранены. – А. Т.):

«Позвольте через посредство уважаемой Вашей газеты засвидетельствовать глубокую сердечную благодарность прихожан Сунитской мечети в городе Владикавказе, известному жертвователю миллионеру господину М. Мухтарову из Баку.

В Пятницу 10-го января 1914 г. агроном М. Джабагиев в сунитской мечети, прочел письмо полученное на имя Общества Просвещения Ингушского народа от г-на М. Мухтарова в письме было сказано, что он г-н Мухтаров жертвует Обществу на постройку школы 5.000 рублей. По этому поводу 12-го января состоялось общее собрание членов Общества Просвещения Ингушского народа и было обсуждено послать к г-ну Мухтарову, с благодарством и званием почетного члена этого общества, председателя общества К.К. Козлова, товарища председателя М. Мальсагова, членов С.М. Базоркина и муллу Владикавказской мечети Т. Гириева.

Чада Добриев.

От редакции: теперь-то уж во всяком случае ингушам надо поторопиться с составлением хоть первоначальных учебников на родном языке с арабским алфавитом. Пора, очень даже пора!» [34, 3].

С той школьной проблемой для ингушей были связаны и краткие публикации в «Терских Ведомостях». Так, в разделе газеты «Местная хроника» за 18 января 1914 г. информировалось о том, что попечительский совет русско-ингушской школы Владикавказа просил городскую управу выделить на содержание школы 500 рублей из городских средств или предоставить под помещение школы здание на Шалдоне – районе основного компактного проживания ингушей.

Управа обратилась в городскую думу с просьбой выделить 200 рублей [35, 2]. В последующей газетной заметке от 31 января 1914 г. указывалось, что ингуши подали в городскую управу просьбу выделить им земельный участок под школу на Шалдоне. Управа отказала в таком выделении, предложив для школы участок в 3-й части города, на углу улиц Степная и Ермоловская [36, 2-3].

Таким образом, небольшие стихотворения Е.Т. Шанаева, несомненно, относятся к факту пожертвования М.М. Мухтаровым на школу для ингушских детей. Они никоим образом не могут быть стихами или «одой», якобы зачитанной на банкете по случаю окончания строительства и освящения мечети. Нет и реального повода утверждать об устройстве «в честь Мухтарова мовлида».

-
1. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: Иростон, 2002. 316 с.
 2. Тангиев Алий. Восстанавливая прошлое // Ингушетия. 16 марта 1993 г. № 15 [сайт] URL: <https://m.ok.ru/g1alg1ayj2/topic/62463816663163>.
 3. Тангиев А.У. О некоторых вопросах истории ингушей XX в. // Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Чаха Ахриева (Школа-гимназия г. Назрань, 15 апреля 2000 г.). Вестник научного общества учащихся школы-гимназии г. Назрань. Назрань, 2000. Вып. 2. С. 84-85.
 4. Кодзоев Н. Первые ингушские инженеры [сайт] URL: <https://ghalghay.com/2010/02/18/pervie-ingushskie-inzheneri/>.
 5. Цуров Р.М. Базоркины: время и судьбы. Ростов-на-Дону: ООО «Южный издательский дом», 2011. 252 с.
 6. Базоркина Х. Базоркин Ибрагим Бунухоевич – первый ингушский инженер. 04.02.2015 [сайт] URL: https://vk.com/wall271733588_175.
 7. Заметки [сайт] URL: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:948369>.
 8. Ибрагим Базоркин – строитель мечети во Владикавказе [сайт] URL: <https://retrieval-galga.livejournal.com/13098.html>.

9. Суннитская мечеть во Владикавказе нуждается в ремонте [сайт] URL: <https://kaloy.livejournal.com/238015.html> (16.02.2023).
10. Мечеть города Буро [сайт] URL: <https://tumdo.livejournal.com/27818.html>.
11. Матиев Т. Ингушетия и Азербайджан – исторические связи и современность. 25.11.2011 [сайт] URL: <https://minnacri.ru/index.php/2010-09-03-07-45-18/483-2011-11-25-06-57-48>.
12. Марзоев И. Т. Баделята – Тугановы // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. М. – Нальчик, 2002. № 4. С. 107-131.
13. Мамсурова К.Б., Марзоев И.Т., Туганов А.Э. Вторая родина. Осетины в Азербайджане. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022. 316 с.
14. Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31,523 фабриках и заводах. Киев: Книгоиздательство Т-ва Л.М. Фиш, 1913. 1681 стб.
15. Прошение уполномоченных от общества Магометан и переписка о постройке мечети в г. Владикавказе магометанам из казанских татар // ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1060. 10 л.
16. Лапин А.В. Список выпускников и преподавателей ИМТУ, МММИ, МВТУ, МГТУ с 1865 года [сайт] URL: <http://people.bmstu.ru/abcdef/ba.htm>.
17. Владикавказ: хроника городской жизни (1890–1917), составитель Ф. С. Киреев и др. Владикавказ: Ир, 2019. 111 с.
18. Акты приема экспонатов в фонды музея с № 1072 до № 1100 за 1969 г. // Архив Национального музея РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. № 314. 123 с.
19. Документы и материалы о Суннитской мечети в г. Владикавказе. Переписка Левитан-Цомаевой Л.Х. по поводу истории мечети. Фотографии семьи Х. Цомаева и Тугановых. Дар Левитан Бэллы Михайловны (внучки Цомаева Харл.) март 1994 года // Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 644. Март 1994 г. Инв. № 1.951. 44 с.
20. Терские ведомости. Владикавказ, пятница, 22 декабря 1906 г. № 274. 4 с.
21. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИЦ, 2003. 360 с.

22. Цуров Р. Как рождался курорт «Армхи» 25.11.2016 [сайт] URL: <https://magas.bezformata.com/listnews/kak-rozhdalsya-kurort-armhi/52648614/>.
23. Ибрагим Бунухоевич Базоркин. 13.07.2015 [сайт] URL: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:948369>.
24. Марзоев И.Т. О Махарбеке Туганове // Вестник Национального музея Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ, 2020. С. 81-87.
25. Гудаев Л. Абрек Зелимхан: факты и документы. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2010. 528 с.
26. История Чечни. Нач. века. Ибрагим Базоркин. ЖЗЛ [сайт] URL: <https://groznyi.bezformata.com/listnews/veka-ibragim-bazorkin-zhl/13401883/>.
27. Сулейманов М. Дни минувшие (Исторический очерк). Перевод Э. Ахундовой. Баку: Азернешр, 1990. 340 с. [сайт] URL: <https://www.litmir.club/br/?b=42018&p=1>.
28. Марзоев И.Т. Тагиата: Привилегированное сословие Тагурского общества Северной Осетии. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. 500 с.
29. Левитан Л., Кусов Г. Тайны не существует // Социалистическая Осетия. Орджоникидзе, 19 ноября 1968 г. № 270 (14091). С. 4.
30. Кусов Г. Тайна Суннитской мечети // Социалистическая Осетия. Владикавказ, 30 декабря 1990 г. № 299 (20794). С. 4-5.
31. Габоева Л.Р. Суннитская мечеть Владикавказа. К 110-летию со дня открытия. Владикавказ: Издательство «Респект», 2018. 43 с.
32. Кусов Г. Владикавказ известный и незнакомый: краеведческий бестселлер. Владикавказ: Перо и Кисть, Харизма, 2009. 289 с.
33. Рукописи Э.Т. Шанаева. Тетрадь № 14. С 13/XI – 1913 г. по 18/IX 1914 г. // Научный архив СОИГСИ. Ф. Шанаева Э.Т. Д. 21. 161 с.
34. Мусульманская Газета. Санкт-Петербург, 24 января 1914 г. № 3-й. 4 с.
35. Терские Ведомости. Владикавказ, Суббота, 18 января 1914 г. № 14. 4 с.
36. Шип. Просветители // Терские Ведомости. Пятница, 31 января 1914 г. № 25. С. 2-3.

З. О. Кабисов,
студент ЮОГУ им. А. А. Тибилова
(г. Цхинвал)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЮГО-ОСЕТИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается развитие промышленности Юго-Осетинской автономной области. В эпоху самодержавия регион был преимущественно аграрным краем, с незначительным ремесленным производством. С установлением советской власти, с 30-х гг. XX века, в Южной Осетии начинается индустриализация. «Первенцы» промышленного производства создавались для обслуживания строительной сферы и потребностей быта: производства кирпича, пиломатериала, домашней мебели и т. д. В период Великой Отечественной войны Юго-Осетинская автономная область внесла свой весомый вклад в победу Советского народа, благодаря труженикам тыла. Имеющийся потенциал (заготовка лесного строительного материала и деревообработка) стал использоваться для нужд армии и тыла. В 60-70 гг. в Южной Осетии строятся предприятия, продукция которых становится конкурентоспособной не только в СССР, но и за рубежом.

Ключевые слова: промышленность, производство, транспорт, сырье, продукция, энергетика.

The article discusses the development of industry in the South Ossetian Autonomous Region. In the era of autocracy, the region was mainly an agrarian region, with little handicraft production. With the establishment of Soviet power, industrialization began in South Ossetia in the 30s of the XX century. The «firstborn» of industrial production were created to serve the construction sector and the needs of everyday life: the production of bricks, lumber, home furniture, etc. During the Great Patriotic War. The South Ossetian Autonomous Region made a significant contribution to the victory of the Soviet people, thanks, among other things, to the feat of home front workers. The existing potential, and this is primarily the harvesting of forest construction material and woodworking, began to be used for the needs of the army and the rear. In 60-70, enterprises were built in South Ossetia, whose products became competitive not only in the USSR, but also abroad.

Keywords: industry, production, transport, raw materials, products, energy.

В досоветскую эпоху Южная Осетия представляла собой окраину Российской империи, где сбывалась продукция крупных промышленных центров. В Цхинвале существовали лишь небольшие ремесленные производства, служившие дополнением к крестьянскому хозяйству. Ремесленные артели производили хозяйственную утварь и орудия труда. Было небольшое производство строительных материалов: кирпича, черепицы, извести, лесоматериала, drankи.

После образования Юго-Осетинской автономной области (ЮОАО) стали появляться первые фабрики и заводы. Первенцем промышленности в Южной Осетии стал лесопильный завод, введенный в эксплуатацию в 1922 году. В 1925 году в автономной области начинают функционировать два кирпичных завода общей производительностью 2 млн кирпичей в месяц. В этот год были запущены также производства по выработке гашеной извести в Дзауском и Ленингорском районах ЮОАО. Все это позволило существенно увеличить объемы капитального и жилищного строительства.

Значительный толчок в развитии производительных сил региона сыграла индустриализация, объявленная во второй половине 20-х гг. в СССР. В 1925 году состоялся XIV съезд ВКПб (Компартии) – съезд индустриализации, в СССР был взят курс на построение современной промышленности [1].

Развитию отрасли мешало отсутствие собственной дешевой электроэнергии, заводы работали на дизельных электростанциях. Это не позволяло нарастить необходимые мощности, а также сказывалось на себестоимости продукции. Проблема была решена в 1927 г., после строительства в черте г. Цхинвал гидроэлектростанции. Это сразу же отразилось на промышленном потенциале – в столице ЮОАО была построена фабрика гнутой мебели.

Освоение залежей цветных металлов, их добыча и обработка имели важное значение в развитии промышленности в ЮОАО. Основу для новой отрасли заложили в 1929 г., когда для эксплуатации природных недр был создан «Трест нерудных ископаемых

«Хуссар Ирыстон». Началась добыча мрамора, талька и туфа, проводились изыскания в области нефтедобычи [2, 130].

Южная Осетия обладает большими запасами свинцово-цинковых руд, которые располагаются в районе селения Квайса Кударского ущелья. С учетом потенциала этих месторождений Совет Народных Комиссаров СССР в 1941 году принял постановление о строительстве горнорудного комбината [2, 29]. Но реализации этих планов помешала Великая Отечественная война. Разработка недр было приостановлено, имеющиеся финансовые ресурсы были перенаправлены на военные нужды. К воплощению проекта союзное правительство вернулось в 1944 г., и спустя пять лет предприятие начало выдавать первую продукцию.

Квайсинская горно-обогатительная фабрика выпускала свинцовый и цинковый концентрат, являющийся сырьем для предприятий цветной металлургии Советского Союза. Новое производство дало толчок становлению горнодобывающей промышленности, и как следствие, развитию инфраструктуры региона, увеличению поступлений в местный бюджет, были созданы рабочие места.

С началом Великой Отечественной войны Юго-Осетинская автономная область перевела свою промышленность на военный лад, тем самым оказывая огромную поддержку фронту. На военные рельсы практически полностью переводились все предприятия лесопромышленности, перед ними стояла задача, налаживания производства сырья и материалов для нужд фронта и тыла [3, 55-57]. Все отрасли промышленности работали на нужды фронта, сокращая выпуск продукции мирного времени.

Предприятия Юго-Осетинской автономной области в основном производили инвентарь для саперных, транспортных и хозяйственных подразделений. Кроме этого, комплектующие для производства вооружений, фанеру для авиастроения. Лесозаготовительные организации перевыполняли планы заготовки и вывоза древесины – в 1942 г на 129%, а в 1943 г на 146,5% [4, 79-81].

Значительные объемы продукции для военных нужд поставляла лесная и деревообрабатывающая промышленность автономной области. Производственные цеха перешли на распиловку буковой древесины, необходимой в самолетостроении, увеличились в 27 раз объемы лесозаготовок. На производствах в артелях изготавливались отдельные металлические детали для стрелкового оружия, печи для фронтовых землянок, одежду, конская упряжь, седла... На месторождении гипса в с. Кемульты нарастили объемы добычи гипса, увеличилась добыча талька из месторождения Цнелис.

После окончания Великой Отечественной войны промышленность Юго-Осетинской автономной области возвращается в мирное русло. Качественно и количественно меняется индустриальная структура региона. Появляются новые отрасли. В 1950 году первую продукцию дал Сталининский (Цхинвальский) пивоваренный завод.

В 1955 году решением Юго-Осетинского обкома Компартии Грузии было принято решение организовать розлив минеральной воды из минерального источника у с. Багиата Дзауского ущелья. На организацию работы выделялось 15 тысяч рублей.

В автономной области начинает функционировать механический завод, переданный ЮОАО в числе репараций из Германии. Здесь наладили производство металлических шкафов, газовых баллонов, кабинок для башенных кранов и т.д. Продукция завода пользовалась спросом не только в самой ЮОАО и Грузии, но и поставлялась за рубеж [3, 58].

В 1958 году, свою первую продукцию выдал завод «Электро-вибромашина», производящий специфический ассортимент продукции для предприятий горнорудной промышленности СССР. Вибрационные машины поставлялись на комбинаты в Советском Союзе и в страны социализма: Кубу, Польшу и Болгарию.

В 1958 году в эксплуатацию вводится еще одно крупное производство – завод «Эмальпровод». Под строительство предприятия был выделен участок площадью 8 гектаров. Этот завод занимался производством эмалированных проводов, которые

в большом количестве поставлялись в разные города Советского Союза [5, 4].

В 1960 г. в ЮОАО появляется предприятие химической промышленности – в Цхинвале на заводе лакокрасочных изделий стали производить краски и стиральные порошки.

В 1962 году, в столице Юго-Осетинской автономной области открывается новое производство – швейная фабрика. Через два года филиалы фабрики создаются в Дзауской и Знаурском районах, это позволило создать рабочие места и в сельской глубинке. Среди пятидесяти работников каждого цеха были не только жители райцентров, но и мастера из Цхинвала. В перечне продукции – простыни, халаты, рукавицы и др. Всего к концу года на каждом из двух производств планировалось выпустить продукции на 500 тыс. рублей, среди потребителей были жители городов – Казань, Пенза, Харьков.

Летом того же года заработало производство и на Цхинвальском консервном заводе. За неделю работы после открытия было переработано 30 тонн яблок и 15 тонн слив.

Винодельческая промышленность была сосредоточена в комбинате по производству шампанского. Сорт игристого вина назывался «Советское шампанское». Делали шампанское из местного винограда. Первое время предприятие принимало сырье у колхозов и частных, но позже в Цхинвальском районе были заложены собственные плантации специальных сортов винограда для производства шампанских вин.

В 1963 году начал работать новый цех Дзауского наливочного завода, заменивший старое производство минеральной воды. Теперь, кроме минеральной воды «Багиата», здесь начали разливать минеральную воду «Дзау-суар». Производительность линии розлива воды составила 400 тысяч бутылок в месяц [3, 58-59].

Расширял из года в год ассортимент выпускаемой продукции и Цхинвальский лесокombинат. В августе 1964 года тысячи квадратных метров паркета были отгружены в город Мурманск на строящиеся объекты. Ранее такую же продукцию вывезли со складов предприятия в Москву, Тбилиси, Ленинград, Ростов, Ереван, Баку.

Широко внедрялись в производство рационализаторские предложения, призванные создать экономию материалов, электроэнергии и трудовых затрат. Так, в ноябре 1966 года на заводе «Электровибромашина» рабочие Г. Джигоев и Г. Ванеев предложили изменить технологический процесс пропитки катушек вибрационных машин, что дало годовую экономию материалов на сумму 988 рублей. Авторам рацпредложения выплатили вознаграждение в 79 рублей [7, 45].

В феврале 1968 года заказчикам были переданы первые отремонтированные на Цхинвальском автобусоремонтном заводе (ЦАРЗ) автобусы. Предприятие принимало на ремонт пассажирский автотранспорт из всех регионов Грузии, производя капитальный ремонт 500 автомашин ежегодно.

В период 70-80 гг. в ЮОАО были образованы новые производства: Цхинвальский молочный завод, производительностью 20 тонн молочных продуктов в сутки; цех по производству промышленного кислорода; трикотажная фабрика; филиал Тбилисского авиационного завода, изготавливающий топливные баки для военных самолетов.

Горнодобывающая промышленность Юго-Осетинской автономной области, помимо Квайсинского предприятия по добыче свинцово-цинковой руды и помольно-обоганительной фабрики, была представлена тальковым рудником и фабрикой по размолу талька в с. Цнелис; Аргвицким предприятием по разработке туфовой крошки, используемой в строительстве.

Важное значение для развития промышленности имел транспорт. В 20-30 гг. перевозки в ЮОАО в основном осуществлялись грузовым автотранспортом. В 1940 г. была построена железнодорожная ветка «Цхинвал – Гори», давшая доступ к Закавказской железной дороге, в 1984 г. в эксплуатацию был сдан Транскам, связавший автономию с югом России.

Энергетика является основополагающим средством развития промышленности. В ЮОАО со временем меняется и структура энергообеспечения промышленного сектора. 16 февраля 1926 года дала первый ток гидроэлектростанция на реке Лиахва

в черте города Цхинвал. Электроэнергией от двух турбин запитывались первенцы промышленности – лесопильный завод и фабрика гнутой мебели. Создавались небольшие ГЭС и в районах автономии.

К 50-ым годам XX века в ЮОАО были две гидроэлектростанции с высокой производительностью – Цхинвальская и ГЭС у с. Кехви. В 1951 г. обе ГЭС выработали 3 155 000 кВт электроэнергии. В этот же год объемы производства электричества увеличились, так как была введена в эксплуатацию ГЭС в Кударском ущелье мощностью 1250 киловатт.

В 60-х годах в структуре энергоснабжения происходят коренные перемены – местные электросети были подключены к Грузинской энергосистеме, которая, в свою очередь, входила в объединенную систему Закавказья и была связана с европейской частью Единой энергетической системы СССР. Постепенно все местные электростанции автономной области были демонтированы, так как их работа была признана нерентабельной, а электричество стало поступать в ЮОАО непосредственно из Грузии [8, 53].

Положительное влияние на развитие промышленного сектора оказал и перевод части производства на использование природного газа. «Голубое топливо» поступило в Южную Осетию 17 марта 1972 года. В этот день был введен в эксплуатацию газопровод, проведенный от газораспределительной станции у с. Сагалонен Грузии.

Развитие промышленности в Юго-Осетинской автономной области было одним из главных векторов становления горного края. Это позволило, наряду с развитием сельскохозяйственного сектора, создать существенный потенциал промышленного производства.

1. Индустриализация в СССР. URL: <https://topwar.ru/125715-stalinskaya-industrializaciya-sssr.html> (дата обращения 24.05.2023 г.)

2. Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии/Сборник документов и материалов. Сталинир, 1960.
3. Цховребов И.Н. Квайса – гордость Юго-Осетии. Цхинвал, 1990.
4. Кулумбегов Р.П. Юго-Осетинская автономная область. Цхинвал, 2022.
5. Гассиев В. Битва за Кавказ: Южная Осетия в период битвы за Кавказ. Цхинвал, 2005.
6. Кочиев К.Д., Санагоев Т.В. Очерки истории завода «Электровибромашина». Цхинвал, 1983.
7. Развитие народного хозяйства и культуры Юго-Осетинской автономной области/Сборник документов и материалов. Цхинвал, 1967.
8. Дзагоева Е.П. Пути развития промышленности в Юго-Осетии. Цхинвал, 1978.

А. Н. Тальцев,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Ставрополь)

**ОБЩЕСТВО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ДИНАМИКА
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье прослеживается динамика изменения массового сознания и социальной психологии советского общества в годы Великой Отечественной войны на материалах личного происхождения и архивных документах Ставропольского края. Показано, как в советском обществе формировались новые социальные связи и отношения, как изменялось отношение людей к событиям войны и военной повседневности. Отмечается, что социальная психология человека военного времени формировалась не только под влиянием официальной идеологии, но и диктовалась ежедневными социальными практиками на фронте и в тылу.

Ключевые слова: военная повседневность, социальная психология, общественное сознание, психология масс.

The article traces the dynamics of changes in the mass consciousness and social psychology of Soviet society during the Great Patriotic War on materials of personal origin and archival documents of the Stavropol Territory. It is shown how new social ties and relations are formed in Soviet society, how people's attitude to the events of the war and military everyday life changes. It is noted that the social psychology of a wartime man was formed not only under the influence of official ideology, but was also dictated by daily social practices at the front and in the rear.

Keywords: military everyday life, social psychology, public consciousness, mass psychology.

События Великой Отечественной войны, несмотря на все большую с каждым годом отдаленность событий, продолжают оставаться значимыми в сердцах многих жителей России. Сегодня, когда в ряде стран Европы активизирован процесс по уничтожению исторической памяти о героях и участниках второй мировой войны, происходит героизация пособников и сторонников нацизма, особенно важно сохранение национальной и культурной идентичности жителей нашей страны, которая основана во многом на правильном восприятии событий ее истории. В на-

стоящее время на фоне политического противоборства нашей страны с неонацизмом обнаружуются некоторые новые документы Великой Отечественной, актуальными как никогда становятся воспоминания ветеранов войны и жителей тыла. Современное российское общество, можно без преувеличения сказать, военизировано: проблемы войны и мира, военной мобилизации, психологии на войне и в тылу – затрагивают в той или иной степени каждого из нас. Исторические параллели массового сознания до и после начала войны, описание довоенного и военного общества – поневоле возникают на фоне чтения новостной ленты современных нам событий.

Цель настоящей публикации – проследить изменения в массовом сознании и социальной психологии советского общества в годы Великой Отечественной войны. Ставятся задачи изучить различные духовно-психологические явления в советском обществе начала 1940-х гг., которые включали как массовые коллективные настроения, ментальные установки, фронтовые и тыловые социальные практики, так и индивидуальные изменения психики отдельных людей, социальных групп. Феномен общественного сознания, в котором тесно переплетены и формируемые идеологические установки, и психологические особенности восприятия людей, оказавшихся в экстремальной ситуации, представляется на сегодняшний день требующим пристального внимания и изучения. В настоящее время вопросы военной психологии, социологии войны в историческом аспекте являются относительно новой областью научных исследований. Несмотря на то, что созданы отдельные достаточно значимые исследования Е.С. Сеньявской [1] о психологии «комбатанта» в войнах XX века, исследованы вопросы повседневности человека в условиях военного и довоенного времени в монографиях авторского коллектива Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной [2], указанными авторами по отдельности в научных статьях, имеются хорошо фундированные публикации о фронтовой повседневности исследователя А.Э. Ларионова [3], а также работы В.А. Агеевой [4] и других авторов, тем не менее, тему массового сознания и социальной психологии

в годы Великой Отечественной войны, многоаспектную и многоплановую, нельзя считать полностью изученной.

Источниковой базой данной публикации послужили материалы личного происхождения – фронтовые письма, дневники, воспоминания участников, а также делопроизводственные документы государственных архивов Ставропольского края, решения местных органов власти, партийных органов, отложившиеся в центральных и местных архивах, а также ряд опубликованных документов как общесоюзных [5], так и региональных [6], [7]. В качестве основополагающих концепций в рамках исследования по истории повседневности были выбраны такие направления, как новая социальная история, микроистория, история повседневности.

Начавшаяся 22 июня 1941 г Великая Отечественная война изменила жизни миллионов людей. В повседневность вошли новые формы связей и отношений: многие советские граждане были отправлены на фронт, по мобилизации или добровольно, жизнь оставшихся в тылу также безвозвратно изменилась – с потерей близких, с условиями нахождения в оккупации, с привлечением в систему трудовых резервов для строительства укреплений, восстановлению разрушенного хозяйства, работе на оборонных предприятиях.

Каждый период войны имел свою морально-психологическую доминанту в общественном сознании [8]. Объявление о начавшейся войне 22 июня 1941 г. вызвало в обществе ошеломление и одновременно надежду на скорый успех. Благодаря советской пропаганде люди верили, что враг будет скоро разбит на его же территории и многие боялись не успеть попасть на фронт. В провинциальных городках, в селах, отдаленных от западной границы России, довоенная жизнь продолжалась еще некоторое время, ее неторопливое течение заканчивалось для тех, кто подлежал мобилизации.

Работа военкоматов по призыву военнообязанных на Ставрополье началась, как и по всей стране, в 17 часов 40 минут 22 июня 1941 г. [9, д.18. л.75]. На 8 июля 1941 г. только по неполным под-

счетах Орджоникидзевого крайвоенкомата по краю было подано 5917 заявлений о вступлении в армию без учета отсеянных по возрасту и морально-политической сознательности, коллективных заявок и заявлений, поданных не на адреса военкоматов [10, д.63. лл.93-94об.]. Так в обществе военного времени начала формироваться новая, многочисленная социальная группа – фронтовики. Всего за годы войны, как было подсчитано военным комиссариатом, было призвано более 320 тыс. человек [11, 26].

Для призванных на войну комбатантов (термин, предложенный Сенявской Е. С., Сенявским А. С.) [12] под влиянием окружающей повседневности полностью менялось мироощущение, психология: по иному, в отличие от мирного существования, воспринимались окружающие события и быт. На войне, как известно, обостряются все чувства, человек начинает иначе смотреть на себя и на окружающую действительность, для него раскрывается смысл его «подлинного» существования. Е. С. Сенявская считает, что для характеристики жизни человека на войне применим экзистенциальный термин «пограничная ситуация» – такое состояние, когда становятся обыденными вещи, которые в мирной жизни таковыми не являются, например, смерть, насилие, убийство. И наоборот: редкие в мирное время героизм, готовность к самопожертвованию – превращаются на войне в явление обыденное, массовое [1,10-11].

Во фронтовых письмах то и дело встречается: «только вышли из боя», «вели налеты на тылы противника», прорыв на ... направлении», «был ранен осколком снаряда», совершенно буднично и обыденно упоминается об успехах: «меня представили к награде за боевые заслуги», «фашист драпает», «уже 8 дней прошло, как Ессентуки освобождены». Также обыденно, но от этого особенно драматично изредка упоминается о смерти товарищей, однополчан. Все мечты, все помыслы воюющих на фронте людей – об окончании войны, о победе. «Я уже перенес 3 ранения, контузию, но думаю еще дойти до Берлина самого, чтобы выручить миллионы наших рабов из плена», – пишет брату неизвестный адресант [13, д.19. л.18]. Окопная жизнь в дневниках

и письмах военных лет, безусловно, немного «приукрашена». Многие не хотели волновать близких, в армии не принято было жаловаться, да и все письма с фронта строго просматривала цензура, о чем на каждом из них сохранился след в виде штампа – пометки «пропущено цензурой». Читая письма, также понимаешь, за долгие дни и месяцы войны окопная жизнь стала настолько привычной, повседневной, что мелкие трудности почти не замечались перед лицом более серьезных испытаний.

Фронтовые письма, обращенные к близким людям, дышали искренностью, верой в скорую победу и встречу. Люди мечтали вернуться к мирной жизни, снова сесть за парту института, встретиться с родными. «Мама, дорогая, ты не можешь себе представить... как мы, все оставшиеся девушки, рвемся домой, – писала Лида в августе 1945. – Нам объяснили, что не скоро, вероятно, так как нет еще пополнения... В армии – дело другое, не то, что на гражданке... Ты пойми, что мы наравне с мужчинами везде, как в работе, так и в строю. Живем мы, конечно, в казармах, девушки отдельно» [13, д.18. л.3].

Военная мобилизация в годы войны коснулась не только мужского населения, но и женского: военная мобилизация женщин в различные рода войск проводилась в зависимости от текущих потребностей фронтов. На фронт отправлялись в основном молодые девушки, физически здоровые, не беременные, не имевшие детей и других иждивенцев. В целом за годы войны Народным комиссариатом обороны было выпущено 17 приказов о мобилизации женщин в ряды красноармейцев. Проводились военные мобилизации и по партийной линии – 5 мобилизаций коммунисток, также по линии ВЛКСМ – 14 мобилизаций комсомолок [14, 542]. В Ставропольском крае о масштабах женской военной мобилизации свидетельствуют отложившиеся в фондах архива решения крайисполкома, документация секретарей райкомов о выполнении заданий по мобилизации девушек-коммунисток и комсомолок. Так, в апреле 1942 года были мобилизованы 865 женщин в возрасте 19-25 лет для службы в частях и тыловых узлах связи Красной Армии согласно разнарядке [9, д.29. л.292].

Одновременно состоялась мобилизация девушек-комсомолок в части противовоздушной обороны, всего призвано 68 девушек, девять из которых вступили в комсомол, чтобы добровольцами попасть на фронт, всего добровольно подали заявления 120 девушек [6, 62-63].

Женщины-фронтовички, призванные военкоматами или ушедшие добровольцами на фронт, составляли немалую часть военнослужащих, воюя на всех фронтах практически во всех видах войск. Как верно отмечает И. В. Реброва, собравшая и изучившая множество воспоминаний женщин-участниц войны, образ женщины на войне был сильно стереотипизирован в советское время: реального гендерного равенства ни до, ни после войны не было в традиционном общественном сознании, и сами женщины свое нахождение на войне не считали естественным. Жизнь женщины на войне, в составе воинских частей, среди военно-полевого быта, когда происходило нарушение установленных социальных ролей, самими участницами воспринималось как крушение самой жизни. И адаптироваться к условиям войны, какими бы стойкими, мужественными женщины не были, несмотря на свою выносливость, превосходившую мужскую, несмотря на готовность перетерпеть все тяготы и лишения, многие женщины не смогли [15].

По мере продвижения врага вглубь страны и отступления Советской Армии, стало очевидным, что война не закончится в ближайшие дни и даже месяцы. Когда 3 июля было передано по радио и опубликовано в газетах выступление И. В. Сталина, открывшее народу правду о трагических событиях на фронте, меняются общественные настроения. С этого времени ушли в прошлое первые иллюзии в быстрый исход войны, предвоенное общество стремительно стало военным. Уже осенью 1941 года немецкие войска подошли к Ростову-на-Дону, и Ставропольский край оказался в прифронтовой зоне. Среди населения формировались отряды противовоздушной обороны. Начиная с августа 1941 г., Ставрополье принимало тысячи эвакуированных жителей западных областей СССР.

Эвакуированные граждане – новая социальная группа, появившаяся в годы войны, это люди изгнанные из своих домов, бежавшие от агрессии, а также переселенные государством в рамках плановых мероприятий по эвакуации предприятий и организаций, которые не должны были достаться врагу и могли принести ощутимую пользу в тылу. Количество эвакуируемых достаточно быстро росло, и за вторую половину 1941 г. приобрело просто колоссальные размеры. Партийные и государственные органы, а также соответствующие местные советы, которым было поручено заботиться о прибывающих людях, не справлялись с поставленными задачами. Только за вторую половину 1941 г. в тыловые районы было переправлено около 12 млн. человек [16]. Ставрополье рассматривалось органами власти как регион, куда можно направить большие потоки эвакуированных граждан. Такое решение определялось целым комплексом причин: первоначально Ставрополье было удалено от линии фронта, здесь был благоприятный климат, в местных колхозах всегда были нужны рабочие руки. Немаловажным фактором было наличие транспортных коммуникаций и необходимой медицинской базы многочисленных санаториев Кавказских Минеральных Вод.

Во время оккупации жителям региона пришлось впервые не только увидеть врагов, оккупантов достаточно близко, но и делить с ними кров и пищу. В этих условиях сформированный советской пропагандой образ злого и коварного врага нередко размывался, делался дифференцированным в зависимости от конкретных результатов взаимодействия. Местное население научилось различать «фрицев»: боялись гестаповцев, к простым немцам обычно относились терпимо, ненавидели румын. Гораздо больше, чем оккупантов, население боялось той части общества, которая по разным причинам стали служить у германских властей в полиции и комендатуре, выполнять карательные операции. Вспоминают «дети войны»: Бодина Е.П., 18 лет: «Помню последние часы жизни Алексея Сироты, нашего участкового милиционера. Вели его полицаи по улице... Фамилии извергов односельчан я до сих пор помню. Вот так черная немецкая нечисть

разделила наших степновцев на героев и предателей, работавших до войны в одном колхозе...» [17, 45]. Калинин Г.А., 13 лет: «Я был очевидцем расстрела евреев... Расстреливали полицаи. Немцы при этом присутствовали. Но первую скрипку в этом зловещем деле играли наши. Им нужно было выслужиться перед новой властью. Вот они и старались вовсю. Работа у них была не из веселых... Не все из них были негодьями» [17, 41]. Коломысова (Черненко) Л. А., 6 лет: «Были в селе и полицаи, но они нас в обиду не давали. Например, полицай Ширшов всегда предупреждал, что готовят немцы, и когда было нужно, мы все прятались» [17, 34].

После освобождения края в январе 1943 г. начинается постепенное восстановление разрушенного хозяйства, решение первоочередных проблем питания, жилья, социальных связей и контактов, потерянных в месяцы оккупации. В обществе растет количество социально неустроенных людей – беспризорных и безнадзорных детей, потерявших на войне одного или обоих родителей, отправленных в тыл инвалидов войны, семей фронтовиков, не имеющих средств к существованию и оставшихся без материальной поддержки государства. Письма военных лет председателям колхозов и совхозов, в различные инстанции наполнены болью и тревогой фронтовиков за оставленных близких людей. Например, в сохранившемся архиве писем на имя А.М. Гусева, директора свиновхоза «Коммунар» Молотовского района Ставропольского края, фронтовики просят помочь больной жене в обеспечении дровами [13, д.15, л.18-18об.], освободить тяжело больную жену с двумя маленькими детьми и престарелой матерью от тяжелой физической работы в колхозе [13, д.16, л.19], вернуть матери корову, отданную ею во время эвакуации [13, д.15, л.10-10об.], вернуть отобранное сено для телка – единственного источника пропитания семьи и оказать помощь в улучшении бытовых условий [13, д.16, л.21], и т.д. В многочисленных письмах фронтовики искали потерянные в эвакуации семьи [13, д.15, л.2-2об.], родители – эвакуированных детей; находящиеся в тылу жены и матери писали письма во фронтовые части с просьбами

найти пропавшего без вести фронтовика или указать точное место и обстоятельства его гибели [10, д.617, л.145-146].

К исходу войны, пройдя сквозь трудности и лишения начального его периода, ужасы оккупации, тяжелейший восстановительный период, жители Ставрополя, среди которых, несмотря на усилия советской пропаганды, было много верующих людей, обращаются к православной церкви. Послабление в вопросе категорического неприятия и гонения со стороны Советского государства церкви наступило с учреждением в 1943 году при Совете Министров СССР Совета по делам Русской православной церкви, который опирался на созданный при нем институт уполномоченных. И хотя, несмотря на многочисленные ходатайства верующих об открытии храмов, лишь очень малая часть из уцелевших церквей была открыта в период оккупации [18, д.163.л.18], тем не менее, люди получили мизерную возможность отправления церковных служб и обрядов в храме.

В целом война стала колоссальным испытанием для советского общества, в ходе которого произошло изменение мировоззрения, переоценка ценностей, человек нередко был поставлен в ситуации выбора жизненной стратегии – подлости или героизма, выживания любой ценой или смерти, предательства или верности своим идеалам до конца. Каждый из периодов войны имел свою морально-психологическую доминанту в массовом сознании. В первые месяцы войны в обществе преобладала вера в быстрый успех Советской Армии, что формировалось средствами советской пропаганды. По мере продвижения врага вглубь территории, складывания новых реальностей повседневного существования, связанных с лишениями, голодом, жилищной стесненностью, потерей близких, общество стремительно военизируется. Нахождение в оккупации разделило жителей на «своих» и «чужих». Однако образ врага-чужеземца в сознании жителей был дифференцирован: политика «заигрывания» с местным населением оккупационных властей рождала различные модели поведения: от резко-отрицательного до сочувствующего. Последний период войны характеризуется верой в победу и оп-

тимистичным настроем и одновременно ростом социально неустроенных людей. Тяжелые условия повседневного существования выражались в социальной психологии – в обществе нарастала религиозность как способ обретения душевного равновесия и возможность пережить ужасы войны.

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОС-СПЭН, 2005. 368 с.; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОС-СПЭН, 2006. 288 с.

2. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941-1945). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

3. Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА в 1941-1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. – 296 с.

4. Агеева В.А. Человек тыла: историко-психологический аспект (на примере жизнедеятельности коллективов учебных заведений Юга России в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Таганрог: ТГПИ, 2009. – 80 с.

5. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. Серия «Документы советской истории» // Сост. А. Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М.: РОС-СПЭН, 2003. 471 с.

6. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях/под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь: СГУ, 2005. 608 с.

7. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941-1964 годах: сборник документов //сост. В. Белоконов, Г. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. 696 с.

8. Падерин А. А. Советское общество до и после июня 1941 года URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-obschestvo-do-i-posle-iyunya-1941-goda> (Дата обращения: 01.06.2023).

9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1852. Оп.12.
10. Государственный архив новейшей истории (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп 2.
11. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.). Под ред. С. И. Линца, А. А. Аникеева, Г. И. Кольги. Ставрополь-Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2018. 498 с.
12. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы. URL: <https://histrf.ru> (Дата обращения: 01.06.2023)
13. ГАСК Ф. Р-1060. Оп. 1.
14. Каменева Г.Н. Женщины Ставрополя на фронтах Великой Отечественной войны/Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. 608 с.
15. Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-povsednevnost-v-problemnom-pole-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny> (Дата обращения: 01.06.2023)
16. Потемкина М.Н. Историческое пространство эвакуации (1941-1945 гг.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-prostranstvo-evakuatsii-1941-1945-gg> (Дата обращения: 01.06.2023)
17. Дети войны: 1941-1945 гг. (антропологический аспект). Хрестоматия/Отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 242 с.
18. ГАСК. Ф. Р-5171. Оп. 1.

С. А. Секинаев,
 мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
 (Владикавказ)

УЩЕРБ, НАНЕСЕННЫЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

В статье предпринимается попытка проанализировать ущерб, нанесенный немецкой армией Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов, газетных публикаций и монографий показан один из важнейших этапов военной повседневности. Необходимо было полностью ликвидировать последствия нахождения немецких солдат в районах, освобожденных от оккупации. Это была большая общенародная задача.

Ключевые слова: Северная Осетия, оккупация, промышленность, сельское хозяйство, культурные ценности, немецкая армия.

The article attempts to analyze the damage caused by the German army to North Ossetia during the Great Patriotic War. Based on archival materials, newspaper publications and monographs, one of the most important stages of military everyday life is shown. It was necessary to completely eliminate the consequences of the presence of German soldiers in areas liberated from occupation. This was a big, nationwide task.

Keywords: North Ossetia, occupation, industry, agriculture, cultural values, German army.

За короткий период оккупации немецкие солдаты причинили республике огромный ущерб. Многие населённые пункты были разрушены, разграблено колхозное имущество, а сами колхозники подвергнуты диким издевательствам. Всего за неполные два месяца оккупанты уничтожили 200 коров и 500 телят, овец и ягнят, принадлежавших колхозникам. Для топки квартир разрушили более 100 колхозных зданий. После их изгнания не было ни одного дома с окнами, дверью, полом. Не осталось ни одной целой крыши. Они разрушили около девяти тысяч жилых домов... [1].

Большой урон был нанесён промышленности, сельскому хозяйству, культуре, образованию и здравоохранению. Были разрушены 205 школ, 14 клубов, 19 больниц. В результате обстрелов

и налётов вражеской авиации (только на г. Орджоникидзе было сброшено 1550 авиабомб) пострадали основные предприятия республики: заводы «Электроцинк», «Стеклотара», Вагоноремонтный завод им. С. М. Кирова; были разрушены многие учреждения и жилые дома. Существенно пострадали Садонские рудники и Мизурская обогатительная фабрика. Почти полностью были разрушены Дарг-Кохский крахмальный и Ардонский консервный заводы, Урсдонский лесозавод «Катушка», автобаза Садонского рудоуправления в г. Алагир, четыре завода стройматериалов, пять районных типографий, райпромкомбинат и промысловые артели, а также Ардонская, Чиколинская, Комсомольская и Эльхотовская МТС. В колхозах Ардонского, Алагирского, Ирафского, Дигорского, Кировского и Орджоникидзевского районов были уничтожены 3095 сельхозмашин и транспортных средств, 390 животноводческих ферм, четыре межколхозных гидроэлектростанций, Гизельдонская ГЭС, 365 га фруктовых садов и три питомника; много хозяйственных построек [2, 189]

Погибло и угнано в Германию 3165 лошадей, 49,5 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Всего за период оккупации потери в поголовьи скота составили: лошадей – 6,5 тысяч голов, крупного рогатого скота – 129 тысяч, овец и коз – 114,4 тысяч, свиней – 9,8 тысяч голов. Оккупанты отобрали у населения свыше 74 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Они разрушили около 9 тысяч домов. Особенно сильным разрушениям подверглись селения Гизель, Рассвет, Комсомольское, Эльхотово, Сурх-Дигора, Чикола. Ущерб, нанесённый народному хозяйству и культуре Северной Осетии немецкими варварами, по подсчётам Чрезвычайной народной комиссии, составил около 1,5 млрд. рублей. Немецко-фашистские захватчики нанесли большой урон культурным ценностям Северной Осетии. Есть ещё люди, которые помнят, что Алагирский музей был настоящей сокровищницей культуры и гордостью Осетии; служил местом массового сбора многих тысяч жителей района республики. Только в 1941 г. его посетили более 25 тысяч человек. Фашисты основательно разграбили музей. [3, 85]

Здесь погибли прекрасные картины, отображающие многогранную жизнь и деятельность К.Л. Хетагурова. Были уничтожены свыше тридцати картин самого поэта-живописца. Навсегда исчезли редчайшие рукописи Коста, в том числе «Кубады», «Мать сирот» и другие, написанные тушью на пергаменте. Были похищены оружие и личные вещи поэта, которые хранились в музее. Даже стены музея, расписанные рукой Коста, были исцарапаны, запачканы. Погибла замечательная панорама родины К.Л. Хетагурова сел. Нар. Разрушив Алагирский музей, захватчики похоронили под его стенами более ста фашистов, чтобы надругаться над святыней народа.

Задолго до Великой Отечественной войны хорошо было известно имя скульптора-самоучки из сел. Синдзикау Дигорского района Сосланбека Едзиева. Его творениями любовались не только в Осетии: они неоднократно демонстрировались в различных городах Советского Союза, в том числе – в Русском музее Ленинграда. Его дом, похожий на храм, выстроенный его руками, был местом паломничества любителей народного творчества. В доме было много законченных и незаконченных произведений самого Сосланбека и его сына – студента Московской Академии художеств – Георгия. К тому времени и младший сын, Руслан, уже имел ряд интересных работ [2, 190].

1 ноября 1942 года в дом Едзиевых нагрянула группа вражеских солдат. Они уничтожили часть работ скульпторов, а приглянувшиеся произведения аккуратно упаковали и забрали с собой. После освобождения сел. Синдзикау от немецко-фашистских захватчиков специальная бригада Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны по выявлению ущерба, нанесённого культурным ценностям Северной Осетии, сделала следующее заключение: «Немецкие и румынские солдаты в дни оккупации, посещая дом Едзиева, забрали с собой отдельные зарисовки, учиняли систематический погром работ С.М. Едзиева и его сына, Г.С. Едзиева... А то, что они не могли взять с собой, разбивали и уничтожали» [2, 190].

В октябре 1942 года в районе Моздока был захвачен в плен

обер-штурмфюрер 4-й роты батальона особого назначения германского министерства иностранных дел, Норман Ферстер, который на допросе заявил: «В августе 1941 года в Берлине по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и под его руководством был создан батальон особого назначения, задачей которого был захват и последующая переправа в Германию культурных и исторических ценностей, библиотек, трудов научных учреждений и так далее» [2, 190].

Где только ни орудовал этот батальон! Свои щупальца он протянул даже до Африки!

Большие злодеяния были совершены фашистскими бандитами на территории Советского Союза. В сообщении Совинформбюро говорилось: «Немецкая армия уже давно зарекомендовала себя перед лицом всего мира как орда профессиональных бандитов и громил. Однако никто до сих пор не подозревал, что в составе германских вооружённых сил имеются специальные подразделения, которым официально вменяется в обязанность грабить все культурные и исторические ценности временно захваченных стран Европы и районов СССР. Эти подразделения существуют при германском министерстве иностранных дел, т.е. при германском правительстве. Стало быть, германское правительство несёт всю полноту уголовной и материальной ответственности за их преступные действия... Оно выступает в роли организатора и вдохновителя грабежей. Впервые мир встречается с такой военно-бандитской организацией, поставленной на широкую государственную ногу» [4].

В период временной оккупации части территории Северной Осетии гитлеровские головорезы причинили большие разрушения и нанесли огромный ущерб ее народному хозяйству, культурно-просветительным учреждениям, общественным организациям и гражданам республики.

Чрезвычайная народная комиссия 23 ноября 1943 г. установила, что ущерб, нанесенный Орджоникидзевскому вагоноремонтному заводу им. С. М. Кирова, составил 13559498 руб., Бесланскому маисовому комбинату, Орджоникидзевскому консервному за-

воду – 660000 руб., Управлению стройматериалов – 3356476 руб., заводу «Стеклотара» – 5991976 руб., Госшвейфабрике им. Кирова – 620000 руб., заводу «Электроцинк» – 14352950 руб. и т.д. Большой ущерб был нанесен и другим отраслям и ведомствам Северо-Осетинской АССР. Так, например, ущерб, нанесенный Наркомсобесу, составил 1881360 руб., Заготскоту – 1459260 руб., Дорожному управлению – 14406000 руб., Управлению связи – 10419716 руб., Наркомлесу – 9536300 руб., Заготзерно – 45888316 руб. и Промкооперации – 25251000 руб. [5]

Немецко-фашистские захватчики полностью разрушили больницы в районных центрах: Чикола, Ардон, Дигора, в городе Алагир, сел. Гизель, санаторий «Тамиск» и др. Общий ущерб, нанесенный фашистами Наркомздраву Северо-Осетинской АССР в период временной оккупации части территории республики, составил 10453853 руб.

На пути своего следования фашистские оккупанты сеяли смерть, разрушение и ограбление. Они безжалостно разрушали и уничтожали не только промышленные предприятия и ведомственные учреждения, но и колхозы с их основной материально-технической базой, машинно-тракторными станциями, животноводческими фермами, а также имущество советских граждан. Материальный ущерб, нанесенный фашистскими оккупантами колхозам и гражданам Садонского района, составил 7882560 рублей, Ардонского района – 257209658 рублей. В Ирафском районе нанесен ущерб гражданам и колхозам на 131625379 рублей, в Дигорском – на 166252054 рублей, в Алагирском – на 76788377 рублей; в Гизельдонском районе на 31834308 рублей, в Кировском – на 325289166 рублей, в Дарг-Кохском – на 17.655.323 рубля, в Орджоникидзевском районе – 166.952.052 рубля [6, 149].

О причиненных немецко-фашистскими захватчиками разрушениях говорят следующие данные. В период вражеской оккупации немецкие фашисты в Кировском районе из 3050 жилых домов разрушили полностью или частично 934 дома, а из 1364 хозяйственных построек полностью или частично 1118. В сел. Гизель из 1050 домов 950 были разрушены полностью. Огромные

разрушения были причинены также жилому фонду других сел и городов Северной Осетии: Орджоникидзе, Алагира, Моздока. В результате бомбардировки и артиллерийского обстрела в городе Орджоникидзе полностью были разрушены 195 домов и полуразрушены 1140 зданий. Они уничтожили Ардонскую среднюю школу, семилетние школы в сел. Иран и станице Змейской, две начальных школы – сел. Эльхотово, одну – в Комсомольском и др. [7, 107.].

Гитлеровская армия нанесла огромный ущерб общественному животноводству колхозов. Она захватила большое количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней и домашней птицы, пчелосемей.

Ущерб, причиненный фашистскими захватчиками государственным предприятиям, машинно-тракторным станциям, колхозам, животноводческим фермам, общественным организациям и отдельным гражданам Северной Осетии, составил около 1,5 млрд. руб.

Из этой суммы приходилось на предприятия: союзного подчинения – 101912496, республиканского подчинения – (РСФСР) – 226163468 руб.; предприятия местного подчинения – 21871263 руб., на колхозы – 390865379 руб. и на хозяйство граждан – 736972.066 руб.

В успешном восстановлении разрушенного фашистами народного хозяйства в освобожденных районах важную роль сыграло Постановление Совнаркома Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации», принятое 21 августа 1943 г. Постановление явилось документом огромной исторической, политической и народнохозяйственной важности. В нем была намечена грандиозная программа восстановительных работ в освобожденных районах, оно предусматривало до конца 1943 г. восстановление 88 машинно-тракторных станций, более 400 машинно-тракторных мастерских, большого количества мотороремонтных заводов, тысячи колхозов и др.

Центральный Комитет партии и Советское правительство оказывали освобожденным районам громадную помощь во всем. В короткий срок колхозам освобожденных районов было передано около 200 тыс. голов крупного рогатого скота, более 340 тыс. голов мелкого рогатого скота, свыше 52 тыс. голов лошадей, 500 тыс. птицы и др. Колхозы освобожденных районов получили от государства в 1943 г. 90 тыс. тонн зерна. Сюда направлялось огромное количество машин, станков, строительных материалов. Партийные организации повсеместно разъясняли трудящимся значение Постановления партии и правительства от 21 августа 1943 г. и призывали их к быстрейшему его осуществлению. Народ развернул колоссальную работу в ходе войны не только по восстановлению, но и по строительству сотен новых крупнейших промышленных предприятий. При огромной помощи правительства в освобожденных районах в кратчайший срок было восстановлено 575 МТС, 969 МТМ и 9 ремонтных заводов. В девяти областях и краях за указанный период было вновь построено и восстановлено 326461 дом, в которые вселились 1813614 человек [6, 150].

Таким образом, немецким солдатам недолго пришлось хозяйничать в Осетии, но и тот срок был достаточным для того, чтобы ограбить мирное население. Люди на себе испытали «новый порядок» неслыханного произвола и насилия, уничтожения народного добра и варварских расправ. Но за свои кровавые злодеяния немцы жестоко поплатились. Мощными ударами Красной Армии гитлеровцы были изгнаны из Северной Осетии и в целом с территории Кавказа. В начале января Северная Осетия была полностью очищена от немецко-фашистской армии. Перед руководством республики была поставлена неотложная задача: после изгнания немецко-фашистских захватчиков из пределов Северной Осетии

– во-первых, мобилизовать и направить силы трудящихся республики на быстрейшее восстановление промышленности, сельского хозяйства, машинно-тракторных станций, всех видов транспорта, средств связи, коммунального хозяйства, культур-

но-просветительных учреждений и других, разрушенных фашистскими погромщиками;

– во-вторых, в освобожденных селах и районах восстановить партийные, советские, комсомольские организации, колхозы, машинно-тракторные станции, культурно-просветительские учреждения;

– в-третьих, шире развернуть партийно-политическую и агитационно-массовую работу в городах и селах.

1. Социалистическая Осетия. 1942. № 303.

2. Гадзиева-Балаова Ф.Д. Война у порога (Северная Осетия 1941-1943 гг.) – Владикавказ: Ир, 2019. – 224 с.

3. Тедтеев А.А. Защищая Отечество свое. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – 222 с.

4. Социалистическая Осетия. 1942. № 254.

5. НА СОИГСИ им. В.И. Абаева. Ф.7. История. Оп.1. Д. 203.

6. Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. – Орджоникидзе: Сев.-Ос. кн. изд-во, 1957. – 187 с.

7. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Владикавказ: СОИГСИ, 1992. – 319 с.

Т.З. Бабаев,
 мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
 (г. Владикавказ)

**ПРЕДПРИЯТИЯ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РСФСР
 В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
 (1959-1960 гг.)**

В статье рассмотрены причины и приведены примеры основных проблем предприятий местной промышленности РСФСР. Проведен анализ влияния неспособности обеспечения рынка сбыта товаров на выполнение поставленных планов по другим показателям для предприятий. Приведен список мер, направленных на теоретическое устранение недостатков в производстве и повышение производительности в плановых показателях для предприятий местной промышленности.

Ключевые слова: РСФСР, предприятия местной промышленности, Госбанк РСФСР, Госплан РСФСР.

The article reviews the causes and cites examples of the main issues of enterprises of local industry in the RSFSR [Russian Soviet Federative Socialist Republic]. The analysis of the impact of the inability to ensure the market for goods on the fulfilment of the set plans for other indicators for the enterprises is carried out. The list of measures aimed at theoretical elimination of deficiencies in production and increasing productivity in the planned indicators for the enterprises of local industry is given.

Keywords: RSFSR [Russian Soviet Federative Socialist Republic], local industry enterprises, State Bank of the RSFSR, Gosplan of the RSFSR [Russian Soviet Federative Socialist Republic State Planning Committee].

Промышленность местных Советов Российской Федерации в 1959 году выполнила план по выпуску валовой продукции на 104%, а товарной – на 105%. Однако в работе промышленности местных Советов имели место существенные недостатки. Советы министров АССР, обл (край) исполкомы не устранили недостатки в хозяйственно-финансовой деятельности предприятий местной промышленности и не обеспечили выполнение плановых заданий каждым предприятием.

Из 7703 предприятий по Российской Федерации не выполнили планов 1199 предприятий или 15,6%, недодали продук-

ции на 716 млн. рублей. Наиболее неудовлетворительно состояло дело с выполнением плана по выпуску валовой продукции в Дагестанской АССР: из 43 не выполнили план 19 предприятий, или 44,2% соответственно.

В целом по Федерации из 7703 предприятий 2330, или 30%, не выполнили план по себестоимости на 452 млн. рублей. В Чечено-Ингушской АССР 19 предприятий из 28, или 67,8%, допустили прорыв по себестоимости, эта проблема также присутствовала и в Дагестанской АССР – 23 предприятия [1, Ф.790. Оп.1. Д.46. Л.37]. Причем удорожание себестоимости в крупных суммах допускали предприятия хлебопекарной промышленности, кондитерские фабрики, рай (гор) пищекомбинаты в основном за счет перерасхода сырья и материалов, вследствие замены одного вида сырья другим. Наряду с этим предприятия хлебопекарной и кондитерской промышленности, рай (гор) пищекомбинаты практиковали покупку сырья из рыночного фонда и допускали удорожание себестоимости выпускаемой продукции. Вследствие бесхозяйственности ряд предприятий пищевой промышленности допустил также порчу сырья и материалов. На высокую себестоимость выпускаемой продукции влияла слабая механизация производственных процессов и неудовлетворительное использование имеющегося оборудования. Так, в райпищекомбинатах Липецкой области вручную производилась мойка и транспортировка бутылок, на хлебокомбинатах – раскладка опары и разделка некоторых сортов хлебобулочных изделий. Не механизированы погрузочно-разгрузочные и другие вспомогательные работы: подача листов из печи к сортировке и ящиков для расфасовывания продукции.

На Хабаровской кондитерской фабрике простаивали три заверточные машины, в то время, как завертка конфет и карамели производилась вручную. Помадо-сбивочные машины, находившиеся в эксплуатации, использовались на 20-26%, а штампующая вырабатывала карамель на 45%.

В Саратовской области на предприятиях промышленности продовольственных товаров было обнаружено неустановленное

оборудование на 3,1 млн. рублей, в том числе на 2,1 млн. рублей комплектующего оборудования консервных заводов. Их мощность была рассчитана на выработку 6 млн. условных банок консервов в год; среди замеченного было также обнаружено оборудование, выданное заводу еще в 1950 году.

Несмотря на слабую механизацию производственных процессов, на внедрение новой техники, механизацию и улучшение технологии производства Госбанком выделялись средства, но предприятия пользовались ими недостаточно активно. Это прослеживается в уменьшении размера кредитов на затраты по расширению производства на 32,6 млн. рублей [1, ф. 790, оп.1, д. 46, л.40].

Вследствие бесхозяйственности, невыполнения планов по производству и росту непроизводственных расходов 33% предприятий промышленности местных Советов не выполнили планов по накоплениям на 643 млн. рублей. Проверкой, произведенной Госбанком ряда планово-убыточных предприятий пищевой отрасли промышленности, было установлено, что имеется возможность ликвидации плановой убыточности многих предприятий.

Убыточной продукцией у многих предприятий пищевой промышленности являлись джем, повидло яблочное и сливовое, вино, томат-пюре, патока, сырой крахмал, сухой картофель. Планово-убыточная деятельность плодоконсервных и крахмало-паточных заводов вызывалась недостаточной механизацией производственных процессов, вследствие чего в значительной степени применялся ручной труд, и из-за этого заработная плата занимала большой удельный вес в себестоимости вырабатываемой продукции. Кроме того, предприятия, ведущие заготовку и переработку сельскохозяйственного сырья, выпускали продукцию себестоимостью выше отпускных цен из-за значительных накладных расходов в межзаготовительный и внепроизводственный периоды. Плановые убытки по патоке объяснялись несоответствием отпускных цен на патоку затратам на заготовку картофеля.

У некоторых предприятий промышленности продоволь-

ственных товаров сверхплановые запасы готовой продукции составили 260 млн. рублей. Несмотря на наличие сверхплановых остатков макаронных, кондитерских и консервных изделий, план по поставке этих товаров торгующим организациям в ряде областей Федерации не был выполнен из-за низкого качества и ограниченного ассортимента. При наличии у предприятий Саратовской области остатков кондитерских изделий в количестве 228 тонн недопоставлено их в торговую сеть на 46,2 млн. рублей. Управлением государственной инспекции по качеству товаров Башкирской АССР в июле 1959 года была забракована и запрещена реализация карамели в количестве 20 тонн, выпущенной предприятиями местной промышленности республики, в связи с плохим качеством товара по причине разрыва обертки.

Предприятия промышленности продовольственных товаров не полностью использовали имеющиеся возможности по увеличению производства товаров народного потребления ввиду отсутствия организованного сбыта готовой продукции, что вызвало нерациональные перевозки продукции из одних областей в другие. Например, по нарядам Росглавбакалеи предприятиями Сталинградской области отгружено в Саратовскую и другие области макаронных изделий 2376 тонн. Предприятия Саратовской области, в свою очередь, отгрузили в Башкирскую АССР макаронных изделий 312 тонн, в то время, как Уфимская макаронная фабрика испытывала трудности с реализацией макаронных изделий. В январе 1960 года этой фабрике было разрешено отгрузить в Москву 125 тонн макаронных изделий [1, ф. 790, оп.1, д. 46, л. 41].

В 1959 году торгующие организации Краснодарского края практиковали завоз товаров в пределы края из других областей РСФСР и союзных республик, и это при наличии однородных и по качеству равноценных товаров на предприятиях местной промышленности края, что отрицательно сказалось на сбыте продукции местного производства и вызывало излишние накладные расходы.

Так, в 1960 году было запланировано завезти 36 тысяч штук кроватей из Таганрога и Жданова; и это в то время, как кровати

предприятий местной промышленности края не находили сбыта. Ещё пример. Несмотря на то, что почти все кондитерские предприятия края затоварились открытой карамелью, она продолжала завозиться из Еревана, Нальчика и Москвы [1, ф.790, оп.1, д.46, л.42].

В ряде случаев отходы производства не использовались на месте. В Смоленской области отходы производства предприятий совнархоза (ватные угары, нитка-путанка, отходы трикотажа) не использовались внутри области при наличии условий у предприятий местной промышленности для их переработки, а вывозились за её пределы области, что также связано с нерациональными перевозками и дополнительными затратами денежных средств.

Вследствие неудовлетворительной работы ряда предприятий местного подчинения, учреждения Госбанка были вынуждены применять экономические меры воздействия к предприятиям, не выполняющим планов по себестоимости и накоплениям, а также допускающих сверхплановые убытки. Некоторые исполкомы не принимали мер к оздоровлению хозяйственной и финансовой деятельности предприятий, переведенных Госбанком на особый режим кредитования и расчетов в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 года [2, 129-141]. Вследствие чего такие предприятия в последующем были объявлены Госбанком неплатёжеспособными. Приведем примеры. Веденский леспромхоз Чечено-Ингушской АССР был объявлен неплатежеспособным с июля 1957 года; Лукинский крахмало-паточный завод Пензенской области с января 1958 года; кирпичный завод №6 Омского облместпрома; Тит-Аринский завод Якутской АССР с ноября 1958 года [1, ф.790, оп.1, д.46, л.43].

Серьезные недостатки в работе предприятий местной промышленности РСФСР продолжали иметь место и в начале 1960 года. В I квартале только по 48 областям, краям и автономным республикам 14,7% предприятий не выполнили план по выпуску валовой продукции, соответственно 28,2% по себестоимо-

сти и 38% по накоплениям. Недостаток собственных оборотных средств на 1 апреля 1960 года имели 43,4%. Сверхнормативные запасы товарно-материальных ценностей составили 749,4 млн. рублей, в том числе готовой продукции на 417,3 млн. рублей. Просроченная задолженность предприятий местной промышленности Госбанку возросла с 167 млн. рублей на 1 января 1960 года до 399,7 млн. рублей на 1 мая 1960 года, и поставщикам с 237,5 млн. рублей до 400,5 млн. рублей. Многие предприятия местной промышленности допускали просроченную задолженность по ссудам Госбанка: свыше 6 месяцев – у 69 предприятий из 33 областей, краев и автономных республик и составила 29,4 млн. рублей, или 17,6% к сумме просроченной задолженности.

Особого внимания заслуживала неудовлетворительная работа местной промышленности Дагестанской и Мордовской АССР, Читинской, Амурской, Новосибирской, Курганской, Калужской и Брянской областей, где большинство предприятий имели неудовлетворительные показатели хозяйственной и финансовой деятельности.

В целях улучшения работы предприятий местной промышленности РСФСР, Российская Республиканская контора Госбанка предложила Совету Министров РСФСР:

1. Обязать Советы министров АССР, обл (край) исполкомы:

- разработать и осуществить необходимые мероприятия по обеспечению в 1960 году выполнение каждым предприятием всех заданий государственного плана;

- рассмотреть вопрос об ответственности руководителей предприятий, допустивших нерациональные затраты материальных и денежных средств на производство сверхплановой продукции ограниченного спроса и принять необходимые меры к недопущению производства такой продукции в дальнейшем;

- разработать и осуществить мероприятия по максимальному сокращению числа планово-убыточных предприятий, принять меры к оздоровлению хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, к которым Госбанком применены меры экономического воздействия, а также предприятий, имеющих дли-

тельные неплатежи по ссудам Госбанка и по счетам поставщиков, изыскать источники восполнения недостатка оборотных средств этими предприятиями;

- принять меры к прекращению покупки предприятиями промышленности продовольственных товаров сырья и материалов за счет рыночных фондов, а также устранить причины, вызывающие порчу сырья и материалов;

- навести к 1 августа 1960 года должный порядок в использовании или перераспределении между предприятиями имеющегося неустановленного оборудования.

2. Поручить Госплану РСФСР, Министерству финансов РСФСР и Министерству торговли РСФСР совместно с Советами министров АССР, обл (край) исполкомами рассмотреть вопросы:

- о приведении плана выпуска кондитерских мучных изделий и открытой карамели в соответствии с потребностями населения, о сокращении производства макаронных изделий низших сортов, не пользующихся спросом населения, и увеличение выпуска этих изделий повышенных сортов;

- о снижении розничных цен на овощные и фруктовые консервы.

3. Поручить Госплану РСФСР и Главному управлению снабжения и сбыта при Совете Министров РСФСР разработать вопрос об организации сбыта готовой продукции, вырабатываемой сверх потребности внутри области, края или республики и в двухмесячный срок представить в Совет Министров РСФСР предложения по данному вопросу.

4. Поручить Госплану РСФСР рассмотреть вопрос об использовании отходов промышленного производства на месте в области, крае или республике, не допуская нерациональных перевозок этих отходов в другие экономические районы.

5. Заслушать в Совете Министров РСФСР отчеты председателей Советов министров Дагестанской и Мордовской АССР и председателей исполкомов областных Советов Читинской, Амурской, Новосибирской, Курганской и Брянской областей о работе местной промышленности [1, ф.790, оп.1, д.46, л.45-46].

Таким образом, основной проблемой децентрализованного управления предприятиями местной промышленности оставалась неспособность самих предприятий найти рынки сбыта изготавливаемой продукции внутри своего экономического района. В связи с этим в большинстве случаев и происходило невыполнение плана по остальным показателям.

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания), ф.790, оп.1, д.46.

2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг./сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 784 с.

II. ФИЛОЛОГИЯ

Л. В. Дзассохова,

научный сотрудник отдела осетинского языка,
ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(Цхинвал)

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена общему и частному отрицанию в осетинском языке, наличию или отсутствию связи между предметами и их признаками в реальной действительности, что определяет, к какой категории отнести высказывание; как именно выражается отрицательная поляризация предложения, с помощью каких маркеров; рассматриваются различные типы отрицательных предложений: традиционное деление типов предложений в осетинском и русском языках; отмечается, что общим для всех классификаций является деление на отрицание в предикативном центре и отрицание отдельного синтаксического компонента; утверждается, что наличие отрицательных предлогов и аффиксов, не влияет на поляризацию отрицание/утверждение в предложении; что отрицательные модели в русском языке и в осетинском не всегда могут рассматриваться, исходя из общих для вышеуказанных языков принципов грамматики.

Ключевые слова: общее и частное отрицание, утверждение и отрицание, предикативный центр, сентенциальное отрицание.

The article is devoted to general and particular negation in the Ossetian language, the presence or absence of a connection between objects and their signs in real reality, which determines which category to include the statement; how exactly the negative polarization of the sentence is expressed, with the help of which markers; various types of negative sentences are considered, namely: the traditional division of sentence types in Ossetian and Russian it is noted that the division into negation in the predicative center and negation of a separate syntactic component is common to all classifications; it is argued that the presence of negative prepositions and affixes does not affect the polarization of negation/affirmation in a sentence, it is also noted that negative models in the Russian language and in the Ossetian language cannot always be considered based on grammar principles common to the above languages.

Keywords: general and particular negation, affirmation and negation, predicative center, sentential negation.

В современной лингвистике отрицательные предложения, выраженные фразами, подразделяются на множество типов как по синтаксическим, так и по семантическим особенностям. Традиционным является разделение отрицательных высказываний на общеотрицательные и частноотрицательные, что означает: влияние отрицания на поляризацию предложения может быть полным и частичным. Полное или общее отрицание образуется путем постановки частицы **не** [и/или ее производных] перед сказуемым.

Общее отрицание как в русском, так и в осетинском языке характеризуется привязкой отрицания к предикативному центру предложения. Грамматически это выражается формулой Neg+Verb, где Neg может быть, как местоимение, так наречие и частица [1, 24].

*Но юноша **не** захотел **никому** отвечать, сказал, что ответит только самому царю [2, 155]; Ступни ее ног обращены назад, и поэтому **никому** не удастся повалить ее на спину [3, 28].*

*Царь искал ее всюду, но **нигде не** мог найти [2, 79] – усиление отрицания с помощью сочетания отрицательного наречия и отрицательной частицы. Йæ хъуыдыйы кæрон дæр **никуы** уыд Гаппойæн газет æрвитын, писмотæ фыссыныл та ныхас дæр **нæй** [4, 78]/Никогда Гаппо не приходило в голову посылать газету, а о том, чтобы письма писать, и речи быть не могло.*

*Акун-ипа потребовал от нее клятвы в том, что она отныне **не будет** трогать людей **ни** днем, **ни** ночью [3, 29] – мы не можем сказать, что союз **ни-ни** несет основной отрицательный смысл в этом предложении. Скорее всего, это усиление для частицы **не**.*

*Но она **не должна** походить на обычную [3, 47]*

Общее и частное отрицание определяется языковыми средствами на логико-грамматическом уровне. Структура мысли фиксируется языковыми средствами, и высказывание с отрицанием принимает коммуникативную завершённость.

Нæ цæ ныуадздзынæн, Хуыцау! [5, 7]/Не оставлю я их, Бог! Уыдонæн сæ цæрæнбынатмæ цъиу дæр нæ батæхдзæн [5, 16]/К ним в их место проживания даже птица не залетит; Цалдæр боны дæргъы митуард æмæ тымыгъ нæ сабыр кæнынц [4, 5]/В течение нескольких дней снегопад и ветер не утихали; Хъæбæр æмæ хæрам зæрдæ та сын дунейы фарн нæ радта [6, с. 4]/Черствое и злое сердце не дало им спокойствия в мире; Бирæйæ нæ уыдыстæм [6, 7]/Нас было не много.

С синтаксической точки зрения в русском языке различаются **предикатное (фразовое)** отрицание и **присловное (непредикатное)** [7, 72].

В лингвистической литературе встречается термин **сентенциальное отрицание**. Это не что иное как предикатное отрицание. В классической семантике отрицания термин понимается как общее отрицание в семантическом смысле [8, 96]. Если же отрицание стоит не при предикативной вершине предложения, а входит в состав именной группы, то это будет constituent negation (special negation) – термовое (частное) отрицание.

Термин **сентенциальное отрицание** иногда используется в русскоязычной лингвистической литературе. Его употребление оправдано только в синтаксическом смысле – как синоним для термина предикатное [фразовое] отрицание.

Предикатное отрицание образуется путем присоединения отрицания к финитному глаголу или предикативу.

В осетинском языке частное отрицание выражается с помощью сочетания отрицательной частицы **нæ** (либо отрицательного местоимения или наречия) и противопоставительного союза **фæлæ**. В частноотрицательном предложении в осетинском языке при отрицании одного факта утверждается другой, причем то, что утверждается, противопоставляется тому, что отрицается [1, с. 24]. Например: *Æркастæуыд канд газæй нæ, фæлæ ма цæрджытæ электоэнергийæ, хъæрмадæй ифтонг кæныны фарстатæм [9, № 77, с.3]/Обращено внимание не только на снабжение жителей газом, но и электричеством, и отоплением; Хатдзæгтæ та хъ-*

уамæ скодтаиккой æрмæст къамисы уæнгтæ **нæ**, **фæлæ** Парламент ууылдæр [9, № 79, с. 3]/Итоги должны были подвести не только члены комиссии, но и весь Парламент.

В осетинском языке частица **нæ** не всегда стоит перед сказуемым, например, в сочетании **нæ**, **фæлæ**/не, но. Таких конструкций много, но вариантов, где отрицательная частица **нæ** не предшествует сказуемому, встречается не часто. Багъæц, ма лымæн, ахæм фыдтæ ныл нызгæлдзæн, æмæ ронг **нæ**, **фæлæ** дæ ферох уыдзæни дæ ном дæр [10, № 9, с. 11]/Погоди, мой друг, такие нас ждут беды, что не только ронг, но и свое имя забудешь.

Отрицание при сказуемом часто имеет характер противопоставления [7, стр. 138] как в русском языке, так и в осетинском: Дзургæ ницы скодта, **фæлæ** йын йæ æрдæ цы бамбарын хъуыд! [5, т. 1, с. 6]/Ничего не сказала, но что стоило понять, что у нее на сердце.

В частноотрицательном предложении осетинского языка может отрицаться любой член предложения, кроме сказуемого-глагола, и, хотя отрицание может стоять при сказуемом-глаголе, отрицается не сказуемое-глагол, а другой член предложения. Так, например, в предложении:

Уый сау, æгъ, **нæ** уыди, **нæ** уыди уый сау æгъ [11 – iriston.com/nogbon/news.php?newsid=1250]/Он чёрен, скажи, не был, не был он, скажи, чёрен.

В частноотрицательном предложении бывает парный союз **нæ** [нал] – **фæлæ**, из которого противительный союз **фæлæ** может быть опущен, но тогда противопоставление, заключающее в себе утверждение, выражается интонацией, причем сказуемое-глагол может быть повторен, но может и не повториться. Например:

Уымæй сæ сæхи ирон æвзагыл **нæ** бафтауыны, **фæлæ** ма сæхæдæг дæр сæ мадæлон æвзаг ферох кæнынц [9, № 129, 3]/они себя не приближают к своему осетинскому языку, но еще и сами тоже забывают свой родной язык.

Что касается отрицательных предлогов и аффиксов, то они не влияют на поляризацию отрицание/утверждение в предложении в русском языке, в осетинском положение такое же.

Как известно, грамматика осетинского языка строилась на основе грамматики русского языка, и часто этот подход влечет за собой следующую особенность – мы смотрим на структуру и содержание осетинского языка сквозь призму грамматики русского языка. Относительно общеотрицательного типа, хотелось бы предложить несколько иную интерпретацию данного вида предложений. Дело в том, что в осетинском языке на один предикативный центр не может быть использовано более одного отрицания, – этим он отличается от русского языка. Тогда получается, что если в предложении есть отрицательное местоимение, то приглагольной отрицательной частицы **нæ** уже не будет. Следовательно, общеотрицательные предложения в осетинском языке можно разделить на: предложения с глагольным отрицанием и предложения, где глагол не подвергается изменению поляризации с помощью отрицательной частицы. Например:

Æз мæ удыл нæ ауæрстон... [12, с. 7]/Я не щадил души своей; Дæ адæмыл нæ кодтай мæт [12, с. 9]/Ты не заботился о своем народе.

В приведенных примерах мы видим отрицательную приглагольную частицу **нæ**, которая и влияет на поляризацию сказуемого в предложении, а значит, меняет и весь смысл предложения на отрицательный. Сравним:

Ничи (ОМ-) бабæллыд (+) уыцы хъæздыгдзинадмæ дæр [4, с. 6]/Никто не пожелал и этого богатства; Иунæг сыбыртт, иунæг дзырдæппарæн дæр ничиуал (-) скодта (+) [4, с. 8]/Ни единого звука, ни единого слова больше никто не произнес.

Даже если сравнить оригинальный текст с его переводом на русский язык, уже определим разницу между их предикативными центрами. Отрицание, выраженное местоимением и наречием, будто концентрируют спектр отрицания в себе, оставляя глагол в положительной поляризации [13, стр. 53].

Что же касается частного отрицания, то нашему мнению, оно имеет место быть во всех выше обозначенных его формах.

До сих пор среди лингвистов идут споры о том, есть ли в осетинском языке разделение на общее и частное отрицание. Заме-

тим лишь, что в осетинском языке привязка к глаголу намного крепче; что отрицание в осетинском языке может быть только предикатным; что общее отрицание занимает главенствующую позицию среди конструкций отрицания.

1. Багаева Л.К. Отрицательные конструкции в английском, русском и осетинском: Учебное пособие. СОГУ. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 76 с.

2. Индийские народные сказки/Под ред. М. Клягиной-Кондратьевой. – М., 1956.

3. Абхазские сказки/Пер.с абхаз. Х.С. Бгажба, Сухуми, 1974. 376 с.

4. Дзесты Куыдзæг. Нæ буц хистæртæ: Мысинæгтæ. – Орджоникидзе: Ир, 1981.

5. Нарты кадджытæ/Джыккайты Ш. ред., 1-4 т. – Дзæуджыхъæу, 2007.

6. Цгъойты Хазби. Ёртæ новеллæйы // Журнал «Мах дуг», 2004, № 9.

7. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.

8. Klima E.S. Negation in English/E.S. Klima // The Structure of Language. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964. – P. 246-323.

9. Хурзæрин – газет, 2021 аз, №№ 77, 79, 129.

10. Мах дуг – журнал, 2004 аз, № 9.

11. Интернет-ресурс: iriston.com/nogbon/news.php?newsid=1250

12. Хаджеты Таймураз. Ирон литературæйы антологи. Ёвзæрст уацмыстæ. Цхинвал, 2015. 460 с.

13. Холодилова Л.Е. Значение и строение конструкций с отрицательными местоимениями и наречиями [в предложениях с отрицательным смыслом] //Учен. зап. Горьк. пед.ин-та. Горький, 1967. Вып. 62. С. 50-62.

Ф. Н. Пашаева,
студентка Чеченского государственного
педагогического университета

И. В. Мусханова,
дфн, профессор,
Чеченский государственный
педагогический университет
(г. Грозный)

МОТИВЫ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ АСЯТ ХАЛИКОВОЙ

В данной статье уделяется особое внимание специфике рассмотрения темы Родины в творчестве писателя и анализу в творчестве поэта и художественные обобщения, воспевающие чувство любви к Родине, призыв к более глубокому пониманию национального меньшинства. Стихи поэта на тему Родины организованы по идейно-содержательному принципу.

Тема родины – одна из вечных тем лирики, привлекающая внимание поэтов. Она составляет отдельную отрасль в творчестве разных писателей, которые пытаются передать своей лирике.

Многие поэты затрагивают в своем творчестве тему Родины, и для каждого писателя эта тема занимает особое место. Для некоторых погибшая и возродившаяся вновь в огне его страна, а для других это место, где остались самые тёплые воспоминания его жизни.

В поэтическом творчестве Асет Халиковой находят отражение все признаки понятия «родина», которые свойственны чеченскому менталитету и связанные с ними нравственные ценности, которые продолжают играть важную роль в жизни современных чеченцев.

Ключевые слова: Родина, лирика, писатель, творчество, содержание, анализ, поэт, воспоминания.

This article pays special attention to the specificity of consideration of the theme of the Motherland in the work of the writer and analyses in the poet's work and artistic generalisations, extolling the feeling of love for the Motherland, a call for a deeper understanding of the national minority. The poet's poems on the theme of the homeland are organised according to the ideological and content principle.

The theme of homeland is one of the eternal themes of lyrics, attracting the attention of poets. It forms a separate branch in the work of different writers who try to convey to their lyrics.

Many poets touch on the theme of the homeland in their work, and for each writer this theme takes a special place. For some, the country that perished and reborn again in the fire, and for others it is the place where the warmest memories of his life remained.

Aset Khalikova's poetry reflects all the features of the concept of «homeland» inherent in the Chechen mentality and the moral values associated with it, which continue to play an important role in the lives of contemporary Chechens.

Keywords: Motherland, lyrics, writer, creativity, content, analysis, poet, memoirs.

Мотивы родины занимают центральное место в творчестве многих представителей литературы. На наш взгляд, это обусловлено приверженностью каждого человека к месту, где родился, вырос, прошли годы детства, юности, а очень часто и всей жизни. Окружающая природа, среда, атмосфера оказывают непосредственное воздействие на формирование и развитие мировосприятия, мироощущения личности. Однако, только творческие люди могут передать состояние, восприятие красоты мира словами, музыкой, живописью. В современном творческом сообществе представителей чеченских литераторов особое место занимает поэзия А.Х. Халиковой.

Халикова Асет Хусейновна – чеченская писательница, поэтесса и драматург. Родилась в 1985 году в селе Новый Шарой Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики. Окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Работала преподавателем кафедры чеченской литературы и фольклора ЧГУ, в Министерстве по делам молодежи, на Молодёжном радио, в телерадиокомпании «Даймохк». В настоящее время работает куратором в литературном объединении молодых писателей при Союзе писателей Чеченской республики «Синмаршо». Автор сборника стихов, рассказов, пьес, более тридцати научных статей. Одна из её пьес ставилась на сцене Чеченского драматического театра имени Х. Нурадилова. Переводит на чеченский язык стихи русских и зарубежных классиков. Член СП России и ЧР, Клуба писателей Кавказа. Награждена Чеховской медалью, медалью им. М. Ю. Лермонтова «За личный вклад в уста-

новление мира и благополучия на Северном Кавказе». Лауреат ордена М. Мамакаева. Победитель республиканского литературного конкурса «Книга года».

Тема Родины занимает особое место в лирике поэтессы. Именно этой теме посвящены многие стихотворения Асет Халиковой, которые опубликованы в её авторском сборнике «Дахаран жайна».

Сан йурт, хьо блаьстенца хазйелла йоглий-те?
 Хьан мерза шовданах блаьрг хьаош догий-те?
 Бераллехь левзинчу бай тлера зезагаш
 Цхьаммо а лехьадой, дагна сел дезнадерш?
 Ма дукха хан йаьлла-кх вай вовше газа,
 Хьомечу йуьртахойн де дика даза.
 Плераскан луйьранна эвларчу кешнашкахь
 Барз цланбеш, доланца верасаш хьийзий-те?
 Хьацар-хи къегадеш йуьхь тлера хершнашкахь,
 Рузбанна маьждиге баккий нах хьийзий-те?
 Дуьнен чохь длабаржарх сан некъан леха,
 Сан йурт, хьан аматаш сан даг чохь деха.

(Халикова А.)

Писательница умело использует тропы, подчёркивая, как тоскует по родным местам. Знаменитые произведения поэтессы Асет Халиковой отражают чувства родины и патриотизма. В них зарождается как любовь к родине, так и к тем местам, которые она воспекает. В стихотворениях из сборника «Дахаран жайна», таких как «Даймохк», «Сан йурт», «Гуьйре», чувствуются глубокие эмоции, трогательные человеческие сердца. Презентация книги «Дахаран жайна» не просто мероприятие – это признание того, что часы, недели, месяцы, а иногда и годы, посвящённые созданию того, что даже нельзя потрогать – искусству слова и письма, потрачены не зря. Произведение имеет успех лишь в том случае, если слова или мысли вложенные в него, нашли отклик в сердцах читателей.

Муса Ахмади, признанный писатель Чеченской Республики, любимый многими, рассказал о том, что работа молодых писате-

лей, таких как Ася Халикова, очень важны, потому что они – будущее чеченской литературы.

– Литератор должен работать днём и ночью. Это Асе по силам. Она пишет о жизни в разных её красках, – добавил он к сказанному.

Нам пришлось по душе то, как главный редактор журнала «Орга» Эльбрус Минкайлов сравнил работу литератора с работой ткача. Литераторы трудятся словно ткачи ради достижения совершенства в своём произведении. Но писатель – это даже не работа, а призвание.

Выражая свою любовь и патриотизм к родине через творчество, поэтесса смогла выразить сострадание и самоотверженность во многих стихах. Следует отметить, что в своих стихах Асет Халикова красочно описывала всю красоту и любовь к Родине.

Стигланан сийналлех ийна
Лаьмнаш а сеналло хьийна,
Дахарах дош ала аьлла,
Со – зезаг – Нохчийчоь даьлла.

Даймахко шен йовхо елла,
Сайн халкъан цленалла мелла,
Дуьненахь архь1 яржо аьлла,
Со – зезаг – Нохчийчоь даьлла.

Дайх дисна гиллакхийн г;рахь
Карийна эхартан туйра,
Кхерч латто Нохчийчоь аьлла,
Со – суй бу алунах баьлла.

Харцоно сан Даймохк хьийча,
Адамаш балехь а хилча,
Догъэца мискачийн аьлла,
Со – суй бу глайганах баьлла.

(Халикова А.)

Автор в своём произведении раскрывает истинную любовь к своей отчизне к родным краям, тем самым показывает тот патриотизм, который зародился в его сердце самого детства.

У многих людей Кавказ ассоциируется с прекрасными местностями, которым посвящали стихи самые видные деятели литературы. Неслучайно, в данном стихотворении акцент делается на описании прекрасных гор, которые являются главным достоянием чеченцев. Автор показывает, насколько велико для него значение гор, ведь они навевают ему непередаваемые ощущение полноты, которую может дать только Родина. Чувство гордости за свой народ, обычаи, традиции сочетаются с чувством горечи за несправедливость и все те трудности, пережитые чеченцами.

Каждая строфа стихотворения заканчивается тем, что поэтесса показывает свой путь становления. О том, как каждое испытание закаляло его. Но такая организация стиха носит не только индивидуальный характер. Ведь таким образом, показана судьба всего чеченского народа, который несмотря на все испытания и лишения сохранил стойкость и мужество.

Бераллехь сан дог ахь дладьохуш хьайца,
Дика а, вуон а сайн лан лууш хьььца,
Сан Даймохк, кхиъна со, хьан сих са хьерчаш,
Амалш сайн карийна хьан лаьмнийн кхерчахь.

(Халикова.А)

В данном стихотворении поэтесса, несмотря на все сложные времена детства, не проявляет ни озлобленности, ни гнева, никому не грозит. Наоборот, описывает мирные картины её детства, которые пронесла в своей душе сквозь бури и невзгоды, и, которые всегда служили ей путеводной звездой в творчестве. Земля её детства – это продолжение её души.

Тем не менее, поэзия Асет Халиковой не могла и не может не трогать и не вдохновлять новые поколения. Её чувства и мысли прорастают в молодых душах ростками преданности и любви к родной земле. Свидетельством этому могут служить слова самой поэтессы:

«Мне о родине, о традициях чеченского народа рассказывали взрослые люди нашего села. А самое большое влияние при написании стихов о родине, мне оказало мое воспоминание с детства. Я помню, когда были сложные времена в Чеченской республике, как все переживали. Тогда я была ребёнком, и не понимала суть происходящего. Несмотря на это, небо ночью было настолько красивое, что невозможно было оторвать глаз. И я смотрела в это небо, думала о том, насколько красива моя родина».

Связь с родными краями, ощущение сопричастности происходящему на земле предков сопровождает любого человека, вынужденного по тем или иным причинам покинуть свою страну. Так было, так есть, и, наверное, так будет всегда.

Действительно, «Родина» маленькое слово из нескольких букв, но в нём заключён огромный смысл. Родина. Это – мать. Это – семья. Это – земля, заключающая человека в свои тёплые объятия. Родина. Здесь мы рождаемся и вырастаем. Здесь мы впервые вкушаем плоды и блага её земли. Никакие расстояния не могут вырвать Родину из наших сердец. Человек рождается с любовью к Родине в душе, поэтому патриотизм – врождённое чувство, которое является основой воспитания любого человека. Следовательно, в произведениях многих классиков звучит тема Родины. Она проходит через их творчество красной линией. Любовь к своей Родине, к своему народу выступает источником вдохновения для многих композиторов, художников, писателей и поэтов. Стремление сделать свою родную страну еще лучше, еще прекраснее является основой для их произведений. Родина вызывает в каждом человеке самые теплые чувства. И сложно назвать поэта или писателя, который бы не посвятил своей Родине строки, идущие от души, самые искренние, самые трепетные.

Диттан га кагделла, цуьнца со цкъа лаьтта йожар а,
Стом боьхуш хлинца а хила ца кхиъначу ложера,
Тулгленаш керчочу хино сан мача длаяхьар а,
Лулахойн кевнах со тлехйала жлаьлах ца йахьар а...
Бералла – даг чуьра тийналлин гловга,

Хьох дагалецамаш хуьлу-кха ховха...
 Стилара чубужу седа а боьду шен маре,
 Бохуш, сан буьйсанах седарчийн той лардеш ихна,
 Хлора сайн луьйре а со йоккхахилийта йаре,
 Хьоьжуш длайахначу бераллин хи даг чу ихна...
 Бералла – сан синан зазане блаьсте,
 Хьайх лабош ца хилла-кх цкъа а хьан хьастар.

(Халикова. А)

В стихотворении «Бераллах дагалецамаш» затрагивается тема детства. Все воспоминания наполнены теплотой и счастьем. Нужно отметить, что обращаясь к теме родины, поэтесса всегда вспоминает своё безвозвратное детство. Это время для неё – беззаботная пора, время веселья и радости, где нет никаких проблем и бед. В данном стихотворении А. Халикова заявляет о своей кровной связи с природой. В стихотворении, каждая строчка которого несёт в себе высокую степень одухотворенности, простоты, искренности, эмоциональности, передана любовь к родине.

Наряду с этим во все аспекты и ракурсы её поэзии глубоко и многообразно проникает тема родины, лирическое воплощение её образов, став важной гранью его творческой индивидуальности. Эта тема сопрягается и пересекается для неё с сугубо личными переживаниями, связанными с осознанием собственного пути, места и назначения в жизни, с осознанием собственных корней, национальной идентичности. Определённый и немалый корпус её стихов всестороннее и предметно осмысливает эти проблемы, давая ответы на вопросы самой писательницы, на вызовы времени, прошлого, настоящего и будущего, отвечая на её поиски истоков самоидентификации.

Отметим, что тема родины и природы раскрывается в её принципиально серьёзной и философски глубокой поэзии, посредством наиболее светлой, ясной и теплой эмоционально-образной окраски:

Дедас шен куьйгашца дина сан ага,
 Хьацарца даьккхина цхьа дечкан дакъа,

Цундела, безамца мел дуккха дагарх,
 Дог тигац хьох даьлла лаьтта тӀехь дага.
 Денанас диллина туьйранийн жайна,
 Къонахийн пхенашкахь цӀий чехчош хилларг.
 Дахар а сацийна, уьш денлуш дайна,
 Со оцу туьйранийн турпалхо хилла.
 Хьох йолу назманаш арено олуш,
 Со цаьрга ладоьгӀуш бӀешарахь лийна,
 Сан Даймохк, хьан безам шеца мел богу
 Сан дог а хилла ду дийначул дийна...

(Халикова А.)

С целью исключения некоторых сомнений в отношении актуальности выбранной темы, было проведено анкетирование среди студентов Чеченского Государственного Педагогического Университета. Исследование показало, что понятие «Родина», занимает особое место в жизни каждого студента. Опрашиваемые были достаточно осведомлены об истории своего села и родных земель. Большинство участников анкеты читали стихотворения русских и чеченских поэтов о Родине, в список входила и А. Халикова. Это повествует о духовно-культурном развитии обучающихся, что многим близка тема родины в поэзии поэтов, поскольку они любят свою Родину. Лишь несколько человек затруднились ответить на вопросы. Таким образом, результаты анкетирования показали, что молодёжь уделяет должное внимание изучению чеченской художественной литературы.

В завершении, хотелось бы добавить, что в ходе данной исследовательской работы мы рассмотрели образ Родины в творчестве прекрасного мастера слова А. Халиковой. Благодаря поэтам, которые посвятили свои произведения своей Родине и родным местам, в людях, в частности молодёжи, зарождается любовь и патриотизм к своей Родине. Мы видим всю многогранную красоту нашей Родины через поэзию отечественных талантливых поэтов.

Таким образом, в чеченском литературном процессе в современном мире Асет Халикова сыграла одну из важных ролей,

тем самым, определив тенденции дальнейшего развития чеченской поэзии. При анализе поэтического творчества, нами были выделены следующие мотивы, проходящие сквозь все произведения поэтессы: тема Родины, любви к ней, смысл жизни человека, его долг перед родными землями, природой. Также в её стихотворениях отмечены размышления над тем, как сделать окружающий мир чище и добрее – вечные, вневременные темы бытия.

1. Авдеева, А.О. Любовь к родине в русской поэзии/А.О. Авдеева, О.В. Рыбакова. Текст: непосредственный // Юный ученый, № 3.1 (66.1), 2023. С. 1-3. URL: <https://moluch.ru/young/archive/66/3633/> (дата обращения: 03.06.2023).

2. Асатжанова И. Тема Родины в лирике Айдын Ходжиевой // Экономика и социум. 2022. № 5-1 (96). 306-310 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-rodiny-v-lirike-aydyn-hodzhievoy> (дата обращения: 03.06.2023).

3. Халикова А. «Дахаран жайна». 2014.

В. С. Дзарасов,
студент СОГУ им К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ИРОН ПОЭТИКОН ТЕКСТЫ БИРÆНЫСАНИУÆГДЖЫН ДЗЫРДТЫ ТÆЛМАЦ АНГЛИСАГ ÆВЗАДЖЫ ФÆРÆЗТÆЙ

Статья посвящена проблемам передачи полисемантических лексических единиц осетинского языка на английский язык в поэтическом дискурсе. В статье анализируется стихотворение осетинского поэта Коста Хетагурова – «Æрра фыййау» и его авторский перевод на английский язык. Поднимаются проблемы интерпретации как отдельных тропов (эпитетов, локуса), так и всей образной системы стихотворения. В ходе исследования выполнен сравнительно-сопоставительный анализ переводов и на другие языки с целью обоснования стратегии перевода и переводческих трансформаций. Перевод является попыткой интерпретационного перевода автора и требует дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: Коста, поэтический перевод, переводчик, теория перевода, лексико-семантические трансформации, осетинский язык.

The article is devoted to the problems of translating polysemantic lexical units of the Ossetian language into English in poetic discourse. The article analyzes the poem of the Ossetian poet Kosta Khetagurov – «Ærра fyyau» [“Mindless Shepherd”] and its translation done by the author of the article into English. The problems of interpretation of both individual tropes (epithets, locus) and the entire imagery system of the poem are raised. A comparative analysis of translations into other languages was carried out in order to justify the strategy of translation and translation transformations. The translation is an attempt to interpret the author's translation and requires further improvement.

Keywords: Kosta, poetic translation, translator, translation theory, lexico-semantic transformations, Ossetian language.

Ирыстоны номдзыхд поэт Хетæгкаты Къоста дунейы зындгонддæр поэтты æмрæнхъ кæй лæууы æмæ ахъаззаг бынат кæй ахсы се ‘хсæн, ууыл дзыры, йе ‘мдзæвгæтæн сæ фылдæр хай тæлмацгонд кæй æрцыди иннæ æвзæгтæм, уый. Уыдоны ‘хсæн, зæгъæм, уырыссаг; англисаг, французаг, италиаг, венгрияг, гуы-

рдзиаг æмæ æндæр æвзæгтæ [1, 215-226], [2], [3], [4]. Уырысаг æвзагмæ йæ тæлмац кодтой сæ рæстæджы зындгонддæр æмæ разæгъд фысджытæ, уыдоны дæсныады руаджы Къостайæн йæхи курдиат ирдæй разынд æнæхъæн паддзахады чиныг-кæстджытæн.

Англисаг тæлмацы сæрыстырдзинад абон æргом у: англисаг æвзагæй пайда кæнынц æнæхъæн зæххы къорийы адæмтæ, у интернационалон бастдзинæдты æвзаг. æмæ йæ фæрцы, Къоста йæхæдæг цы «*дзыллæйы*» æмæ «*дунейы*» кой кодта, уыдоныл тагъддæр апарахат уыдзæн йе сфæлдыстад.

Ацы уацы автор фæлвары æмдзæвгæ '*Æррæ фыййау*' англисаг æвзагмæ ратæлмац кæнын æмæ йæхи куыстæн интроспективон анализ скæнын, лæмбынæгдæр æркæсын, цæвæр цæлхдуртæ æвæрынц бирæнысаниуæгджын дзырдтæ тæлмацгæнæджы фæндагыл, уымæ.

Поэतिकон тæлмацы сæйраг миниуджытæй иу у æрмæстдæр мидис нæ, фæлæ ма тексты формæ, йæ ритм æмæ йæ бæрц, йæ рифмæйы хуызтæ дæр равдисын.

Нæ анализы мидæг иртасæм тексты цалдæр хайы, кæцытæ махмæ кæсынц сæйраг. Уыдонæй, æнхъæл стæм, нæдæр тæлмацæй, нæдæр анализæй фæуадзæн нæй: æмдзæвгæйы аивадон арæзтæн сты ахсджиаг.

Æмдзæвгæйы фыссæг дзуры фыййауы тыххæй, кæцы æрра уæвгæйæ, гæпп кæны хохы цъуппæй. Арæх ацы æмдзæвгæмæ бахатынц скъолайы ирон 'взаджы ахуыргæнджытæ: скъоладзæутæ йæ рагæй дæр зонынц, зæрдæвæрдæй йæ ахуыр кæнынц. Уый тыххæй йæ кæсджытæй бирæтæ нымайынц сывæллоны зондæн ахъаз текстыл. Фæлæ ирон филологон зонады мидæг бирæ фыстуацтæ уагъд æрцыдысты, кæцытæ хъуыддагмæ ахæм мæнг бацыд аппарынц [7], [8].

Æркæсæм оригинал æмæ тæлмацы тексттæм.

Алы тæлмац у æрмæстдæр авторы текст нæ, фæлæ ма ноджы дæр тæлмацгæнæгæн (кæсæгæн) йæхи интерпретаци. Алы текст дæр баст у бæлвырд заманимæ, «цæры» бæлвырд литературон традицийы мидæг [6, 65-67].

ÆРРА ФЫЙЙАУ

Раджы хохы цъуппæй касти
 Иу æрра фыййау,
 Мигъ æнгом йæ быны бадти,
 Урс цагъд къуымбилау.
 Бахъазыд дын æм йæ зæрдæ, –
 Тæккæ былгæрон,
 Дурыл авæрдта йæ къæхтæ:
 «Агæпп æм кæнон, –
 Загъта, – фос уал ам мæ сæрмæ
 Хизæд уæзæгыл,
 Æз фæхуысдзынæн изæрмæ
 Уыцы бæмбæгыл...»
 Дардыл йе уæнгтæ фæхаста, –
 Гъопп! – зæгъгæ, йæхи
 Пуртийы зыввытт фæласта...
 Лæг ныххæррæгъ и! [5, 124]

INSANE SHEPHERD

Early on the mountain height
 There was an insane shepherd;
 The fog beneath the mountain laid
 Looked like cotton softly gathered.
 And now his heart, full-filled and proud,
 The vast rock on he puts his knees
 «How soft and curly is the cloud!»
 He thinks. Away he springs and wheels.
 «The livestock may be fed therefore
 and graze themselves on peak.
 My gentle bed can wait no more –
 Till dusk I'll lie there weak.»
 And so he raised his parts away!
 At once the shepherd's thrown.
 He flew and flew across the vale,
 With only a lingering groan.

Ис ма дзы бирæнысаниуæг дзырдты тæлмацы проблемæ, кæцы поэтикон тексты мидæг тынгдæр йæхи равдисы, уый тыххæй æмæ ам æрмæст фыссæджы æргом нæ, фæлæ ма æнæргом фæндонтæ дæр ис, кæцытæ уый фæтары кæны поэтикон тексты (æмдзæвгæйы, поэмæйы æ. æнд.) мидæг.

Кæд æмæ бирæ не сты ахæм дзырдтæ, уæддæр хауынц хицæн къордтæм. Зæгъæм, бирæ семæтæ сæ кæрæдзиимæ афтæ æнгом баст цæуынц, æмæ зын ваййы раиртасын кæцы дзы у бæрæг контексты сæйрагдæр. Ардæм хауы дзырд 'æрра'. Раджы æмæ мигъ та хауынц бисемон къордмæ, æмæ тæлмацгæнæг хъуамæ равзара эквивалент, йæхи хъуыдымæ гæсгæ, уый тыххæй æмæ йæхи æвзаджы ахæм амбивалентон дзырдтæ нæй.

ÆРРА.

Иннæ дзырдтимæ абаргайæ, дзырд 'æрра' ахсы хицæн бынат. Фыццаджыдæр, фæзыны сæргонды, стæй фыццаг катрены дæр, æмæ йын тексты мидæг фæзыны ма цавæрдæр æмбарынад.

Æркæсæм лæмбынæгдæр оригиналы тексты нывæфтыд системæмæ. Поэтикон текст куы фæиртасынц, уæд арæхдæр йæ сæргонды ахадындынадыл кой нæ фæцæуы. Фæлæ Къостайы æмдзæвгæ у уæлвæтк. Ам, æмдзæвгæйы сæргонды фыссæг рага-

цау рабæрæг кæны фыййауы сæйраг миниуæг – ‘æрра’. Кæй зæгъын æй хъæуы, уый дæр иунысанон нæу.

Гæбæраты Никъалайы æмбарынгæнæн дзырдлаты «æрра» – йæн ис ахæм нысаниуæгтæ:

1) «Психикон æгъдауæй рынчын; йæ зонд йæ бар кæмæн нæу, ахæм;

2) Æдылы, æнæрхъуыды, æнæзонд;

3) Тынг фыдуаг, æгæнон, къæбæда, галиу (фæдзырдæуы адæймагæй);

4) ...¹

5) Стыр тыхæй чи тæлфы, чи змæлы, чи бырсы, ахæм (фæдзырдæуы исты фæзындæй)» [9, 432].

Ноджы ма ацы дзырдæй пайда кæнынц инвективон æгъдауæй дæр, ома, иу иннæмæн куы зæгъа «æрра дæ?», зæгъгæ, уæд æй уый йæ диагнозæй нæ фæрсы, фæлæ йын æмбарын кæны йæ рæдыд, кæнæ сонт ми, æнæрхъуыдыдзинад. Къоста цы литературон тыгъдады хъомыл кодта, уым дæр раиртасæн ис, æррадзинад (уыр. безумие) бынтон ахæм æнцон æмбаргæ кæй нæ уыд, уый. Уыди XIX æнусы райдайаны арæх фыстгонд кæуыл цыди, ахæм темæ, уымæн æмæ поэтæн йæхи уды æнкъарæнтæ æвдыста. Цавæрдæр поэтæн уыди æнæмæтдзинады синоним [10].

Хæдарцаты Азæ, поэты афыссæн чиныг дæнцæгæн райсгæ, куыд фыссы: «Къоста йе сфæлдыстадæн алы дзырд дæр тынг æнувыдæй ‘взæрста» [11, 19-20]. Ирон филологийы наукæйы мидæг мыхуыры уагъд æрцыдысты цалдæр фыстуацы, кæцыты сæ автортæ Къостайы «фыййауы» фæлгонц иртасынц [7], [8]. Чи зоны, æмæ Къоста психикон æгъдауæй рынчыныл нæ ныффыстаид, стæй йыл худгæ дæр цæмæн кодтаид; зæгъæм, Н. Гоголь («Записки сумасшедшего»), кæнæ Ф. Достоевский («Идиот») куыд нæ кодтой сæ хъайтарыл, афтæ. Уыцы фарстайæн ныры онг дæр дзуапп нæма и, æмæ, æвæццæгæн кæронмæ никуы суыдзæни бæрæггонд.

Къостайы сфæлдыстад баст у адæмы сагъæстимæ æмæ æнкъ-

¹ Ацы нысаниуæг фæуагътам, уый тыххæй æмæ дзы кой цæуы сырды, фосы тыххæй.

арæнтимæ, йе 'мдзæвгæты ууыл архайдта, æмæ равдиса ирон адæмы карз цард. 1898 азы 3 сентябры фæзынд «Ирон фæндыры» фыццаг сыгъдæг къухфыст ахæм сæргондимæ: «Зæрдæйы сагъæстæ, зарджытæ, кадджытæ, æмбисæндтæ». Ацы æмдзæвгæ хауы фæстаг къордмæ.

Æмдзæвгæ æмткæй иу æмбисондæй равзæрд, кæцы Къостайы афыссæн чиныджы фыст æрцыд: «<Чидæр> хохы сæрæй мигъмæ бæмбæг æнхъæл рагæпп кодта æмæ ныххæррæгъ» [7, 42]. Джыккайты Шамил куыд фыссы, Къостайы фыййау у «æнæрай цардæй фæллад, фæнды йæ сæнттæм хи раттын» [7, 42], уымæ гæсгæ ацы æмдзæвгæйы æрмæстдæр психикон æгъдауæй рынчыныл кой нæ кæны.

Æппæты зындгонд тæлмацгæнджытæн дæр алы хатт хæрзæххæст куыст скæнын, чи зоны, сæ бон нæу; уый тыххæй, сæ тæлмацтæм куы æркæсæм, уæд дзы нæ бон цавæрдæр къуыхцытæ ссарын суыдзæни.

Æркæсæм æмдзæвгæйы уырыссаг æвзагмæ тæлмацтæй иумæ (тæлмацгæнæг – С. Олендер) [5, 125]. Æмдзæвгæйы сæргонд ратæлмац кодта «Безумный пастух». Ахæм вариант Къостайы сæйраг фыййауы фæтк æххæст раст не 'вдисы, чысыл раздæр цæй æфсоны кой кодтам, уый руаджы. Ноджыдæр ма, æмдзæвгæйы тексты, Олендер пайда кæны æндæр дзырдæй – «чудной», ома, сæргонды цы дзырдæй ратæлмац кодта 'æppa', уый аивта æндæр эквивалентæй. Иуæй, ахæм фадаты бындурæвæрд бамбарæн ис, уый æвдисы, тæлмацгæнæг хъуыды кæй кодта, куыд равдиса бæлвырддæр фыййауы. Иннæмæй та, Къостайы æмдзæвгæйы сæргонд текстимæ баст у, 'æppa' когезийы сæйраг хæйттæй иу у, æмæ йæ тæлмацы нæ фехалын нымайæм асхджиаг хъуыддагыл, кæд æмæ оригиналы Къоста фыййауы эпитет нæ аивта, уæд.

Ахæм фæлгонцы уавæрмæ лæмбынæг куы 'ркæсæм, уæд бамбардзыстæм, ирон бæрæггæнæнæн йæ англисаг (кæнæ искæцы æндæр) эквивалент ссарын æнцон нæу, уый. Нæ тæлмацы спайда кодтам англисаг дзырд «insane» – æй. Уымæн йæ нысаниуæгтæ 'Collins' дзырдутмæ гæсгæ ахæм сты:

1) «Someone who is insane has a mind that does not work in a normal way, with the result that their behaviour is very strange (Insane адæймагæн ис ахæм зонд, кæцы рæстмæ нæ кусы, цæй тыххæй уый йæхи тынг æнахуыр дары¹);

2) If you describe a decision or action as insane, you think it is very foolish or excessive (Кæйдæр конд кæнæ архайд куыд insane куы 'рдзурай, уæд æнхъæл дæ æмæ тынг æдылы кæнæ æгæр сты);

3) People sometimes use insane to mean 'extreme'

(Адæм хатгай insane-æй пайда кæнынц, «æгæр» сæ зæгъын куы хъæуы, уæд)» [122].

Семæтæ «æдылы» æмæ «æнахуыр», нæ хъудымæ гæсгæ, хорз æвдисынц сæйраг нысаны лæмбынæгдзинæдтæ.

Англисаг æвзаджы тæлмацгæнæг æмрæстæджы дыууæ æууæлы 'хсæн лæууы: иуæй, ис дзы бирæ æмнысаниуæг дзырдтæ (*mad, rabid, demoniac; coll. mental case; furious, frenzied, violent, frantic; delirious; raving, rash, reckless, imprudent, foolhardy, extravagant, wild, crazy, mad brain; silly, foolish, stupid; madman, lunatic* [133, 219]) ирон 'æппа' – йæн, иннæмæй, ахæм стыр нымæц тæлмац дзырды равзæрст зынвæдатдæр кæны. Мах нæ тæлмацы пайда кæнæм бæлвырдæй «insane» – æй, уый тыххæй æмæ тæлмацы метрикон сконды фидауы.

РАДЖЫ.

Фыццаг цыппар рæнхъыты тæлмацгæнæг уайтагъд æнкъары дзырдты æвзæрыны зындзинад. Хъуыддаг у уый мидæг, æмæ ирон дзырд 'раджы' – йæн ис æппын къаддæр дыууæ нысаниуæджы: фыццаджы дæр, уымæй райдайынц бирæ таурæгътæ, аргъæуттæ æмæ æмбисæндтæ, пайда гонд æрцæуы куыд фольклорон нарративон формæ. Дыккаг нысаниуæг у æвæрцы архайды рæстæгимæ баст – фыййау райсомæй раджы лæууы хохы цъуппыл. Фæстаг версийы сæрыл ма нæ бон у раст текстæй дзырдтæ æркæнын:

«Æз фæхуысдзынæн изæрмæ
Уыцы бæмбæгыл...»

¹ Ам æмæ дарддæр ирон æвзагмæ авторы тæлмац.

Кæд фыййауæн йæ зæрдæйы ис «изæрмаæ фæхуыссын», уæд бæлвырд у, æмæ æмдзæвгæйы ныртæккæйы рæстæг изæрмаæ ныхмæлæууæг кæй у, уый.

Англисаг æвзагмæ дзырд «*раджы*» тæлмац æрцыд куыд «*райсомæй раджы*»:

Early on the mountain height

(Райсомæй хохы бæрзондыл).

Уырыссаг тæлмацы Олендер пайда скодта дзырдæн йæ фыццаг нысаниуæгæй «*Как-то раз*» [144]. Англисаг æвзаджы нæй иунæг синкретикон дзырд, ирон «*раджы*» – йы хуызæн. Уый тыххæй, тæлмацы дихгонд æрцæуы. Нæ тæлмацы пайда кæнæм «*райсомæй раджы*» нысаниуæгæй, афтæ дæр у венгрияг æвзагмæ тæлмацы [4]. Фæлæ мах ууыл куы ахъуыды кæнæм, æмæ Къоста æмдзæвгæ æмбисондæй сфæлдыста, уæд нæ бон у зæгъын æмæ дзырд «*раджы*» – йы фыццаг нысаниуæг йæхи фæтыхджындæр кæны: куыд фольклорон-нарративон элемент ахæм тексты, кæцы фольклорон сфæлдыстадæй (æмбисондæй) равзæрди.

ХЪУЫДЫЙАДЫ АКТУАЛОН ДИХ.

Æппынфæстагмæ ма зæгъæм дыууæ дзырды иу цымыдисаг фиппайæныл. Оригиналон тексты фыццаг хъуыдыйады актуалон дихы (уыр. «актуальное членение предложения») схемæ у ахæм:

Раджы	хохы	цъуппæй	касти	иу	æрра	фыййау,
ТОР	ТОР	ТОР	ТОР	ФОС	ФОС	ФОС

«Иу æрра фыййау» ацы хъуыдыйады мидæг у ремæ (ФОС) – ног информаци, кæцы нырмаеты нæма зыдтам хъуыдыйады мидæг. Ирон æвзаджы, куыд уырыссаг æвзаджы дæр, хъуыдыйады актуалон дих хъуыдыйады райдийанæй йæ кæронмæ æрцæуы. «Фыййау» лæууы синтагмæйы кæроны, ноджыдæр ма йæ разы ис дзырд «иу», кæцыйы нысан у «цавæрдæр иухуызæтты нымæцæй». Æндæр æвзæгтæм тæлмацгæнæгтæ темæ-ремонт дих баивтой, сæ тæлмацы фыййау у ахæм лæг, кæцыйы мах зонæм:

*Как-то раз с горы глядел он –
 Тот пастух чудной. [144, 125]
 (Иу хатт хохæй касти уый –
 Уыцы æнахуыр фыййау)
 Бæдтиаты Ю. тæлмацы дæр афтæ:
 Как – то вниз смотрел с вершины
 Наш шальной пастух. [155]
 (Иу хатт бынмæ касти цъуппæй
 Нæ æрра фыййау)*

Англисаг æвзаджы мидæг хъуыдыйады актуалон дихы æвдисон фæрæзтæй иу у артикль – бæрæг, æбæрæг æмæ нулон [166, 190-191]. Англисаг æбæрæг артикль «a (n)» у ацы контексты ирон «иу» – æн бæлвырд эквивалент – æвдисы уый, æмæ кæцыйы фыййау кой цæуы, у «цавæрдæр фыййау», ахæм, кæцыйы мах нæ зонæм:

*Early on the mountain height
 There was an insane shepherd;
 (Райсомæй раджы хохы бæрзондыл
 Уыди иу æрра фыййау).*

Оригиналы хъуыдыйады актуалон дих æнæ ивындзинадæй равдисын нæм ахсджиаг кæсы: Къоста æмдзæвгæйы иу бæлвырд фыййау тыххæй нæ дзуры – уый у адæмон æмбырдон сурæт.

Нæ тæлмац нымайæм интерператации фæлтæрæныл, кæцыйыл ма, æнаæмæнг, ноджыдæр кусын хъæуы. Англисаг тæлмацы спайда кодтам алыхуызон тæлмацон трансформацитæй, уыдонай иу у – лексикæ-семантикон баивд. Бирæнысаниуæг дзырдтæ поэтикон æвзаджы мидæг ноджыдæр ахсджиагдæр сты, уый тыххæй хъуамæ тæлмацгæнæг архайа, æмæ йæ тæлмац дзырдтæ цас фылдæр гæнæн ис, уыййас эквивалентон куыд уой, ууыл. Тæлмац кæнгæйæ эквиваленттæ æвзæрст æрцыдысты тексто-логикон анализы фæстæ, иннæ 'взæгтæм тæлмацтæм лæмбынæг куы æркастыстæм, уый фæстæ.

1. Дзапарова Е.Б. О новом переводе «Осетинской лиры» К.Л. Хетагурова на русский язык // Известия СОИГСИ Школа Молодых Ученых. 2020. № 24.
2. Олендер С. Шпирт, А. Как мы переводили К. Хетагурова. Из поэтической практики. // Литературная газета. 1939.
3. Томеллери В.С. Микеле, С. Несколько соображений о переводе «Осетинской лиры» Коста на итальянский язык // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 10-19.
4. Ирон фæндыр – Oszét líra – Magyar fordításban – Kakuk Mátyás [Электронный ресурс]. URL: http://hetagurov.ru/po_kosta/perevody/if/ir_mag/ Дата обращения: 28.09.2023).
5. Хетæгкаты Къ. Ирон фæндыр. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. 272 ф.
6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
7. Джикаев Ш. Ф. Образ пастуха в системе поэтики Коста Хетагурова // Вестник Владикавказского Научного Центра. 2009. Т. 9, № 5. С. 40-44.
8. Мамиева И. В. Номинативно-метафорическое поле концептов УМ и БЕЗУМИЕ в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // Всероссийские Миллеровские Чтения. 2016. № 5. С. 428-437.
9. Гæбæраты Н. Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдут: 4 томæй. Мæскуы: Наука, 2007. Т. 1. 510 ф.
10. Толстогузов, П.Н. Стихотворение Ф.И. Тютчева «Безумие»: попытка расширенного анализа // Русская речь. С. 3-15
11. Хадарцева А.А. Творческая история «Осетинской лиры.» Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1955. 107 с.
12. Insane definition and meaning | Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/insane> (Дата обращения: 08.10.2023).
13. Осетинско-русско-английский словарь. Часть 1./Под ред.

Т.А. Гуриева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 530 с.

14. Хетагуров К.Л. Осетинская лира: Думы сердца, песни, поэмы и басни. Владикавказ: Ир, 2019. 404 с.

15. Хетагуров К.Л. Осетинская лира: думы сердца, песни, эпические поэмы и басни/пер. с осет. яз. Ю.С. Бадтиева. Владикавказ. 2019. 287 с.

16. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1966. 196 с.

М. Р. Юзикеева,
студентка Чеченского государственного
педагогического университета
(г. Грозный)

КАВКАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Русская художественная литература начала описывать Кавказ еще в XVIII веке, но это были скорее обобщенные упоминания его природы и народов. Однако с начала XIX века интерес русского общества к Кавказу значительно возрос, и наряду с книгами краеведческого характера появились и художественные произведения о народах Северного Кавказа. Путешественники, писатели и ученые, которые посещали Кавказ, показывали не только сочувствие к горцам, но и пытались изучить их историю, культуру, нравы и быт. В целом, интерес к Кавказу в русской культуре сохраняется до сегодняшнего дня, и этот регион продолжает привлекать писателей, художников и ученых.

Ключевые слова: литература, творчество, Кавказ, ссылка, жизнь на Кавказе, путешествие, стихотворения.

Russian fine literature began to describe the Caucasus as early as the 18th century, but these were rather generalised references to its nature and peoples. However, since the beginning of the 19th century, Russian society's interest in the Caucasus has grown considerably, and along with books of a local history nature, fiction about the peoples of the North Caucasus has also appeared. Travellers, writers and scientists who visited the Caucasus showed not only sympathy for the highlanders, but also tried to study their history, culture, manners and everyday life. In general, interest in the Caucasus in Russian culture has persisted to the present day, and the region continues to attract writers, artists and scholars.

Keywords: literature, work, Caucasus, exile, life in the Caucasus, journey, poems.

Кавказ стал не только объектом описания для русской литературы, но и местом встречи и столкновения разных культур. Художественные произведения, посвященные Кавказу, демонстрируют, как русские писатели интерпретируют культуру и традиции народов этого региона, и как эта взаимная переплетенность культур отражается на русской культуре. Однако не все произведения были лишены предубеждений и объективности, и некото-

рые из них содержали клевету на местное население и создавали негативный образ Кавказа, на дикой и необузданной земле. В целом, литературное наследие, связанное с Кавказом, является важным компонентом культурного наследия России и отражает сложную историю взаимодействия народов и культур в этом регионе.

В творчестве русских писателей XVIII века Кавказ часто изображался как дикое и необузданное место, населенное людьми разных национальностей, в том числе непокорными кавказскими племенами. Описания Кавказа в литературе того времени часто были связаны с приключениями, сражениями и героическими поступками. Одним из первых русских писателей, затронувших тему Кавказа, был А. Д. Кантемир. В своих произведениях он описывал жизнь и культуру кавказцев, а также их отношения с русскими; природу Кавказа в стихотворениях – Екатерина II, которая правила Россией в конце XVIII века, активно поддерживала развитие науки, литературы и искусства, в том числе и интерес к Кавказу. Она поручила Н. И. Новикову написать первое русское путешествие на Кавказ. Результаты его экспедиции были опубликованы в «Санкт-Петербургской газете» и вызвали большой интерес в обществе.

Тема Кавказа занимала значительное место в творчестве русских писателей XVIII века, свидетельствуя о стремлении русского общества к расширению знаний о неизвестных территориях и народах. И, естественно, Кавказ привлекал множество писателей. Вопрос: «Кто самым первым из русских литераторов описал Кавказ?» является актуальным в литературоведении до сих пор.

Остановлюсь на одном из таких текстов, который датирован 1795 годом, опубликован в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Назывался он так: «Письмо с кавказской линии к другу моему Г. П. П. в Москве». Оно было подписано инициалами «А. С.», то есть автора не знали.

Начало стихотворения содержит обращение автора к некому другу, с которым они не раз упражнялись в стихотворстве, оценивая друг друга, а потом представляли свои труды на суд другим.

Автор извиняется перед своим другом, что уже три года не писал стихов и не посылал их ему.

Далее, отвечая на послание друга, автор приступает к описанию мест, где он пребывает. Это Кавказ. Он перечисляет племена, которые проживают на Кавказе: кабардинцы, татары, черкесы и чеченцы, и описывает их в общих чертах: высокие лбы, бритые головы, дикие лица и кровавые глаза. Он отмечает, что эти черты являются свидетельством сурового нрава и характера этих людей. Также жалуется, что он вынужден делать это по причине своей службы и чести.

В следующей строфе автор опровергает расхожее мнение о Кавказе, бытовавшее тогда, и пишет, что край этот не столь дик и пуст. Напротив, он называет его здоровым: здесь много людей, есть много хлеба и овощей, зверей и птиц. Здесь можно жить «всегда приятно и не скучно». Далее он упоминает дворянские утехы в России: театры, воксалы, маскарады, дружеские пирушки, благородные собрания и т.д. для того, чтобы противопоставить их утехам на Кавказе. У русских здесь тоже бывают маскарады, приятные собрания, веселые гулянья, фейерверки и праздники. То есть русские на Кавказе не лишены своих радостей.

В следующей строфе автор, зная, что его друг – поклонник природных красот, хочет ему их описать. И далее даёт панораму кавказских видов с таким зачином: «Вот что встречает здесь обвороченный взор». Каждому восхищённому взгляду видны хребты Кавказских гор, уходящие в густые облака, видны снега. Двуглавый Эльбрус, обласканный то восходящим, то заходящим солнцем, чёрные горы, ревущие водопады, громады каменных развалин, по которым ловко бродят стада овец. Слышна свирель черкеса-пастуха. Автор говорит и о целебных водах, минеральных источниках, которые исцеляют людей. Они их пьют и принимают ванны.

И наконец, среди описанных приятностей здесь на Кавказе есть сестра его – Катенька, по которой, вероятно, автор скучал.

Письмо подписано так:

«Георгиевск, 19 сентября.1795. А. С.

Это стихотворное послание предшествовало таким произведениям, как ода Г.Р. Державина «На возвращение из Персии графа Зубова» и послание В.А. Жуковского «К Войекову».

Итак, это не только упоминание, но и подробное описание жизни русских на Кавказе, а также первое упоминание о минеральных водах и горах Кавказа. Кто же автор? Есть предположение, что это Аркадий Столыпин, в 1795 году ему 14 лет. Он является родным братом бабушки Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Письмо подписано: Георгиевск. Как мог Столыпин очутиться в Георгиевске. Ответ прост: его сестра Екатерина, она же сестра бабушки Лермонтова, была замужем за генерал-майором Хастатовым, который увёз свою жёнушку на Северный Кавказ и проживал в Чечне в станице Шелковская. По-видимому, 14-летний Аркадий Столыпин провёл там лето у сестры, откуда написал и отправил своё послание. Предполагают, что адресат-друг – это Гавриил Герасимович Политковский, который был связан со Столыпинными узами дружбы и общими литературными интересами.

Последующие литераторы, кроме Ломоносова, Державина, Радищева, редко упоминают Кавказ. Однако Державин сотворил феномен, в котором искусно широкой кистью обрисовал возрожденную непокорную природу, благодаря чему поэты, художники, повествователи вдохновлялись полной душой. С появлением его оды «На возвращение из Персии графа В.А. Зубова» тема кавказской жизни прочно входит в русскую литературу. В оде Державина описывает образы исполинов, которые не имеют четкой окончательности и как бы растворяются в духовном измерении, что придает им еще большее величие. Например, Державин изображает старца Каспия в то время, когда он, рассерженный бурей,

«Встает в упор ее крылам:
То скачет в твердь, то, в ад стремяся,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах»

Имеется информация о том, что Гоголь переписывал последние пять строк данной строфы и заявлял: «Тут, казалось, хотел создаться зримо образ старца Каспия, но потерялся в каком-то духовном, незримом очертании: ухо слышит один гул гремящего моря, и вместе с седыми власами старца подымается волос на голове самого читателя, пораженного суровым величием картины».

Кавказ представлялся мистическим регионом, «где люди вольны, как орлы». Его еще именовали «Теплой Сибирью». В истории известны случаи, когда на Кавказ отправляли нежелательных власти вольнодумцев. Тем не менее, многие молодые люди стремились попасть на Кавказ, так как это было связано с «настоящим делом», и они рассматривали его как загадочный и чудесный край.

Первый раз детальное описание Кавказа в монументальной форме было дано в поэме «Кавказский пленник» А. Пушкина. Затем Белинский отмечал, что «с легкой руки Пушкина, Кавказ заделался для русских заветною страной не лишь широкой, свободной воли, но и неистоимой поэзии, местностью бурной жизни и неустрашимых мечтаний!». С появлением «Кавказского пленника» проблема Кавказа несомненно вступает в русскую литературу, получая авторитет писательской традиции.

Тема Кавказа в русской литературе не просто отражает жизнь этого региона, но является также символической формой выражения разных концептуальных идей. Она используется для изображения не только кавказской действительности, но и других аспектов, связанных с русской жизнью и ее судьбой. Таким образом, тема Кавказа становится частью сложной вербальной символики, которая помогает выразить различные концепты и понятия.

Природа Кавказа, здешнее население сильно воздействовали на становление личности российских писателей и поэтов. Их образ жизни, убеждения организовывались с каждым разом, когда они навещали Кавказ. Но каждый из великих стихотворцев и писателей принимал сей край по-своему. Кавказ был не просто

окраиной Российской империи, куда высылали в ссылку, однако и край с исключительно божественной природой, людьми, готовыми всю жизнь сражаться за свою волю и независимость.

Существует широко распространенное мнение, что русская литература в 20-х годах XIX века открыла Кавказ с появлением поэмы «Кавказский пленник» А.С. Пушкина. Это было отмечено В.Г. Белинским, который считал, что благодаря этой поэме русское общество познакомилось с Кавказом, давно знакомыми России через военные события.

Однако это не совсем верно. Романтическая поэма, ставшая истоком «кавказского пленника» в русской литературе, имела «предшественников», хотя они не оказали значительного влияния на общественное сознание в начале XIX века. Один из самых интересных был роман В.Т. Нарезного «Черный год, или Горские князья». Действие этого романа происходит на Кавказе, в Осетии, и место событий передано очень точно. Среди литературных персонажей легко узнаваемы реальные люди, которые управляли Кавказом и Грузией. Однако по разным причинам роман не получил широкого признания у читателей.

Во-первых, он был опубликован после смерти автора, в 1829 г., и «опоздал» в историческом времени. Во-вторых, он принадлежал к другой словесно-художественной традиции, явственно доказывая, что успех пушкинской поэмы был связан не только с «новым для него Парнасом» (так А.С. Пушкин называл Кавказские горы), но и с новизной авторского взгляда, героев, проблематики, жанра и стиля.

Роман В.Т. Нарезного представляет собой интересное произведение, которое имеет значение как с точки зрения истории и этнографии Кавказа, так и с позиций истории литературы. Оно является своеобразным «переходным» произведением, которое сочетает в себе черты «восточных повестей» классицизма и эстетику романтизма, объединяя вымысел с документальным материалом. Точная дата написания романа неизвестна.

Одна из гипотез, высказываемых литературоведами, утверждает, что «Черный год, или Горские князья» был напи-

сан в начале XIX века после возвращения В.Т. Нарезного из Грузии в Петербург. Другие исследователи считают, что роман был создан одновременно с «Российским Жильблазом» в 1810-х годах, так как оба произведения имеют сходные стилистические черты. В этот период В.Т. Нарезный отрицал «волшебные», «рыцарские» и «восточные» произведения, легкую поэзию классицизма, что было характерно для его литературных взглядов. Он был увлечен идеями Просвещения и философией Жан-Жака Руссо, в его повестях резкая сатира сочетается с верой в добрую природу человека и общественные идеалы. Роман содержит множество скрытой полемики с предшествующими литературными традициями, включая сатирическую прозу XVIII века.

Сюжет романа разворачивается в фантастическом мире, где существуют свои боги и религиозные верования. Пророчество Маркуба о годе бедствий и несчастий для Кайтука становится центральным моментом и вызывает конфликт между главным героем и его судьбой.

Несмотря на то, что Кайтук не является религиозным человеком, он начинает испытывать давление со стороны окружающих, которые верят в пророчество и ожидают от него соответствующих действий. Однако Кайтук отказывается верить в предсказание и решает самостоятельно управлять своим «царством».

Вступив на престол, Кайтук проявляет жестокость и безжалостность, следуя примеру хана Болван-Дула. Он избивает и изгоняет посланника Далай-ламы, игнорируя требования дани. Кайтук также проявляет неуважение к религиозным обрядам, выламывая двери храма и сам выступая в роли жреца.

Орден нагайки, учрежденный Кайтуком, может быть связан с его жестокостью и стремлением к подчинению. Это может быть организация, которая преследует и подавляет оппозицию или непокорных людей.

В целом, сюжет романа представляет собой историю о главном герое, который отвергает предсказание и старается сам контролировать свою судьбу. Однако его действия и стремление

к власти приводят к нарастающим конфликтам и последствиям, которые он не мог предвидеть.

В книге, главным советником героя Кайтука является визирь Шамагул, которого он считает выдающимся политиком на Кавказе. Шамагул не принимает конфессиональные проблемы всерьез и проявляет гибкость в своих религиозных убеждениях. Во время путешествия из Осетии в Астрахань через Кизляр, он меняет свою религию на ислам и провозглашает себя муфтием, а затем возвращается к своей прежней вере. Очевидно, что автор В. Т. Нарезный в первую очередь стремится заинтересовать русского читателя увлекательным сюжетом, поэтому включает в роман фантастические элементы.

Далее герой романа сталкивается с различными приключениями: нападениями соседних князей, влюбляется в Сафиру, дочь одного из них, после множества сцен побегов, сражений, грабежей, предательств правителей, изменения веры и общего хаоса, Кайтуку удастся победить врагов, вернуть свое княжество, воссоединиться с возлюбленной и стать мудрым правителем. Он строит роскошный дворец и живет долго и счастливо.

Автор изображает героев и события в романе в сатирической и нравоучительной форме. Учреждение ордена нагайки и жестокое обращение князей с подданными напоминают события, происходящие в Грузии после ее присоединения России. Некоторые исследователи полагают, что роман имеет реальную основу.

Е. Вейденбаум отрицает документальную природу романа, утверждая, что за исключением нескольких географических названий, он не отражает Кавказ в своем изображении страны и ее населения.

Разные писатели из разных стран и времен восхваляли жестокую красоту Терского ущелья.

Однако Нарезный, возможно, был единственным русским писателем, который, увидев это ущелье, не испытал романтического восторга. Он оставался полностью безразличным как к ярким краскам прекрасного горного пейзажа, так и к звукам бушующего Терека.

Он был заинтересован не только в «красоте природы», но и в повседневной жизни и обычаях горских князей и их подданных, а также в политике царских чиновников, работавших на Кавказе. В.С. Шадури считает, что «Черный год» имеет определенное время и место действия, и многие эпизоды романа отражают события прямо, правдиво и реалистично.

Однако это является преувеличением. Называть роман Наполеона «реалистическим» ошибочно, поскольку время в нем вымышленное и условное. Поэтому нельзя согласиться с выводами ученого о реалистичности «Черного года, или Горских князей», также нельзя называть писателя «Колумбом Кавказа» только потому, что он первым писал о Кавказе.

Для писателя важным стал год, проведенный на Кавказе. Он был свидетелем произвола и злоупотреблений со стороны русской администрации, нравственной развращенности и коррупции духовенства, феодально-дворянской Грузии, казнокрадства чиновников, тяжелого положения обычных людей, и разорения страны. Впечатления, полученные им во время службы на Кавказе, нашли отражение в романе «Черный год, или Горские князья».

1. Ахмадов Ш.Б., Акаев В.Х. Освободительное движение горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785-1791 гг.//Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Грозный, 1992.

2. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002.

3. Белокуров А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

4. Бушуев К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955.

5. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001.

6. Гордеев А. А. История казаков. Со времени царствования Петра Великого – до начала Великой войны 1914 года. М., 1992.
7. Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси: Изд. Мецниереба, 1974.
8. Гапуров Ш. А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004
9. Гасанов М. Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004.
10. России первая любовь: Сборник/Сост. В. В. Кунин. М.: Книга, 1983.

К. Г. Гусова,
студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

АРФЫСТЫ ЭЛЕМЕНТТÆ НАРТЫ КАДДЖЫТЫ

В данной статье автор определил виды текста по функциональному значению и связал работу с описательным видом. Само описание делится на несколько типов, которые были охарактеризованы в статье. Работа над описательным текстом или описательными элементами текста проводилась на основе Нартовских сказаний. Целью работы был поиск описательного текста и определение его значения в эпосе. В основных циклах Нартовских сказаний были обнаружены элементы описания и определены их виды. Также, интересные нам фрагменты некоторых сказаний («Яблоня Нартов») удалось сравнить в нескольких изданиях.

Автор пришёл к выводу, что без элементов описания Нартовские сказания были бы неполноценны. Однозначно, характеристика тех или иных образов встречается в эпосе и в самых разных обликах. Даже небольшие фрагменты дают возможность собрать целый образ.

Ключевые слова: Нартовские сказания, описание, элементы описания, текст, характеристика.

In this article, the author defined the types of text by functional meaning and linked the work with a descriptive view. The description itself is divided into several types, which were described in the article. The work on the descriptive text or descriptive elements of the text was carried out on the basis of Nart legends. The aim of the work was to search for a descriptive text and determine its meaning in the epic. In the main cycles of the Nart legends, elements of description were discovered and their types were determined. Also, fragments of some legends interesting to us («The Apple Tree of the Narts») were compared in several editions.

The author came to the conclusion that without the elements of description, the Narts' legends would be incomplete. Definitely, the characteristics of certain images are found in the epic and in a number of variants. Even small fragments make it possible to assemble a whole image.

Keywords: Narts' legends, description, descriptive elements, text, characteristic.

Эпикон текстæн ис ахсджиаг нысан æппæт адæмымыггæгты 'хсæн дæр. Эпосы загъд цæуы цауты тыххæй, кæцытæ, адæм æнхъæл сты, цыдысты рагзаманты. Фыст вæййы поэтикон хуызы дæр, æмæ прозæйы дæр. Текст фыст у адæмы историкон традициты, сæ царды уагыл. Дих кæны сæйраг хъайтартимæ баст циклы. Цыфæнды эпос дæр цавæрдæр рæстæг æмæ бынаты цæуы. Цæмæй бамбарай этносы традицион культурæ, уый тыххæй хъуамæ сбæрæг кæнай бæлвырд дуджы уагæвæрд [1]. Фæлæ бынтон æууæндæн нæй эпосыл, ис йын ивддзинæдтæ азгайфыстимæ.

Цæгат Кавказы адæмы (Дагестан æмæ Сау денджызы кавказгдонгæрон йеддæмæ) эпосыл нымæд сты «Нарты кадджытæ» [1]. Фæлæ Ж. Дюмезили хъуыдымæ гæсгæ, йæ райрæзт баст у ирон адæмимæ, сæ рагфыдæлтимæ: «именно у осетин и, конечно, отчасти уже у их далеких предков сформировалось ядро нартовского эпоса и наметились его главные герои. Знаю, что, вынося это суждение, я огорчу своих черкесских и абхазских друзей, но истина дороже дружбы: в основе своей нартовский эпос – осетинский» [2].

Нарты кадджыты фылдæр хай фыст у прозайы таурæгъы хуызы. Мах равзæрдзыстæм кадджыты æрфыстон тексты функционалон хуыз.

Æрфыстон тексты хуыз ахсы ахадгæ бынат адæймаджы фæлгæнæн уæрæхдæр кæныны. Алы уацмысы дæр æрфыстæн ис хицæн бынат. Мах сбæрæг кæндзыстæм, Нарты кадджыты та цавæр бынат ахсы æрфыст, уый.

Ацы куысты мах нæ разы сæвæрдтам ахæм нысæнттæ:

1. Раиртасын, цы у æрфыстон текст.
 2. Сбæрæг кæнын, «Нарты кадджыты» æмбæлы æрфыст æви нæ. Кæд æмбæлы, уæд цавæр хуызы. дараг
 3. Базонын, цавæр ахъаз фæци æрфыст «Нарты кадджытæн».
- Текст у иумæйаг хъуыды æмæ грамматикон æгъдауæй кæрæдзиуыл æнгом баст хъуыдыйæдты æмбырдгонд.

Текстæ сæ функционалон нысаниуæгмæ гæсгæ вæййынц æртæ хуызы: таурæгъон, æрфыстон æмæ тæрхон. Алы тексты хуыз дæр цæмæйдæр хицæн кæны.

Æрфыстон текст у искæйы кæнæ истæйы фæлгонц æвдыст кæм цæуы, ахæм текст, «...текст типа «описание» представляет собой некоторый образец, модель монологического сообщения, в основе которого лежит перечисление синхронных признаков статичного объекта» [3, 21-25].

Æрфыст февдисы æрдзы фæзындты, æнæуд предметты, цæрæгойты æмæ адæмы миниуджытæ, се 'ууæлтæ.

Æрфысты хуызтæ вæййынц:

1. предметы, цæрæгойы æмæ адæймаджы æрфыст;
2. бынаты æрфыст;
3. уавæры æрфыст (адæймаджы кæнæ алфамблай цы ис, уый).

Традицион æгъдауæй, фыццаджыдæр, тексты ныхас цæуыл цæудзæн, уый ном загъд æрцæуы (арæх номхуындон кæнæ цыбыр дывæрсыг хъуыдыйæдтæй). Уый фæстæ предметты, фæзынды лæмбынæг æрфыст райдайы æмæ адæймаджы хъуыдыйы сæвзæры ныв.

Цæрæгойты æрфыстыл дзургæйæ, сажы фæлгонц, уæлдайдæр урс сажы, цалдæр хатт æмбæлы кадджыты. Кадæг «Сослан æмæ Гуымаг лæг» – ы саг æвдыст цæуы рæсугъдæй. Æндæр баххæстгæнæг миниуджытæ йæм нæй: «Саг уый бæрц рæсугъд уыди, æмæ йæ Сосланы цæст фехсын нæ уарзта. Йæхи-иу куы базмæлын кодта саг, уæд-иу йæ хъуын алы 'взагæй суасыди».

Кадæг «Хæмыц ус куыд куырдта» æмæ кадæг «Батрадз Нарты гуыппырсарты куыд фервæзын кодта» – ы æмбæлы урс саг: «Се 'хсæн – иу дынджыр урс саг»; «...тар хъæды кæрон иу урс саг фембæлди...». Гæнæн ис, æмæ уый у цæрæгойы уæздандзинадыл дзурæг.

Бынаты æрфысты ныхас арæхдæр цæуы пейзажы хуызы, цавæрдæр хъæуыл, хæдзарыл æмæ афтæ дарддæр. Ахæм текст кæсгæйæ, адæймаг йæхæдæг дæр цыма уыцы бынаты февæры, афтæ йæм фæкæсы. Æрфыстон тексты ацы хуызæн йæ сæйраг нысан уый мидæг ис, цæмæй тексткæсæгæн банкъарын кæна æмæ бавдиса æххæст ныв.

Æрдзы фæзындты кой куы кæнæм, уæд нæ бон нæу «Нарты фæткъуы» – йы рæзты рацæуын. Ацы бæласы фæлгонц, æвæццæ-

гæн, кадджытимæ зонгæ чи у, уыдоны хъуыдыйы алкæмæн дæр у. Æрфысты руаджы нæ фæлгæнæны æрмæст цаутæ кæрæдзийы куыд ивынц уый нæй, фæлæ ма ныв дæр. Нарты фæткъуыйы æрфысты алыхуызон рауагъдтыты гыццыл ивддзинæдтæ ис, фæлæ уыйбæрц нысаниуæгджын не сты.

«Нартæн сæ цæхæрадоны зади бирæ дыргъ бæлæстæ. Уыдонæй уæлдай диссаг уыд иу фæткъуы бæлас; йæ дидинджытæ-иу æрттивтой цъæх арвы хуызæн, зайгæ йыл кодта æрмæст иунæг фæткъуы. Фæткъуы нæ уыд хуымæтæджы фæткъуы, фæлæ уыди сызгъæрин, зынгау æрттивдтытæ калдта. Æмæ уыд æлутоны хос адæмæн: иу адзал не здæхта фæстæмæ, уый йеттæмæ цы хъæдгом нæ дзæбæх кодта, цы низæй нæ ирвæзын кодта, ахæм нæ уыд. Бон-изæрмæ-иу арæгъæд ис уыцы фæткъуы...» [4].

«Нартæн сæ цæхæрадоны задис иу фæткъуы бæлас; йæ дидинджы- тæ-иу æрттивтой æрвыгау, æмæ йыл задис иунæг фæткъуы. Фæткъуы- уыдис сызгъæрин фæткъуы, зынгау æрттивдтытæ калдта. Æмæ, уыдис æлутоны хос адæмæн, иу адзал не 'здæхта фæстæмæ, уыййедтæмæ цы хъæдгом нæ дзæбæх кодта, цы низæй нæ ирвæзын кодта, ахæм нæ уыдис» [5].

«Нарты адæмæн, зæгъгæ, сæ цард уыдис иу бæласæй. Уый уыдис ахæм бæлас, æмæ-иу æмбисæхсæвмæ дидинæг æфтыдта, уырдыгæй бонмæ та-иу дыргъ лæвæрдта. Тынг зынаргъ сын уыди уыцы бæлас Нарты адæмæн, æмæ йæ хъахъхъæдтой стыр хæзнайы хуызæн» [6].

«Нартæн сæ фæткъуы диссаг фæци. Æвдадзыхос уыдис, йæ адзал æмæ мæлæты къахыл чи лæууыд, уый-иу дзы куы фæхъæстæ, уæд-иу адзæбæх и. Фæлæ йыл зайгæ цъус кодта – æгасæй иу фæткъуы... Фæткъуы зади афтæ: бонæй сихормæ дидинæг æфтыдта, уымæй изæрмæ фæткъуы рæзти, æмбисæхсæв та йæ тонæн уыди. Изæрмæ-иу æртæ дидинæгæй иу ахаудта 'мæ ад уагъта, иннæ – талынджы ахауд æмæ хуыз лæвæрдта. Афтæмæй ма иу фæткъуы зади бæласыл.» [7].

Скъуыддзæгты уынаем бæласы æрфыст æмæ цы пайда хæссы, уый дæр загъд æрцыд. «Нарты фæткъуы» ис схонæн «Нарты кадджыты» сæйраг архайджытæй иу. Фыццаг дыууæ варианты за-

гъд цæуы бæласы дидинджытæ кæй æрттивтой арвау, фæткъуы-имæ та баст у эпитет «сызгъæрин», зынгау кæй арттивтытæ калдта, уый. Æртыккаг варианты дыргъы тыххæй ныхас нæ цæуы, фæлæ фæткъуы бæласы тыххæй. «Тынг зынаргъ» уыди нарти адæмæн. цыппæрæм варианты фыст у диссаджы фæткъуыйæ. Фæткъуы бæлас хуымæтæджы нæ уыди нартаен зынаргъ, хуымæтæджы йæ нæ хъахъхъæдтой. Æртæ скъуытдзаджы дæр фæткъуыйæн ис низтæй æмæ хъæдгомтæй дзæбæхкæнæн функци (медицинон) – «æлутоны хос», «æвдадзыхос». æнæмæнг, фыццаджыдæр, алы варианты дæр фæткъуыйæ бæлас æмæ фæткъуы æрфыстгонд цæуы адæм ын цы стыр аргъ кодтой, уымæ гæсгæ. Уымæ ма æвдыст цæуы йæ хицæндзинад.

Адæймаджы тыххæй куы цæуы ныхас, уæд тексты автор æрдуры хъæлæсы характеристикæйыл, къæхты уынæрыл, æддаг бакасты æууæлтыл, цæсгом æмæ гуырыкондыл. Адæймаджы æрфысты, кæнæ портретон æрфысты хатгай æвнæлд æрцæуы зæрдæйы уаг æмæ удыхъæды миниуджытæм дæр.

Нарты кадджыты нæлгоймаджы фæлгонцы æрфыст, зæгъæн ис, æмæ не 'мбæлы. Æрмæст йæ сæрмагонд æмæ мыггагон ном хъайтаран бирæ цæуылдæрты дзуры. Зæгъæм, Æхсæртæгкаты æмæ Алæгаты мыггæгтæ фехъусгæйæ, фæлгæнæны æвзæрынц алыхуызон сурæттæ.

Кумулятивон формæты хицæнгæнæн миниуæг у автоэтнонимтæ «Нарты» дзы бирæ кæй ис, уый: Нарты Уæрхæг, Нарты Уырымæг, Нарты Сырдон, Нарты Сослан, Нарты Хæмыцы фырт Батырадз. Уыцы бадзырд, гæнæн ис, æмæ æвæрд у, цæмæй адæймаджы удхæстæгдзинад хъахъхъæд æрцæуа мыггагон æмæ знæмон дихтæдзинады уавæрты; цæмæй цавæрдæр активон межэтникон æмæ межкультурон архайды адæймаг æнкъара, цы этносмæ хауы, уый; цæмæй ивгъуыд замантæ хъайтардзинадæй фæхайджын уой; цæмæй националон сæрыстырдзинад æмæ цыткæнынад хи историмæ хъомылгонд цæуа. Уымæй уæлдай, автоэтноним, позитивон аргъкæнынад рæзынкæнгæйæ, æфтауы баххæстаг нысаниуæг антропонимтæн [9].

Æмбырдон эпитет гуыппырсæртæ Нарты хъайтарыл уайта-

гъд æфтауы «хъайтарон характеристикæ» – физикон тыхтæ, аив æддаг бакаст, æхсардзинад æмæ уæздандзинад.

Номæй уæлдай ма, эпосы архайджыты характеристикæйы æмбæлынц иугъæдон эпитеттæ Нæрæмон Сослан, чысыл Ацæмæз дзырдабæстытæ (Нарты фыдбылыз Сырдон), æддаг бакасты цавæрдæр æвдисæнтæ (Быценты чысыл ас, Хæмыцы дæндаг).

Хæмыцимæ баст ис дыууæ эпитеты – Сырхзачъе æмæ Болатрихи. Сырхзачъе комкоммæ æддаг бакасты характеристикæ у, фæлæ болатрихи ахæссæн ис стилистикон эпитетмæ. Гæнæн ис, æмæ уый йæ удыхъæды характерыл дзурæг у.

Вæййы афтæ, æмæ эпитет фæзыны æрмæст иу хатт: «тарстис йæхицæн фæтæнуæхск Сослан» кадæг «Сослан æмæ Тары фырттæ».

Сослан зылынкъах кæй уыд, уый рабæрæг ис ацы кадæджы. Иухатт уый тыххæй, чысыл ма бахъæуа, æмæ йæ сæр фесæфта, фæлæ Тары фырт фæгуырысхо æмæ æрæджиау фæфæсмон кодта.

Араст ис Сослан бæрзонд хохы сæрмæ. Мукара йæм фæсте кæсы æмæ йын йæ зылын къæхтæ бафиппайдта. Байдыдта йыл гуырысхо кæнын, кæд, мийаг, Сослан йæхæдæг у – зылынкъах æй хонынц, «дзуры йæм Тары фырт Мукара. – «Уæлæ хохы сæрмæ куы фæцæйцыдтæ, уæд дыл дæ тæссарвадæй фæгуырысхо дæн æмæ дæм-иу фат фæдардтон».

Фыццаг эпитет фæзыны, Сослан фæтæнуæхск æмæ тыхджын кæй у, уый зæрдыл бадарынмæ. Йæ тас та тæппуддзинадыл дзурæг нæу, фæлæ æдзонд æфсæддоны уагахастыл йæхицæй тыхджындæры раз. Йæ физикон миниуджытæ тынг ахсджиаг сты сюжетаен æмæ лæппуйы характеристикæйæн. Фæтæнуæхскæй нæм хуымæтæджы нæ разынд ам. Уæззау уавæры дæр нæ «бампылди» фыр тæсæй, ныфс йæм ис. Иннæ кадджыты ууыл уыйбæрц ныхас нæ цæуы. Нарты адæмæй дарддæр йæ зыдтой куыд тасуадзæг æфсæддоны, æмæ йын зыдтой йæ иртасæн миниуджытæ – тæссарвад кæй у, уый.

Эпикон тексты хъайтарты тип традицион æгъдауæй у æхсарджын æмæ хъæбатыр. Уымæй фылдæр нæлгоймаджы сурæтыл

ныхас нæ цæуы. Уæлвæтктæм аххæссæн ис, махмæ гæсгæ, æмхуызон фазæтты уæрæхдæр æрфыст (Æхсар æмæ Æхсæртæг), кæнæ иудадзыгдæр хистæры номыл чи загъд кодта, уыцы алыхуызон фазæттæ (Уырызмæг æмæ Хæмыц).

Дзерассæ Ахсары йæхи лæг фенхæлдта, уымæн æмæ Ахсар æмæ Ахсæртæг æмхуызæттæ уыдысты, асæй дæр æмæ уындæй дæр: бурхил, дæргъæлвæс, фæтæнриу æмæ цæхæрцæст гуырдтæ, æмæ сæ ничи зыдта, чи сæ кæцы у, уый, Хуыцау æмæ зæххы йеттæмæ.» [5, 31].

Нарты знæгты æрфысты пайдагонд цæуы:

сæ асы гиперболизацийæ – «...йæ бæх хохы йас, йæхæдæг та цъынайы йас»; «...барæгæн йæ бæх æмæ йæхи комы тæфæй мигъ бадти; йæ фæстæ ауæдзы хаххы хуызæн задис йæ карды фæд; йæ сæрты та тахтысты сыджыты къуыбæрттæ йæ бæхы сæфтджытæй»;

сæ мулчы гиперболизацийæ – «Хъæздиг уыдысты Тары фырттæ Мукара'мæ Бибыц: сæ зæххæн кæрон нæ уыди, сæ фос нымæц нæ зыдта, сæ къухы уыд бирæ адæм; дардыл хъуыстгонд уыд сæ кой».

Ахадгæ бынат ахсы ацы фрагмент кадæг «Сослан æмæ Тары фырттæ» – йы: «Цонгуæзæй ныххафта Сослан Мукарайы бæрзæй йæ цирхъæй, фæлæ нард сырх бæрзæйæ иунæг æрду дæр нæ алыг кодта – фæстæмæ фесхъиудта цирхъ, йæ комæй къæртт фæхауди». Тары фыртмæ цæф нæ хъары, йæ бæрзæй цирхъæй фидардæр Уынаем Сосланы æнæфæрæхойгæ знаджы æмæ уымæй хъайтары уæлахиз нысаниуæгджындæр уыдзæн кæд йыл хинæй рацыд, уæддæр.

Арæх уæйгуытæ æвдыст цæуынц фыдуынд хуызы сæ физикон хъæндзинæдты æмæ аномалондзинады фæрцы: сохъыр, иудзонгон, куырм, æртæсæрон, авдсæрон [9]. Ахæм хуызы ныффидар сты уæйгуыты фæлгонцтæ фæлгæнæны.

Сылгоймæгты æрфыст кадджыты æмбæлы эпикон формулæтæм гæсгæ. Портретон характеристикæ лæвæрд нæ цæуы, фæлæ иумæйагон.

Сылгоймаджы амад номы иугæндзон хайыл нымайæн ис эпи-

тет расугъд/расогъд (уырыссаджы – «краса, красивая») поспозицийы хуызы: Акула-рæсугъд, Ацæра-рæсугъд, Хъызмыдæ-рæсугъд. Уыцы аргъгæнæн иуæг дзурæг у канд йе 'ддагрæсугъддзинадыл нæ, фæлæ ма йæ миддуне, йæ удыхъæды рæсугъддзинадыл дæр.

Уымæ ма æмбæлы эпитет рухс «свет, светозарная» номы мидæг: Ацырухс, кæнæ æндæр вариант Уыцырухс «божественный свет».

Элементтæ Бур-, Сау- амондзысты æддаг бакасты хицæндзинæдтæм, чызы дзыккуты хуызмæ: Бурдзалыг, Саумæрон Бурдзæбæх; уыдзысты миниуæджы интенсификатор – Айнаги Саурæсугъд [9].

Арæх сылгоймаджы фæлгонцы пайдагонд цæуы гиперболаейæ æмæ æрвон рухсдæтджытимæ абарстæй. Зæгъæм, Адылы рæсугъд чызг, Дзерассæ, Сатана æмæ Агуындæйы сурæттимæ баст у ацы гиперболае – «хуртæ æмæ дзы мæйтæ кæсынц».

Уый у, цы сылгоймаджы кой цæуы, уый рæсугъддзинадыл дзурæг. «Внешность женщин в эпосе рисуется в цветах солнечных лучей и сияния луны, золотые косы ниспадают ниже пояса. Ставшая женой Алымбега из рода Алыта смуглолицая дочь Адыла была необыкновенно красива: «Один взгляд ее – солнце солнц, улыбка исцеляет от всех болезней, ее длинные косы чернее воронова крыла, ее черные брови подобны дугам полумесяца»...» [8].

«Чызг сынтæджы хуыссы, йæ сыгъзæрин дзыккутæ зæхмæ зæузау кæнынц, йæ цæсгомæй худынц хуртæ, йæ дæллагхъуы-рæй кæсынц мæйтæ...» [5,28].

«Нарты Сатана чындздзон чызг ысси, æмæ дзы хуртæ 'мæ мæйтæ кастысты. Сатана йæхи сарæзта зæгъгæ, уæд æм-иу адæм кæсынтыл уыдысты.

Уыйбæрц рæсугъд уыди, æмæ-иу дондзауæн йæ къæрта йæ къухæй æрхауди, уаргъдзауæн та-иу йæ уаргъ ахауди. Никæй уыд Сатанаимæ абарæн Нартæ, Æхсæртæггаты сых, буц уыдысты Сатанайæ. Сæ хурыскаст, сæ бонбаизæр дæр Сатана уыди» [10].

Ам дæр æнæмæнг гиперболае æмбæлы. Йæ рæсугъддзинад æнæуынон никæмæн зайы, цыма зынгæ бынат ахсы йæ фæлгонц

адæмы царды: Сæ хурыскаст, сæ бонбаизæр дæр Сатана уыди. Иннæ сылгоймæгтæй уæлдай, кæцытæй сæ нæмттæ бирæтæн бæрæг дæр не сты, Сатанайæн ахсджиаг бынат ис канд йæ рæсугъддзинады тыххæй нæ, фæлæ ма йæ курыхон зонд, рæстхаххон ныхасы хъæд æмæ рæдаудзинады тыххæй.

Уынæм Сатанайы фæлгонц æмæ йæм Нарты ахаст. Сатанайы сурæт Нарты кадджыты сылгоймæгты 'хсæн у æппæты ирддæр æмæ сæйрагдæр.

«Сатана ахæм рæсугъд æмæ зонынджын рауади, æмæ талынг æхсæв бонкодта йæ уындæй, йæ ныхас уыд кардæй кæрдагдæр, топпы фатæй растдæр» [5, 38].

«Агуындæ-рæсугъдæн йæ цыллæ хъуымбыл дзыкку хæццæ кодта раст йæ фадхъултæм. Нарæгастæу æмæ гуырвидауц. Йæ сау цæстыты каст уыдис фæскъæвда хур бон; йæ ми кæнынмæ бавнæлд – цæрдæг, раст бирæгъы фæлæбурдау; денджызы хъазау, уæдæ цы загъдæуа, – йæ рацыд. Райсом раджы-иу тасгæ-уасгæ куы рацæйцыдис дон хæссынмæ, уæд-иу, цыма, мæй йæ гонæй касти, сæнтхур та – йæ цæсгомæй» [5, 259].

Ам бирæ абарстытæ æмбæлы, æмæ та ногæй уынæм хур æмæ мæйы тыххæй загъд кæй æрцыд, уый. Агундæ- рæсугъдæн лæмбынæгдæр уынæм йе 'ддаг бакасты æмæ йæ миниуджыты æрфыст. Йæ сау цæстыты каст барст æрцыди фæскъæвда хур бонимæ. Уый, махмæ гæсгæ, канд рæсугъд цæстæнгасыл дзурæг нæу, фæлæ уды сыгъдæгдзинад æмæ хæлардзинадыл дæр. Дзæгъалы нæ фæзæгъынц, цæстытæ – уды айдæн.

Уынæм бынаты чысыл æрфыст дæр: «Æхсæртæг денджызы бын Донбеттырты хæдзармæ бафтыд. Хæдзар та ахæм хæдзар уыд, æмæ йæ къултæ – æргъæу, йæ бын – цъæх авг, йæ сæр – сæууон стъалы [5, 28]. Нарты хъайтар никуы федта ахæм галуантæ, тынг диссаг йæм фæкаст Донбеттыры хæдзар.

Æрфысты æртыккаг хуызы гыццыл бынат нæ ахсы æнкъарæнты равдыст. Фыст æрцæуы æрдзы фæзындты уавæрты æмæ адæймаджы уаджы тыххæй. Ахсджиаг у æууæлтæ банкъарын

Эпосы æмбæлы сылгоймаджы кæуинаг уавæры æрфыст, йе стыр зиан: «Йæ дзыккутæ тоны, йæ рустæ рæдувы, хъарæг

кæны, æмæ йæ хъарæгæй арауынц хæхтæ; сырдатæ дæр ныхъусты арф хъыгæй; згъалы хъарм цæстысыгтæ Дзерассæ дыууæ 'фсымæрыл» [5, 32].

Хатгай, зын ссарæн вæййы æрфыст. Кадæг «Ацæмæз æмæ Агуындæ-рæсугъд» – ы арæх æмбæлы таурæгъы æмбæхст æрфыст: «Ацæмæзы зардмæ сæрджын сагтæ уæд галхæлæсæй уасын байдайынц, сæ сыкъатæ бæрзонд сисынц æмæ лыстæг расирынц. Сау хъæды сычъитæ чъыллипп кафт кæныныл схæцыдысты. Сау хохы сау нæлсæгътæ æрызгъордтой сау айнагæй æмæ диссаджы хъæзтытæ æмæ кæфтытæ систой, уырынгсыкъа галдзæбидыртимæ рог симд кæнын байдыдтой» [10].

«Уалдзыгон хур йæ рæсугъд цæстæй æгас дунемæ хъæлдзæгæй уæд куы ракæсы; сыгъдæг уæлдæфмæ алы адæймаг дæр йæ уæнгтæ уæд айвазы. Æмæ йæ фæтæн риуы дзаг уæд куы сулæфы» [10].

Абайты Васо фыста: «Вчитываясь в описание действия, которое производит игра Ацамаза на окружающую природу, мы видим, что речь идет не просто о чудесной, магической, волшебной песне, а о песне, имеющей природу солнца. В самом деле, от этой песни начинают таять вековые глетчеры; реки выходят из берегов; обнаженные склоны покрываются зеленым ковром; на лугах появляются цветочки, среди них порхают бабочки и пчелы; медведи пробуждаются от зимней спячки и выходят из своих берлог и т.д. Короче – перед нами мастерски нарисованная картина весны. Весну приносит песня героя. Песня героя имеет силу и действие солнца» [11].

Æмæ æцæгæй дæр, Ацæмæзы цагъд цыма ног цард хъал кæны, уалдзæг хæссы æмæ цавæрдæр циндзинад тауы адæмы зæрдæты. Æрфыстæн уый йæ сæйрагдæр функцитæй иу у: æххæстæй банкъарын кæнын æмæ равдисын. Чысыл Ацæмæз зарæгæн ис стыр тых, стыр æндæвдар æрдзы раз. Ахъуыды кæнæн ис аивады æмæ æрдзы бастдзинады æнусондзинадыл.

Нарты кадджыты ирдæй æвдыст цæуы мæрдты бæстæ, æмæ æвдыст цæуы хæрз контрастæнæй. «Нартовское описание отличается большой конкретностью и живостью в изображении

судьбы людей, совершивших при жизни те или иные, добрые или дурные деяния. При этом, как всегда бывает, сцены мук и лишений получились более разнообразными и яркими, чем сцены блаженства. Если в греческих мифах мы находим описание мук всего двух-трех грешников (Тантала, Сизифа, Данаид), то здесь перед нами проходит целая вереница картин, рисующих воздаяние за добрые и, в особенности, за дурные дела. Проникающая эти описания морализующая тенденция трогает своей наивностью. Мы видим здесь, какие добродетели считались особенно похвальными, а какие пороки осуждались. Щедрость, гостеприимство, справедливость, супружеская и родительская любовь – обеспечивают блаженство на том свете. Зато тяжкая участь ожидает скупых, сварливых, воров, прелюбодеев...» [11].

«Быдыры уыди стыр дон; доны был сæдæ чызджы симыныл ныххæцыдысты æмæ симынц, сæ раз та уыди алы æвидигæ хæринаджы мыккагæй йе дзаг» – дзæнæты куринаг æмæ куырдуаты баззайгæ чызыты æрфыст.

«Араст та ис дарддæр. Кæсы, æмæ иу ран иу зæронд лæг æккойæ хæссы хуыр æмæ змис хæлд, æнæбын тæсчъы бæрзонд хохмæ...» – зындоны нывтæ. Царды адæмы тухæнæй чи мардта, уый йæ хæс йæ мæлæты фæстæ фиды.

«Иу ран ус æмæ лæг хуыссынц; дынджыр галдзарм сæ быны тыд, иннæ ахæм галдзарм – сæ уæлæ; фæйнардæм сæ ратон-батон кæнынц, – нæ сыл æххæссынц» – зындоны нывтæ. Цæрæнбонты æнæ уарзтæй æмæ кæрæдзи ратон-батонгæнгæйæ чи фæцард, уыдоны хъысмæт.

«Кæсы та, æмæ лæг æмæ ус хуыссынц; тæрхъусдзарм сæ быны, иннæ тæрхъусдзарм сæ уæлæ, æмæ сын алырдæм дæр уыдысты парахат» [5, 120] – ацы ус æмæ лæг та кæрæдзийы уарзгæйæ æмæ æмбаргæйæ арвыстой сæ цард.

Ацы кадæджы мах уынæм тынг бирæ ирд нывтæ. Уыдон сты дзæнæт æмæ зындон æвдисæг нывтæ. Ома царды мидæг рæстаг адæймаг чи уыд, уымæн мæрдты дзæнæтмæ фæндаг, цæрæнбонты та зылын чи уыд, уый йæ хæс фиддзæн æмæ хъызæмар кæндзæн зындоны.

Хатдзæгтæ кæнгæйæ, махæн нæ бон у зæгъын, æмæ «Нарты кадджыты» æрфысты элементтæ бирæ не сты, фæлæ, куы фæзынынц, уæд бацахсынц ахсджиаг бынат, æмæ хуамæ тавиццаг уой. Кæд æмæ «Нарты кадджытæ» таурæгъон тексты хуызы загъд сты, уæддæр æнæ æрфысты хæйттæй хъуыддаг нæ цæуы. Кæд æмæ къаннаг æмæ цыбыр сты, уæддæр, зæгъæм, не сты, уæд, махмæ гæсгæ, Нарты эпосы фæлгонц нæ хъуыдыйы бирæ лæмæгъдæр æмæ æнæххæстдæр уайд. Алы æрфыстон иуæг дæр йæ мидæг æмбæхсы цымыдисаг сусæгдзинæдтæ. Уымæ арфдæрæй æнкъарын кæны хицæн нывтæ æмæ эпосы фæлгонц æнæхъæнæй. Элементтæй алкæмæн дæр ис йæхи ахъазаг нысаниуæг.

Нарты кадджыты ныхас цæуы рагфыдæлты заман æмæ уацты тыххæй. Иуæй, хъуамæ йæ æхсæнады алы уæнг дæр æмбара, зона, алы хъайтары цымыдисагдзинад дæр. Уымæ гæсгæ, нæртон ном йæхæдæг дæр куыд æмбæхст æрфыстыл банымайæн ис, номы импликацигонд цæуы хъатарæн йæ фæлгонц æнæхъæнæй. Номыл ма фыды ном, кæнæ Нарт, нæртон куы бафтауынц, уый дæр ууыл дзурæг вæййы. Эпикон формулæ, абарст, эпитеты руаджы æрфыст свæййы фæлгонцджындæр.

1. Бекулова К.Б. Пространство и время в нартовском эпосе (на примере карачаево-балкарского героического эпоса) // Северо-Кавказский государственный институт искусств, Нальчик. 2018.

2. Дюмезиль.Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976.

3. Варфоломеева Ю.Н. Типы описательных текстов (визуальное описание, описание-характеристика, контаминированное описание) // Вестник Бурятского Государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. Вып. 1.

4. Нарты фæткъуы. Нарты кадджытæ сывæллæттæн; бакуыста съл Брытъиаты Созырыхъо. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР Дзауджикау 1951.

5. Нарты кадджытæ. Дыккаг рауагъд. Ир. Орджоникидзе.1975.

6. Нарты кадджытæ. Фыццаг чиныг. СОИГСИ, 2003.
7. Нарты кадджытæ. Фыццаг чиныг. «Ир». 1989.
8. Чибиров Л.А. Женщины в Нартовском эпосе // Северная Осетия. 11.08.2023.
9. Энциклопедия Осетинской Нартиады: в 3-х томах: Т.1. А-З/ред. Л. Чибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022.
10. http://biblio.darial-online.ru/text/narts/index_os.shtml
11. http://biblio.darial-online.ru/text/Abaev_V_I/index_rus.shtml

А.А. Дзебоева,
магистрант СОГУ им. К.Л. Хетагурова

А.К. Годизова,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНИМОВ В ЛЕКСИКЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Данная научная статья посвящена исследованию осетинских топонимии, имён географических объектов (рек, лесов и т.д.) на территории Алагирского ущелья. Целью исследования было выявить основные особенности и характеристики осетинских топонимов, а также их связь с историческими, лингвистическими и культурными аспектами этноса.

Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся топонимикой, кавказоведением, лингвистикой и культурными исследованиями. Полученные результаты расширяют наше понимание особенностей осетинской топонимии и взаимосвязи с историческими и культурными факторами.

Ключевые слова: топонимы, этимология, лингвистика, географические названия, топонимика, ономастика, комонимы.

This scientific article is devoted to the study of the toponymy of Ossetia, namely, the names of geographical objects (rivers, forests, etc.) in the territory of the Alagir Gorge. The purpose of the study was to identify the main features and characteristics of Ossetian toponyms, as well as their connection with the historical, linguistic and cultural aspects of the ethnic group.

The article is of interest to researchers involved in toponymy, Caucasian studies, linguistic and cultural studies. The results obtained expand our understanding of the features of Ossetian toponymy and the relationship with historical and cultural factors.

Key words: toponyms, etymology, linguistics, geographical names, toponymy, onomastics, comonym.

Нæ уацы нысан у системон анализ скæнын Цæгат Ирыстоны Уæлладжыры комы топонимтæн. Нæ нысан сæххæст кæнынмæ нæ размæ сæвæрдтам хæс: хъæуты, цæугæдæтты, кæмтты, хæх-ты, хъæдты нæмттæн сæ хицæндзинæдтæ сбæлвырд кæнын.

Æвзагзонынады хайттæй иу у ономастикæ. Сæрмагонд нæмттæ иумæ хуыйнынц *ономастикæ*. Афтæ ма хонынц, цы æвзагзонынады хай сæ ахуыр кæны, уый дæр. Ономастикæйы хæйттæ сты цалдæр: антропоними – ахуыр кæны адæймæгты нæмттæ, зооними – фосы нæмттæ, топонимии – географион нæмттæ, гидроними – дæтты, денджызты, суадæтты нæмттæ, космоними – стъалыты, планетæты нæмттæ, теоними – хуыцæутты, зæдты нæмттæ [1, 55].

О.С. Ахманова йæ «Словарь лингвистических терминов»-ы дæтты ахæм æмбарынад: «Ономастика (ономатология)...1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных). 2. Совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения. 3. Раздел языкознания, изучающий собственные имена» [2, 288].

Ономастикæ куыд наука рæзын райдыдта 1930 азæй. Йæ къабæзтæй иу у топоними. *Топонимикæ* та ахуыр кæны географион нæмттæн сæ равзæрд, сæ пайдакæнынад. «Топонимы, как известно, интегрируют географию, историю, этнографию и лингвистику, потому что их возникновение и формирование связано с внешними и внутренними миграциями, с этноязыковым составом конкретного населения и определенным ландшафтом. То обстоятельство, что топонимы отражают элементы географического ландшафта, которые существенны в сферах социальных и хозяйственной деятельности, что в них запечатлеваются также все языки и заимствования, сохраняются следы народов, осевших на этих ландшафтах или мигрировавших на другие территории через эти ландшафты, должно учитываться при лингвоисторическом анализе топонима» – зæгъы Цæгъайты А. [3, 16–17].

Ирон æвзаджы топонимты системæ у тынг цымыдисаг, уымæ гæсгæ йыл архайдтой: Цæгъайты А. («Топонимия Северной Осетии» Владикавказ, 2010), Гуриаты Т. («Топонимы монгольского происхождения в Северной Осетии»), Дзиццойты Ю. («О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии»), Бесолты Е. («Древние топонимы Северной Осетии (Ономастические реликты Алагирского района)» æмæ æнд [3; 4; 5; 6].

Топонимтæ æхуысс сты канд æвзагзонынады фæрстытæ сбæлвырд кæнынæн нæ, фæлæ ма ирон адæмы истори хуыздæр базонынæн дæр. Цæугæдæтты нæмттæ – *Дон, Днепр, Днестр* равзæрдысты скифаг æвзагæй. Уый бындурыл иртасджытæ æрцыдысты ахæм хатдзæгмæ: ирæтты рагфыдæлтæ кæддæр цардысты ацы былгæрæтты, фæлæ кæд уыцы зæххыты скифтæ рагæй нал цæрынц, уæддæр уыцы гидронимтæ сæ фыццагон формæ нæ аивдтой. «Две с половиной тысячи лет тому назад бескрайние степи от Дуная до Дона населяли многочисленные и воинственные племена скифов» [7, 19]. Историкон æрмæг дæр ууыл дзуры. Фæлæ хатгай топонимтæ свæййынц историйы иунæг æвдисæнтæ.

Топоним ма фæдзуры бынаты географион уавæрыл дæр. Уыцы уавæртæ куы аивынц, уæддæр ма сæ ном баззайы.

Дзырд *Заманхъул* туркаг æвзаджы нысан кæны «*æвзæр цад*» [8]. Хъæуы раз, æцæгдæр, ис цад, æмæ йæ дæттæ къæвда рæстæг ракæлынц хъæуыл.

Уæлладжыры комы топонимтæ дих кæнынц цалдæр къордыл, цавæр бынæтты нæмттæ сты, уымæ гæсгæ. Уæлладжыр хæхты бæстæ у, уымæ гæсгæ дзы хæхтæ æмæ кæмтты нæмттæ фылдæр ис.

Æфцæджытæ æмæ кæмтты нæмттæ, хæхтæ, хæхты цъуппытæ оронимты къордмæ хауынц.

Уæлладжыры комы бынæттон нæмтты дзæвгар хай аразынц кæмттæ æмæ æфцæджыты нæмттæ. Бирæтæ сæ арæзт сты дзырдбаст æмæ сæ раиртасæн ис нæхи æвзагæй.

Алардыйы æфцæг. Ацы æфцæгыл Алагыры районы кæддæры хъæу Джимийæ цыдысты Куырттаты комы хъæутæ Къора æмæ Хæрисджынмæ. Ацы ран ис кувæндон Аларды дæр. Ацы топоним арæзт у сæрмагонд номæй – теонимæй, æмæ дзырд *æфцæг*-æй.

Антропоним кæй структурæйы ис, ахæм оронимтæ:

Гатыкъойы æрх. Равзæрдис нæлгоймаджы ном Гатыкъ-о-йæ. Арф æрх Цъæйæн йæ ныгуылæнырдыгæй, йæ фæхстыл ис хизæнуæттæ.

Цалдæр топонимты фыццаг хай та у зоонимæй арæзт.

Арсæгъуаты ком. Ома æрсыты бынаты ком. Ис хизæнуат Цъ-æйы сæрмæ.

Байрагоны ком. (байрагоны – гуыр. хауæны формæ байраг æмæ суф. – он-æй) У йæм зын схизæн, ис пос. Зджыды сæрмæ.

Галау дуры ком (галау – хуызæнон хауæн иуон нымæц дзырд галæй). Фосхизæн ком, Зджыдæн йæ ныгуылæн фарсы æрдыгæй. Ам ис галы æнгæс дур.

Сæгърындз (сæгърындз – сæгъ(ты) æ рындз). Хъæдджын ком фосы хизæнтимæ Тамискъæй хурныгуылæны 'рдæм.

Булаты ком. (Булат – сæрмагонд ном). Хизæнуæттæ æмæ хъæд кæм ис, ахæм ком ис Бадыхъæуы скæсæны æрдыгæй. Уыцы ном хæссы комы цы цæугæдон ис, уый дæр.

Джимигом. У Уæлладжыры комы фæрссаг къабæзтæй иу. Ис Æрыдоны доны рахизфарс, Джимийы хъæу кæм уыдис, уым.

Куывддоны рагъ, (куывддоны – у «куывд»-ы иу, ным.гуыр.хау. æ суф. –дон.). Бæрзонд рагъ Бад æмæ Дæйыхъæуы æхсæн.

Саудуры ком (саудуры – гуыр.хауæны формæ дзырд «саудур»-æй æ «ком»). Садон æмæ Уæллаг Зджыды æхсæн ком.

Фæрвадæг (фæрвадæг – фæрв æ адаг). Адаг Æрхоны. Йæ фæстæ ис хъæуы ныхас.

Фырадаг (фырадаг – фыр æ адаг). Хъæдджын адаг фосы хизæнтимæ Цъамады хъæуы алыварс.

Цъæйы æфцæг (Цъæйы – гуыр. хауæн, иу.ным. д.хъæуы «Цъ-æй»-йæ. Фистæгæй цæугæ æфцæг Зджыды æмæ Цъæйы хъæуты æхсæн.

Хæхтæ, Хæхты цъуппытæ, лæгæттæ

Арсы рындз (арсы – гуыр. хауæны иу. Нымæц дзырд «арс»-æй æ «рындз»). Икътаты хъæуы кæлдздæгты раз къæдзæх.

Афайы цырыхъхъытæ (Афайы – гуыр. хауæн, иу. ныцæц сæрмагонд ном «Афай»-йæ æ цырыхъхъытæ – ном. Хау., бир. ным. «цырыхъхъ») Хох Цъæйы хъæуы.

Æртæ рагъы иугæнæн (нымæцон «æртæ» æ «рагъы» - гуыр. хуæны, иу. ным формæ дзырд «рагъ»-æй æ иугæнæн < намæцон «иу» æ мивдисæг кæнын). Бæрзонд хох хъæууат Æрхонынæй хуссарырдæм. Ам баиу вæййынц æртæ рагъы цъуппы: Лæджджын

доны тигъ, Каудуары къахыр æмæ Цæджындзы фидары рагъ.

Куыдзæппарæнтæ (куыдзæппарæнтæ – ном хау. бир. Нымæц номдар «куыдз» æ «æппарæн»). Хъæууат Ходы сæрмæ зынба-цæуæн къæдзæхтæ.

Мæцкъуыджыны цъупп (мæцкъуы «брусника» æ суф. – джын). Æрхонæй хурныгуылæнырдæм мæцкъуыйы къудзитæй æмбæрт цъупп.

Сагъи (Саги). Амайгæ хохы хай.

Хъæрæуы рагъ (Хъæрæуы – сæрмагонд ном «Хъæрæу» гуыр. хау, иу. ным. æ «рагъ». Ном Хъæрæу нысан кæны «куырм»). Сæрваттимæ рагъ Зынцъары хъæуы алыварс. Ацы рагъыл цæуы фæндаг Хъасгайы хъæуы хосгæрдæнтæм æмæ сæрвæттæм.

Четойты ком (Четойты – сæрмагонд ном «Чето», «Кето» гуыр. хау. иу. ным., у Четойты мыггаджы мыггогон ном). Хох Цъæйы хъæуы алыварс. Ацы хохы бынмæ райдайы Четойты сæрвæт.

Чъырамад (Чъырамад<чъыр æ амад). Зынцъары хъæуы аком-коммæ Æрыдоны доны галиу был рагъ. Йæ бахизæн ис чъыраей амад кулдуар кæцийыл фæндаг цæуы хъæдмæ.

Гидронимтæ сты вазыгджын æмæ ацы къордмæ хауынц **цæугæдæттæ, суадæттæ, цадтæ.**

Ададжы дон (ададжы – гуыр. хау, иу. ным. «адаг»-æй). Уыналы хъæуы кæцы кæлы, ахæм цæугæдон.

Бауты дон (бауты – гуыр. хау., иу. ным. балхъайраг бау «скъæт» æ ирон суффикс. –т-ы. Цъамады хъæуы алыварс цæугæдон.

Дагомы дон (Дагомы – гуыр. хау, иу. ным., хъæуы ном «Дагом»-æй). Дагомы хъæуы цæугæдон.

Дзиоты дон (Дзиоты – гуыр. хау, иу. ным., сæрмагонд ном «Дзио»-йæ). Уæллаг Мызуры раз цæугæдон. Йæ былыл цардысты Беккуызарты Дзиойы бинонтæ. Ацы доны был цы сæрвæттæ ис, уыдон дæр хонынц Дзиотæ.

Къодоты дон (Къодоты – гуыр. хау., иу. ным. а) мыггаг Къодотæй, б) сæрмагонд ном «Къодо»-йæ). Уæллаг Мызуры цæугæдон. Йæ былтыл цы сæрвæттæ ис, уыдон дæр хонынц Къодоты дон.

Стыр дуры суадон (сæуы – гуыр. хау., иу. ным. «суар»-æй). Ходы хъæуы алыварс сæрвæтты суадон. Йæ алыварс ис стыр дуртæ.

Сычъиты дон (сычъиты – гуыр. хау., иу. ным. «сычъи» - йæ). Суадон хъæды Тæмисчъы хъæуæй хурныгуылæнырдæм.

Тъæрæсты дон (Тъæрæсты – гуыр.хау.бир. ным. Сæрмагонд ном Тъæрæс). Суадон Цъæйы хъæумæ хæстæг.

Дримонимтæм хауынц хъæдты нæмттæ:

Абырæджы æрдызт (абырæджы – гуыр.хау., иу. ным. «абырæг»-æй æ æрдызт) Абырджытæ кæй ныццагътой, ахæм хъæд Цъæйы хъæумæ хæстæг.

Авдæнау (авдæнау – хуыз.хау., иу. ным. «авдæн»-æй. Ходы хъæуæй цæгат- хурныгуылæнырдæм хъæд.

Æвзагау (æвзагау – хуыз.хау., иу. ным. «æвзаг»-æй). Хъæды хай хизæнтæ æмæ сæрвæттимæ Зджыды хъæумæ æввахс.

Æрсбадæн (æрсбадæн<= арс æ бадæн). Садоны хъæумæ хæстæг хъæд.

Бибийы хъæд (Бибийы – гуыр.хау., иу. ным., сæрмагонд ном «Биби»-йæ). Ходы хъæумæ хæстæг хъæды хай.

Ацы топонимиты стырдар хай ахсынц комонимтæ (хъæутты нæмттæ, зæгъæм, *Черменыхъæу*, *Кировыхъæу* æ.а.д.) Комонимты системæйæн стыр ахадындынад ис ирон æвзагзонынады. Уый баст у ирон адæмы царды уагимæ. Ирыстоны хъæутæ сты бирæ фылдар горæттæй. Абайты Васойы хъуыдымæ гæсгæ «Крупных городов древние осетины не строили. По крайней мере язык не сохранил для «города» никакого старого наименования [9, 65].

Комонимтæ æмæ иннæ микропонимиты æхсæн ныхас хъуамæ цæуа хъæутæ, кувæндæтты тыххæй:

Авар фæз. Æмраст фæз Нузалы хъæуы хурæскæсæны фарс. Дзырд «авар» дыгурон диалекты нысан кæны «уат».

Алардыйы кувæндон

Булгахы Уастырджийы кувæндон (Булгахы – гуыр.хау., иу. ным. «Булгах» (йæ этимологи бæрæг нæу)). Уастырджийы номыл кувæндон Уæллаг Мызуры.

Бурон Кусæг адæмæн арæзт хъæу Æрыдоны доны рахиз был. Буронæй хурныгуылæнырдæм ис Цъæйы коммæ ахизæн. Хъæуы номы рацицæнгæнæн ис Уæлладжыры комы тононимтæн харак-

терон суффикс –он. Цы хай ма дзы баззад (бур), уый та ратæлмац кæнæн ис куыд бур, бургомау, бур згъæр.

Быз. Хъæу Арыдоны доны галиу был. Йæ номы этимологи бæрæг нæу, фæлæ адæмы æхсæн баззад ныхас, зæгъгæ хъæуы ном баст у кæсгон æлдар «Бызон»-имæ, кæцы рагзаманты цард ам.

Мæнтæджджын (мæнтæджджын = мæнтæг æсуф. –джын. Уи-даг æмæ фæсæфтуаны æхсæн æрцыд ассимиляци). Тъæмисчъы хъæу цы зæхуатыл ис, уый ном.

Ногхъæу (ногхъæу = ногæхъæу). Хъæу Арыдоны доны был Ход æмæ Суларты æхсæн.

Ирон æвзаджы бирæ дзырдтæ сты адæймæгты, хæхты, кæмтты, дæтты, горæтты, хъæуты æмæ æндæр ахæм сæрмагонд нæмтты. Уыдон хъæуынц иу мыггаг предметы сæ кæрæдзийæ иртасыны тыххæй. Сæрмагонд дзырдтæн ваййы иууон нымæцы кæнæ та бирæон нымæцы формæ, хуымæтæг дзырдтæн та стæмтæй фæстæмæ ваййы дыууæ нымæцы формæйы дæр. Бафиппайын хъæуы, адæймæгты нæмттæ кæй сæмбæлынц бирæон нымæцы дæр, фæлæ сын бирæ предметы нысаниуæг нæ ваййы. Абарæм: *Мысостатæ* (ома Мысосты бинонтæ) кæнæ *Мысоститæ* (Мысост æндæр кæимæдæр, бирæ Мысосттæ нæ, фæлæ).

Цыбыр афæлгæст скæнгæйæ Уæлладжыры комы топонимтыл сбæлвырд кодтам бирæтæ дзы рохгонд кæй æрцыдысты, бирæтæн та нал ис сбæрæг кæнæн сæ этимологи.

Топонимтæ сæ фылдæр арæст сты ирон æвзаджы æрмæгæй, æрбайсгæ дзырдтæ се `хсæн разындис æрмæстдæр цалдæр (*Баты дон, Быз, Уæлæци* æ. а. д.).

Сæ арæзмæ гæсгæ нæмтты фылдæр хай сты хуымæтæг (*Арв, Бад, Быз, Дæй, Дзыхъхъ, Хард, Ход, Хъигър, Цъупп, Цыргъ, Цъус, Цъæй*. æ. а. д.), æмæ вазыгджын (*Сæгърындз, Уыналгом, Фæсса-лыгæрдæн, Фырадаг, Бæрзæндæг, Куыдзæппарæнтæ, Чъырамад, Уæлкъубал* æ. а. д.).

Бирæ топонимтæ фæуд кæнынц «а»-йыл (*Гобыца, Гонца, Госса, Дзагъа, Дзымыкъа, Къацха, Лапса, Уанехъба, Уаскъада, Убеца, Хъаска, Хъорса, Цъоныгъса, Сагъацъа, Аерхоны Тъæра, Къохца* æ. а. д.).

Топонимты æхсæн арæх æмбæлдысты «и»-йыл фæугæ нæмттæ дæр (*Дæлæци, Суби, Джими, Тамаци, Дзури, Уæлæци, Сагъи, Хопи, Симпыри хох, Хъуырми, Чанчахи* æ. а. д.).

Кæцыдæр топонимты арæзты пайдагонд æрцыд формант «скъ»- йæ (*Æхсаскъ, Згъарискъ, Тæмискъ, Хъаскъа/Хъасгъа* æ. а. д.).

Тынг бирæ сты Уæлладжыры комы топонимтæн сæ равзæрд *Чанчахимæ* нысаниуæг сбæрæг кæмæн нал ис, ахæмтæ (*Адæлмон, Ануса, Арауджын, Астым, Атын обау, Агуымыхъу, æрдзигомы сæр, Быхнар, Габылегом, Гадæджын, Гобыца, Гонца, Госса, Джими, Дзури, Дзымыкъа, Джецъах, Зæлму, Кæфтæрæзтон, Минорыхътæ, Мыхца, Нудтæ, Пысыл, Рæцауы сæр, Сауджел, Стох, Суппæры фæз, ТанастЧанчахи, Уанехъба, Уæлфауизæн адаг, Учъиатæ, Фæсбæгац, Хазиат, Хæйрау, Хъуацхъец, Хъуццатæ, Цахасен, Цъыхлæгæт, Чанчахи, Чъиуа дзуар* æ æнд.).

Нæ куысты анализæй скæнæн ис ахæм хатдзæгтæ:

1. Топонимтæ баст сты рельефмæ, æмæ оронимты бæрц дзæвгар у;

2. Топонимтæ хæссынц информаци адæймаджы цæрæнбынаты тыххæй, уымæ гæсгæ, ис дзы бирæ комонимтæ – хъæууон цæрæгад;

3. Сæ этимологимæ гæсгæ, ис ахæм къорд, ирон æвзагæй кæцытæ ис рахатын; стæй æндæр æвзаджы нысæнттæ кæмæн ис; æмæ сæ равзæрд кæмæн нæй сбæрæг кæнын, уыдон.

4. Ратæлмац кæнын кæй ис, уыдон ма хицæн кæнынц ахæм къордтыл: амæд: сæрмагонд нæмттæ кæмæн ис (антропоним, теоним, зооним), стæй топонимы нысан кæмæн ис, уыцы иумæйаг дзырдтæ: æфцæг, хох æмæ а.д.

5. Цымыдисаг у зоонимты чысыл къорд дæр – арс, байраг, сæгъ.

6. Цас хуымæтæг дæр сты, уыййас сæ зындæр у тæлмац кæнын.

Ирон ономастикон лексикæ у размæцыд системæ, æвзаджы йын ис стыр ахадзындзинад. Топонимтæ æххуыс сты канд æвзагзонынады фæрстытæ сбæлвырд кæнына æн, фæлæ ма ирон адæмы истори хуыздæр базонына æн дæр.

1. Джусойты К.Г., Дзодзыккаты З.Б., Цопанаты Р.Г. Нырыккон ирон æвзаг: Ахуыргæнæн чиныг. Дзæуджыхъæу, 2010.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. В 2-х частях. Орджоникидзе, 1971. Ч. I.
4. Гуриев Т.А. Топонимы монгольского происхождения в Северной Осетии // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
5. Дзиццойты Ю. А. О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии // Известия СОИГСИ. Вып. 29 (68). Владикавказ, 2018. С. 117–128.
6. Бесолова Е.Б. Древние топонимы Северной Осетии (Ономастические реликты Алагирского района) // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 121-129.
7. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 19-28.
8. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.
9. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. Т. I.

З. И. Майрамукова,
библиотекарь,
НБ СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СЕМАНТИКО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА «ХÆДЗАР»

*В статье рассматривается семантика слова **хæдзар** как предмета быта – носителя определенных значений. Исследуется его возможный функциональный аппарат и диапазон использования: культурный, домостроительный, традиционный, обиходный, исторический, художественный и т.д.; дается краткое описание и функциональность внутренней жизни жилища; идет поиск соответствия названия предмета с его функцией.*

Ключевые слова: осетинский язык, повседневность, жилище, функция слова, семантика, символика.

*The article deals with the semantics of the word **khædzar** [house] as a household object that carries certain values. Its possible functional apparatus and range of use are investigated: cultural, house-building, traditional, household, historical, artistic, etc.; a brief description and functionality of the inner life of the dwelling is given; the search for correspondence of the name of the object with its function is made.*

Keywords: Ossetian language, everyday life, dwelling, word function, semantics, symbolism.

В повседневной культуре народов материальная функция вещи представлена достаточно многопланово. Предметом статьи является непосредственно жилище, которое предположительно представляет собой целостное проявление вещной природы повседневности.

Итак, если разбирать вещный мир в функциональном аспекте, то определение будет следующим:

1. Функция вещи – это назначение вещи. Работа, которую выполняют или предназначены выполнять эти предметы. Функция определяет характер и вид предмета [1]. Вещь в повседневности очень важна и являет собой повседневность.

2. Вещь (предмет, объект, атрибут и т.д.), на наш взгляд, должна быть рассмотрена и проанализирована в комплексе, ибо способ-

на иметь скрытые (до определённого момента) функции, потому что «...вещь создаётся в ответ на человеческие потребности. Одним из самых распространённых подходов к изучению вещей как феноменов культуры является функциональный, который позволяет охарактеризовать социально-культурные смыслы вещи через многообразие выполняемых ею функций» [2, 47]. К примеру, утилитарная функция может «включать» инструментальную функцию, т.е., по определению, «служит приспособлением человека к физическому окружению и позволяет производить любую необходимую работу (род занятий)» [3].

Отмечено, что вещь начинает играть задаваемые ей роли, в том числе обучать и вообще воздействовать. Та или иная вещь, в большей или меньшей степени, способна развивать свои функции посредством влияния извне. Попробуем классифицировать основные предметы комплекса повседневной культуры осетин по шкале функций на примере лексемы 'жилище'.

а. Утилитарная функция. Жилищу присущ целый комплекс задач. Дом (жилище) – неотъемлемая часть человеческого существования и развития, в неблагоприятное время года и суток – убежище для работы, сна и отдыха, творчества и другой деятельности. Предполагает оседлый образ жизни.

б. Знаковая функция. Является социальным проявлением быта человека, семьи, отражением его статусности, достатка, а также численности. Предполагает развитие общественных отношений.

Значение приобретает знаковое содержание предметов бытового обихода, вещей, а также знаковость интерьера.

в. Эстетическая функция. «Семейный дом – специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нем главная функция мебели и прочих вещей – воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными...» [3]. Здесь еще читается скрытый смысл вещей будущего.

г. Художественная функция. Каждое жилище имеет особо значимые элементы, которые условно называют локусами, и которые, собственно говоря, и превращают жилое помещение в дом [4].

Проиллюстрируем высказанные положения.

Осетинское слово «хæдзар» – «дом», «сакля с очагом», имеющая разделение на мужскую и женскую половины в аспекте функциональности. Хæдзар также общая семейная комната, используемая иногда под гостевую, столовую.

В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» [18, 159-161] утверждается, что слово не имеет бесспорной этимологии, причем его автор, В.И. Абаев строит гипотезы и ведет активную полемику, опираясь на труды исследователей и источники.

Хæдзар ирон./хæдзæрæ диг. По Шегрену, от арабского hizar – «ограда». У В.И. Абаева как альтернатива всплывает слово «хæдсар» – производное двух слов: «Этимологии, делящие хæ – дзар с цар 'крыша' во второй части остаются предпочтительными: близость понятий 'дом' и 'крыша' не нуждается в обосновании [5, 159-161].

Ещё скифские дома-повозки уже носили название «kazar» – (кожар). В.И. Абаева заостряет наше внимание на том факте, случайно ли созвучие хæдзар с пам. касир, пам.ш. kicar «очаг» [5, 161].

Наиболее древние типы домов – турлучный из прутьев (кауын хæдзар) и из дерева (хъæдын хæдзар).

Специалисты утверждают, что в древности жилые и крепостные сооружения в горах строили «всухую» с засыпкой пустот землей, на твердом цементе или извести, где осет. kyr\kiræ 'чъыр' – «известь» (чъырын хæдзар – аналог диг. къириндаст?). Причем цемент этот имел специфический состав. Стены внутри жилых помещений обмазывались глиной и белились. Такое жилище строилось обычно из 2-х, реже 3-х комнат с сенями (тыргъ), причем главное жилое помещение в хæххон хæдзар 'сакле' отводилось под общую комнату хæдзар, в котором основное место занимал очаг 'арт'. Вторая комната или пристройка для семейной пары – имеет несколько значений:

1) комната, в прошлом преимущественно для молодых, «горница», в отличие от хæдзар «помещение для домочадцев с очагом арт» и надочажной цепью рæхыс;

2) постель;

3) вторая часть сложных слов – место, ёмкость, размер. Возводится к иран. – wahava, ар. – wasatha от wah/was – `жить`, `обитать`, собственно `место обитания`; ср. др. инд. – vasatha `дом`, `жилище`, пракрит. – vatthi (из *vasti) `хижина`, тохар. – wast `дом`. На иранской почве согд. – awatak (wt`k) `место`, `область` [5, 58]. Семантическое развитие: «место» – `ложе`, `постель` – находит параллели в языках Кавказа.

На одной стороне дома, обычно обращенной во двор, оставляли отверстие для окон и дверей. Центральная и главная часть дома – место для поддержания постоянного огня.

Жилища горцев были чётко сегментированы: на мужскую (правую) – «лæгты хай» и женскую (левую) – «устыты хай» части. Очажный комплекс делил помещение на почетную часть и хозяйственные части, т.е. мужскую и женскую. Разделение это чётко соблюдалось всеми членами семьи, исключения строго оговаривались в адатах и установлениях осетин.

Патриархальный быт предусматривал цикличное однообразие во внутреннем убранстве домов. В мужской половине протекала деловая жизнь (социализация), строились планы семейной общины, обсуждались технические вопросы, решались насущные задачи во главе со старшим «хистæр». Здесь ремесленники, принимали гостей. Эта часть дома обставлялась мебелью: `столом` (фынг), длинными `нарами` (тæрхæг), `стульями` (бандæттæ), развешивалась `одежда` – «уæлæдарæс» (бурки, черкески, башмаки) и `оружие` – «хæцаенгарз».

В глубине хæдзара, за очагом, стояло резное деревянное кресло къæлæтджын (бандон), къæлæтджын для старшего в доме мужчины, где k`ælæt – `дуга`, bandon – вероятно, стяжение из badæn – don `место для сидения`. Оно украшалось резьбой. Имело выраженную знаковую функцию в признании и почитании старейшего члена семьи. Символично его нахождение возле очага (места силы).

На мужской половине находился продолговатый деревянный диван – фæхсбандон.

На женской половине находилась в частности «комната матери и ребенка». Здесь размещалась домашняя утварь и предметы женского обихода. Производились домашние заготовки пищи, штопали и ткали белье, и мн. др. Мебель здесь не предполагалась, лишь самое необходимое и функциональное. Так происходила внутренняя жизнь большой семьи (домовой общины) из нескольких поколений.

На плоскости, во дворах домов «среднего класса», т.е. фæрсæг адæм, имелось строение – уазæгдон ‘гостевая’. Она обставлялась постелью, диваном или креслами, столом и пр.

Двери строили низкие, окна заменяли незначительные отверстия. Архитектурной особенностью жилища для народов Северного Кавказа является конструктивность, простота исходных строительных материалов и мастерство в их использовании зодчими.

Таким образом, сооружения возводились очень компактные, как бы «убористые». В стенах сколачивались бревна. По воздвижению стен устанавливают основание крыши. Перекрытие потолка было простое: слой потолочин – слой брусьев – слой мха, щебня – липкая земля.

Строения совершенствовались постепенно, в частности в расположении и размерах окон и дверей. Все слагаемые и атрибуты стройки были под рукой и ждали своего часа. Суммируя вышесказанное, выводим общую формулу планировки:

В традиционном жилище осетин система пространственных координат состояла из центра границ.

Границы жилого пространства условно делились на проницаемые и непроницаемые.

Стены, изгороди, ограды – непроницаемые границы, для отделения внутреннего пространства от внешнего.

Дверные проемы, ворота, проемы в изгороди, оконные проемы относятся к проницаемым границам, т.к. посредством их осуществлялась связь внутреннего и внешнего пространства [6, 148].

После того, как прорублены двери и окна, планировку внутри жилища можно считать завершенной, так как размещение пе-

регородок и разделение помещений будет прямым следствием того, сколько окон предусмотрено для той или иной стены. В старинном жилище осетина окон еще не было.

М.М. Ковалевский отмечал схожесть в планировке равнинных селений Новохристиановское, Ардон и др., и соседних казачьих станиц: «Дверь размещается в строгом соответствии с искусством ориентации в пространстве. Так, например, у восточных славян на юге она обязательно ориентировалась на юго-восток; на севере же прорубалась в противоположных стенах» [7]. У Вилена Уарзиати находим, что у осетин традиционно жилище старались ориентировать фасадом на солнечную сторону, т.е. на юг или юго-восток, где стены были ориентированы по сторонам света [8, 142].

Основными геометрическими формами выражения пространственного освоения были круг и четырёхугольник. Четыре стены и четыре угла дома подчеркивали универсальность этой модели и обеспечивали необходимую для жилища стабильную устойчивость «цыппаркъумон хæдзар». Сакральное значение порога къæсæр и дверного косяка, т.е. предела между внешним и внутренним пространством [6, 148], одинаково важно.

Каждое жилище имеет особо значимые элементы, которые условно называют «локусами», которые, собственно говоря, и превращают жилое помещение в дом. Осетины выделяют место для невесты в восточном (юго-восточном) углу – хурскæсæн къуым, углу восходящего солнца (угол невесты – чындзы къуым). Именно этот угол несёт положительный заряд и символизирует божественность. К примеру, у православных иконостас тоже устанавливают в восточном углу, и называется этот угол красным (как красное солнышко). Как известно, эта форма (менталитет) имела хождение и у других народов, имевших когда-то общность и, может, родство в прошлом.

Поселения осетин в горах состояли из сакли «хæххон хæдзартæ», строений из камня, отличались большой скученностью (террасовидные жилища). «Ердоджын хæдзар», где ердо – небольшое отверстие в крыше горской сакли для выхода дыма; дымоход имел немало сходств с «дарбазиани сахли».

Одна постройка висела обычно над другой. Крыши нижних построек служили дворами верхних. Улиц, в настоящем смысле этого слова, в горных селениях не было. Здесь часто встречались двухъярусные каменные дома. Итак, нижний этаж имел чисто хозяйственное назначение в содержании скота, а также как склад. Следующий этаж – это непосредственно жилье. Как отмечает Л. А. Чибиров, «по сравнению с другими типами горное осетинское жилище было наиболее архаичным» [9, 96]. Свои жилища осетины-горцы в основном строили из плитняка или неотёсанных камней, воздвигая стены путём сухой кладки, нередко сакля строилась на склоне горы. Фактически существовало «множество разновидностей жилого дома, отличных как по материалу, так и по технике строительства и планировке – каменные, деревянные, турлучные, саманные, землянки, < ... > плоскостные, со скатной крышей, 1-2-3-4-5комнатные, 1-2 этажные, ярусные и т.д. и т.п.» [9, 93].

Невзрачность и невыразительность жилища горцев отмечена многими учеными и путешественниками прошлых эпох; к примеру, «размеры ее зависели от численности семьи и в среднем составляли 50-60 кв.м., но могли быть и больше...» [10, 551]. Приведём ряд высказываний.

«Вообще, нужно сказать, что жилище осетина замечательно мало приспособлено к физическим и гигиеническим условиям... Оно мало защищает от зимней стужи, а при малейшем ветре совершенно наполняется дымом, так как ему нет выхода, и он страшно разъедает глаза»; «когда они (осетины) познакомились с европейской цивилизацией, то быстро стали воспринимать в ней все хорошее»; «в селах плоскостной Осетии дома на чисто европейскую ногу: просторное, чистое, светлое жилье под черепичною и даже железною крышею» [11, 73-74].

Во 2-й половине XIX в. у осетин образовался новый тип жилища – квадратный дом (уырыссаг хæдзар – русский дом), располагавшийся обычно фасадом к улице. Планировка дома, в отличие от традиционной однорядной (даргъ хæдзар), становится более разнообразной, двухрядной. Это происходило в результате раз-

вития капитализма, по мысли В. Уарзиати. В стенах уже собранных срубов прорубались проемы для дверей и окон. Примерно в это же время появляется жженный кирпич, а в нач. XX в. – сырцовый. Открываются первые заводы по производству кирпича (агуыридур) и черепицы (æмбæрзæндур) во Владикавказе, позднее и в некоторых селах. Замечено, что «под влиянием русских казаков тип жилища плоскостного горца резко меняется внешне и внутренне... он стал строить себе по образцу жилищ своих русских соседей деревянные, каменные или кирпичные дома с черепичной крышей и с окнами» [12, 75-76]. Кое-где (от с. Ардон и далее) появляются уже большая русская печь с лежанкой, заимствованная горцами у русских казаков. Таким образом, «в советское время процесс изменения горного жилища углубился. Учитывая повсеместную послевоенную разруху, эти изменения в основном коснулись интерьера» [8, 56].

К середине XX века начинают строить на высоком фундаменте, повсеместно используются шиферные листы. Сравнительно небольшие размеры комнат и наличие кирпичных перегородок, выполняющих роль несущих стен, способствовали ликвидации – матицы и опорных столбов (цæджындз) с подбалкой (аххæрæг). В комнатах были земляные полы и низкие двери. Очень живописное описание жилища горцев находим у К. Хетагурова в знаменитом очерке «Особа»: «Вначале до того темно, что вы ничего не можете разглядеть.», или «Направляйтесь прямо к тлеющему огоньку...», и «Пока дойдешь до центрального столба, поддерживающего продольную балку крыши, зрачки ваши расширятся, и вы свободнее можете ориентироваться. От столба до задней стены хæдзар (сакля) делится очагом на две половины: левая – мужская, правая – женская...» [13, 325]. Из текста можно понять, что, находясь в жилище осетин-горцев в вечернее время, надо обладать хорошим зрением или ориентироваться в пространстве вслепую. Ориентиром служил очаг и монументальная цепь над ним. Итак, правая, женская часть дома – место хранения домашней утвари – хæдзары дзаума. К хадзару примыкала кладовая – къабиц.

По всем тематическим источникам важнейшая принадлежность хæдзара – ‘очаг’ – артдзæст, где арт – ‘огонь’, цæст – ‘глаз’, «око огня») с неугасающим огнем (синоним: слово ‘къона’) и спускавшейся над ним цепью «рахыс» – одно из важных скифо-германских культурных изоглосс. Безусловно, эти и другие атрибуты имели хождение у многих народов.

Под очагом подразумевалась открытая площадка для разведения и поддержания огня. Как повествует Б.А. Калоев в книге о деятельности М.М. Ковалевского, «культ домашнего очага всюду, где он встречается, стоит в тесной связи с культом предков...» [14].

Что же касается ердо – отверстия в плоской крыше сакли для выхода дыма, то в нем наблюдаем смещение значений: крыша и отверстие в крыше. Для устройства «ердо» использовалось дупловатое дерево, выжженное внутри. Цилиндрический кусок от такого дерева выставлялся и заделывался в отверстие, оставляемое при постройке крыши. Длина деревянного цилиндра должна была всегда соответствовать толщине крыши, только на её поверхности отверстие окружалось небольшим барьером во избежание стока воды в саклю во время дождя. Ердо достигало высоты до 3 метров, имело утилитарную функцию, а знаковая его функция включает в себя понятие главного центрального отверстия – окна традиционного осетинского жилища, через которое выходит дым и проникает свет [15, 97].

Опорные столбы в осетинском жилище размещались в центральной части комнаты [16, 78]. Их утилитарная функция – конструктивная деталь жилого дома, поддерживающая тяжесть крыши.

Термин цæджындз/цæджиндзæ «опорный столб» относится к группе слов субстратного происхождения, которые объединяют под общим названием «мегрелизмы». В качестве отправной у В.И. Абаева груз. – «sxiri» ‘палочка’. Встречается в выражениях:

Сæры Зæды Цæджындз – священный столб, находился в западном углу хæдзара на женской половине. К нему подводили невесту после приобщения её к очагу и надочажной цепи. Там она

стояла три дня, где происходил обряд снятия фаты; традиционно связывают с покровителем надочажной цепи Сафа. Существует даже поговорка «Сафа нæ чындзæн Сæры зæд у». – Сафа для невесты является покровителем [23, 82].

2. Хæдзары Цæджындз (букв. «опора дома»). Название мужского потомства в семье, от количества которых зависели благополучие и безопасность не только конкретной семьи, но и всего рода, в который входила данная семья.

Исходя из того, что каждому предмету интерьера соответствовало установленное место, утилитарную функцию выполнял в хæдзаре богато декорированный резьбой деревянный столб с подбалкой.

На наш взгляд, цæджындз – символ дерева жизни и изобилия, придающий космогоническое значение всему интерьеру традиционного жилища.

На продольные стены поверх обязательны были жерди – уæладзæнтæ, гдеуæладзæн – ирон. «верхние потолочные балки», имеющие «необходимое звено в установке крыши».

‘Матица’ аххæрæг – «главная потолочная балка», по значению являющаяся перекрытием и основой для крыши и стропильной системы. Матица располагалась перпендикулярно к оси «вход – красный угол»; слово хæрæг «осел», «несущий на себе тяжесть» – семантика, основанная на обычном использовании осла как вьючного животного; ср. перс. хаг`осел`, а также `кобылка`, `подставка` (в струнном инструменте). Показательно, что при употреблении в древнерусских памятниках лексем мать, матица в переносном смысле, они также имели значение «начало, основа, источник чего-либо; причина». Впрочем, в севернорусских говорах матицей называли и балку, поддерживающую пол: на нее настилались половицы.

Данный факт свидетельствует о тождестве осмысления потолка и пола в народных воззрениях [17, 120].

Что же касается знаковой функции, то проекция матицы – потолочная балка, жердь æндзалм/æндзалаæ хъайван «жердь», «брус». Брус для покрытия горской сакли. Плоская крыша сак-

ли строилась следующим образом: на возведенные стены укладываются сначала потолочные балки (хъæдтæ) на расстоянии 0,5-1 м друг от друга; поперек балок, вплотную друг к другу, кладутся жерди (æндзалм), на брусья ложится слой хвороста (пыхс) и соломы (хъæмп). Сверху насыпается земля – глина с песком (сыджыт), которая утрамбовывается с помощью особой «бабы» – къялæг: матица – жерди – брусья – хворост – земля. Осет. «æнзалм» представляет собой сращение префикса -æн с основой – зал «брус», кавказского происхождения.

Вдоль стен устраивались длинные нары – тæрхæг, днем на них сидели, а ночью спали. Возводится к trka-ka; индоевропейская база tel-k «ровная поверхность», «плоскость», «доска», «полка» и др.; распознается в русском языке: по-толок; при-толка – «верхняя перекиладина над дверью», а также «пастбище», «выгон»; на иранской почве ничего надежного. Др. инд. tala – «плоскость», «равнина», русск. -тло 'основание'.

Очень интересны этимологии слов дуар 'дверь' и рудзынг 'окно'.

Рудзынг/родзунгæ 1. ирон. – «окно»; 2. диг. – «культовый хлеб», «калач». От иран. *гауса «свет». По В.И. Абаеву, слово применялось первоначально к дымовому отверстию в потолке. Стенное окно было еще неизвестно. Когда оно появилось, его стали называть фæрссаг рудзынг «боковое окно» или просто фæрссаг в отличие от сæйраг или уæйлаг рудзынг – «верхнее окно в потолке» [18, 428-429]. Неожиданно богатый диапазон лексемы, её тональность привлекли В.И. Абаева настолько, что он тщательно препарирует слово – от его зарождения, от того, чем оно должно было стать, как развивалось. Безусловна роль повседневной культуры человека: шло постепенное усложнение значения слова: от «луча», «света» (осет.) рухс/рохс – к бытовому источнику его поступления – рудзынг/родзунгæ «окно».

Лексема дуар «дверь». Восходит к иран. dvar-, и.е. dhver-, а далее получило широкое распространение в индоевропейской семье: перс. dar, пехл. dar, афг. war, пам.с. divir, пам.ш. devä, пам. барт. davor, пам.ор. и пам.язг. – d`vur [16, I, 377]. На сегодняшний

день слова дуар и рудзынг принято считать словами с иранской этимологией. Здесь же производное слово – кулдуар – «ворота».

Уже к середине XX века и ближе к эпохе «развитого социализма» традиционные жилища утрачивались и по наше время практически не сохранились. Хæдзар претерпел большие изменения, но свою основную роль – помещение для проведения ритуально-культурных мероприятий, внутрисемейных и массовых – продолжает выполнять и сегодня. В городах Осетии в большинстве дворов жильцами построены так называемые «общественные хæдзары», в которых проводятся свадьбы, праздничные застоля, поминальные мероприятия и др. Помимо сакрального смысла эти помещения несут ещё и чисто утилитарную функцию: являются местом проведения досуга [19].

Слово «хæдзар» – одно из самых частотных употребительных в осетинской лексике во всю бытность, очень органично в любом контексте. Как метко подчеркнул В. И. Абаев, «термин хæдзар в равной мере архитектурный, социальный и хозяйственный» [5,159]. Он совмещал в себе различные стороны жизни осетин: иерархию и уклад жизни, способ самовыражения и начатки творчества. В современном осмыслении хæдзар (дом) определяется как пространство обыденной повседневности.

1. Знаковая функция вещи. URL: https://studopedia.ru/9_167737_znakovaya-funktsiya-veshchi.html (дата обращения: 13.11.2023)

2. Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

3. Инструментальные и знаковые функции вещи. URL: <https://cyberpedia.su/17x18034.html> (дата обращения: 15.11.2023).

4. Быстрова Я. В. Символика строения дома: социокультурный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. Сер. 17. Вып. 4. С. 102-111.

5. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Ленинград: Наука, 1989. 328 с.

6. Бесолова Е.Б. Язык и обряд. Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.

7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. В двух томах. Владикавказ: Алания, 1995.

8. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. 235 с.

9. Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирыстон, 1970. 216 с.

10. Осетинская этнографическая энциклопедия. ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и правительства РСО-А. Проект-Пресс. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. 686 с.

11. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. 1. С. 67-112.

12. Кокиев Г.А. Из истории сношений России с Кавказом 9-19 вв. //Ученые записки КабНИИ при Совете Министров КБАС-СР. Нальчик, 1946. С.33-80.

13. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк)/Собрание сочинений. Т.4, Владикавказ, 2000. С. 313-374.

14. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 202с.

15. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. 655с.

16. Козырева Ж., Найфонова Ф. Осетинский мифологический словарь. Владикавказ: Проект-Пресс, 2020. 131с.

17. Криничная Н.А. Матица – слово, образ, символ // Русская речь. 2014. №4. С. 116-121.

18. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПбГУ, 2003. 225с.

III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Г. Р. Козаева,

кандидат педагогических наук,

снс отдела языка ЮОНИИ

(г. Цхинвал)

О ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ОСЕТИИ

Социолингвистика, наука, изучающая особенности функционирования национальных языков, не только активно защищает права того или иного языка, но и помогает глубже понять и осознать положение родного языка в языковой политике страны.

На основании анализа исследований отечественных ученых автором статьи предпринята попытка определения роли осетинского языка в условиях билингвизма и полилингвизма в Осетии, установления социолингвистического облика Осетии.

Ключевые слова: *социолингвистика, билингвизм, полилингвизм, Южная Осетия, Северная Осетия, функционирование национального языка.*

Sociolinguistics, the science that studies the peculiarities of functioning of national languages, not only actively defends the rights of this or that language, but also helps to understand and realise more deeply the position of the native language in the language policy of the country.

On the basis of analysing the studies of native scientists, the author of the article attempts to determine the role of the Ossetian language in the conditions of bilingualism and polylingualism in Ossetia and to establish the sociolinguistic image of Ossetia.

Keywords: *sociolinguistics, bilingualism, multilingualism, South Ossetia, North Ossetia, functioning of the national language.*

Положением осетинского языка сегодня озабочен весь ученый мир юга и севера Осетии. Проблема освещается на разных уровнях, начиная от чиновников и кончая популярными сайта-

ми и отдельными блогерами. Необходимо подчеркнуть, что социальное положение осетинского языка значительно прочнее в Южной Осетии, чем в Северной Осетии. Здесь имеется в виду распространенность говора на осетинском языке среди населения, использование языка в семье и общественных местах. Несмотря на наличие большого количества слов-паразитов в говоре южноосетинских граждан, именно на них возложена миссия сохранения и распространения родного языка, несмотря на то, что на севере осетинский язык отличается большей чистотой. В обеих республиках осетинский язык никогда не был под такой угрозой исчезновения, как в настоящее время.

Явление полилингвизма в современном обществе стало нормой. Многоаспектность данного явления рассмотрена в целом ряде теоретических направлений и методологических подходов – лингвистическом, социологическом, психологическом, педагогическом [2, 116].

Влияние языков – осетинского и русского – сегодня напоминают своеобразную борьбу в языковой политике Севера и Юга Осетии. Несмотря на равный конституционный статусов обоих языков, русский язык показывает доминирующие позиции [5, 102].

Причиной тому может быть русификация социально значимых сфер [6, 140]. Русификация осетинского языка – это процесс влияния русского языка на осетинский, который может происходить по разным причинам. Этот процесс может включать в себя следующие аспекты:

1. Лексикальная адаптация: В результате влияния русского языка осетинский может заимствовать новые слова и выражения. Это может происходить из-за необходимости обозначить новые концепции или объекты, которые ранее не существовали в осетинской культуре.

2. Грамматические изменения: Русский язык может повлиять на грамматические структуры осетинского, например, на порядок слов в предложениях или на использование грамматических времен.

3. Фонетические изменения: В русскоязычной среде осетинский может подвергаться воздействию русской фонетики, что может привести к изменению произношения некоторых звуков или звуковых сочетаний.

4. Социокультурное влияние: Русская культура и образ жизни также могут оказывать влияние на осетинский язык через медиа, образование и общение.

5. Двоязычие: Многие осетины могут быть двуязычными, что означает, что они говорят и на осетинском, и на русском языках, и могут использовать оба языка в повседневной жизни.

Русификация привела к ослаблению этнокультурной самозащиты в осетинском обществе, насильственной прерванности языкового и национально-культурного строительства [7,189]. Однако важно отметить, что русификация может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, она может обогатить осетинский язык новыми словами и выразительными средствами. С другой стороны, слишком интенсивная русификация может угрожать сохранению уникальных черт и богатства осетинской культуры и языка. Сохранение и баланс между двумя языками может быть важной задачей для общества и лингвистов, чтобы сохранить языковое разнообразие и культурное наследие.

На сегодняшний день некоторые осетинские слова, по данным, приведенным Е.В. Сенько, прочно употребляются в речи русских и других неосетиноязычных жителей Республики Северная Осетия-Алания, а также встречаются в русскоязычных СМИ. Например, из общественно-политических номинаций – ирон, æгъдау; терминов родства – фырт, лæппу, мад, чызг; названий продуктов питания – дзыкка, арака, уæлибых; этикетной лексики – бузныг, фидар у; названий национальных праздников – Джеоргуба, Хетаджы бон.

И наоборот, согласно проведенным исследованиям, русскими словами, постоянно употребляемыми осетинами в разговорной осетинской речи являются: «больницæ» (вместо рынчындон), «сталовый» (вместо хæрæндон), «общезити» (вместо гемдз-

герæн), «магазин» (вместо дукани), «клубникæ» (вместо æрыскъ-æф), «смородинæ» (вместо хъæлгердзы), «мясорубкæ» (вместо фыдыссæн), «сапожкитæ» (вместо цырыхъытæ), «даже» (вместо кæй заеæгъын æй хъæуы), «тапочкæтæ» (вместо дзабыртæ), «сорочкæ» (вместо хæдон) [4, 119].

Еще одной зарождающейся проблемой становится то, что значительный поток информации на русском языке, поступающий через все современные средства массовой информации, произведения литературы и искусства способствует тому, что даже дошкольники в исключительно осетиноговорящих семьях начинают думать и говорить по-русски.

По мнению автора, осетинский язык мог бы прочно занять свои заслуженные позиции, однако социальные механизмы его упрочнения недоработаны.

И на севере Осетии и на юге ученые продумывают способы приобщения детей к национальным традициям, любви и уважению к своей Родине на условиях продуктивного диалога культур, являющегося основой существования в поликультурном мире. Большую помощь в этом оказывают произведения великого Коста Хетагурова. Именно он активно ратовал за сохранность осетинских традиций и обычаев, видя в них источник заслона от агрессивно наступающей бездуховности, от забвения нравственных начал в жизни этноса. Произведения великого поэта изучаются в дошкольных образовательных организациях с самого раннего возраста. На всех мероприятиях разного уровня слышатся крылатые фразы «Самое ценное, что оставили нам наши предки – это наш родной осетинский язык», «Через века наши предки пронесли главное достояние своей нации – родной язык», «Осетинский язык является хранителем богатейшей духовной культуры», «Иронау дзурут», «Мадæлон æвзаг у адæймаджы удыхъæды дидинæг, нæ хъаруйы цæджындз, фæлтæрты 'хсæн фидар хид». Тем не менее позиции осетинского языка на фоне билингвизма и полилингвизма продолжают ослабевать.

Программа «Малусæг» профессора З.А. Битарты, реализующаяся в детских дошкольных образовательных учреждениях Ре-

спублики Южная Осетия с 2009 года, ставит целью приобщение подрастающего поколения к любви к родному языку, воспитание образованного человека на основе формирования языковой личности в поликультурной среде, любящего и уважающего родной язык [1 С.442]. Учебно-методический комплекс, включающий риторику, математику, экономику, окружающий мир, национальные традиции, физвоспитание разработан на осетинском языке, но средством обучения является русский язык. В подготовительных группах изучается также английский язык. Программа разработана на основе российской программы «Детство», разработанной Санкт-Петербургским педагогическим университетом им. Герцена. На данную программу возлагаются большие надежды. По мнению З.Б. Битарти, посредством изучения иностранных языков к учащимся приходит понимание родного языка и мотивация к его изучению.

З. Битарти прилагаются большие усилия для сохранения и развития языка среди подрастающего поколения. В 2022 году был проведен мониторинг реализации программы «Малусæг»; руководителям образовательных организаций указали на недочеты и погрешности в ходе реализации программы; тогда же З.А. Битарти выступила инициатором проведения внеплановых курсов повышения квалификации для педагогических работников дошкольных образовательных организаций. Инициатива проведения курсов направлена на повышение языковой грамотности педагогических работников, на улучшение качества коммуникации на родном языке с детьми. Курсы повышения квалификации прошли более 120 работников дошкольных образовательных организаций. Курс лекций по темам «Язык речи и общества», «Предпосылки развития осетинского языка», «Осетинский литературный язык в 30-х гг XX в.», «Современные нормы осетинского литературного языка» познакомил слушателей с методами взаимосвязанного обучения осетинскому, русскому и иностранному языкам, выработке умений коммуницировать с детьми дошкольного возраста на родном языке. В рамках курсов в целях мониторинга уровня знаний педагогов по осетинскому языку были под-

готовлена диагностическая таблица, состоящая из трех частей. В качестве примера представляем одну из них:

Таблица 1

Сабидоны хъомылгæнæг цы хъуамæ зона йæ паддзахады историйæ æмæ паддзахадон æвзаджы архайдæй
1. æвзаг, ныхас, æхсæнад куыд æмбарыс?
2. цал диалект ис ирон æвзагæн?
3. ирон интеллигенцийы минæвæрттæ цæмæн тыхстысты ирон литературон æвзаджы тагъддæр райсыны тыххæй?
4. хетæгкаты Къоста цавæаер уацы фыста ирон аеæвзаджы сыгъдæгдзинады тыххæй, кæд, цæмæн??
5. литературон æвзаг цæуыл бындуриуæг кæны?
6. ирон литературон æвзаджы норматæ: орфоэпи, интонаци, мелодикæ, дикци, лексикæ, морфологи, синтаксис?
7. куыд æмбарыс ныхасы культурæ (этикет)?
8. ирон литературон æвзаг кæй уацмысты æвзагыл бындуриуæг кæны æмæ цæмæн?

Ответить на поставленные вопросы смогли около 30% педагогов. Это говорит о низкой подготовленности педагогов, что в свою очередь, будет сказываться и на знаниях детей. Таким образом, даже на представленном примере видно, что необходима серьезная, кропотливая работа по сохранению осетинского языка посредством обучения и детей, и взрослых.

Модель поликультурного и полилингвального образования с углубленным изучением осетинского языка и его популяризацией продолжает реализовываться и в Северной Осетии-Алании [3, С.85]. Один из разработчиков образовательной программы гимназии профессор Т.Т. Камболов считает, что на учащихся гимназии возложена миссия развития и сохранения осетинской национальной культуры. По его мнению, учащиеся гимназии будут думать и воспринимать мир на осетинском языке. Важным моментом является то, что учебным языком при изучении иностранного (английского) языка в гимназии является не русский, а осетинский, что, по мнению Т.Т. Камболова, укрепит позиции осетинского языка в сознании детей, как своего, родного.

Социолингвистический облик Осетии – это результат взаимодействия множества факторов, включая исторические, культурные и социальные аспекты. Сохранение и развитие языкового многообразия на Юге и Севере Осетии является важной задачей как для самой Осетии, так и для всего мирового сообщества.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что для развития национального самосознания и национальной идентичности подрастающего поколения мало одной лишь трансляции фактов и образцов национальной культуры в учебно-воспитательном процессе. Необходимо разговаривать на родном языке, прежде всего, в кругу семьи, в процессе группового взаимодействия. Согласно гипотезе языкового дефицита, выдвинутой английским психологом и социологом Б. Бернштейном, социальный успех членов общества и их доступ к общественным привилегиям во многом зависят от того, насколько хорошо они владеют языком. Несмотря на то, что положения данной гипотезы часто опровергались и подвергались критике, опыт показывает, что в них есть смысл и важный посыл.

1. Битарти З.А. Развитие осетинского языка в условиях межкультурной коммуникации на примере Республики Южная Осетия // Материалы международной конференции «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве». М., 2018 – С.440-445

2. Валиева З.И. Особенности функционирования русско-осетинского двуязычия в республике Северная Осетия Алания // Вестник ТГПУ. № 5 (120), 2012. С.116

3. Дзедбисова А.К., Кокаева И.Ю. Инновационные модели обучения в региональном образовательном пространстве (на примере республики Северная Осетия – Алания) // МНКО.. № 3 (76), 2019 С.85

4. Дзодзикова З.Б., Кульчиева М.Б. Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. №3-1 (57), 2016. С.119

5. Сеттарова М.Д. Актуальные проблемы социолингвистики // Проблемы Науки. 2016. №8 (50). С.102

6. Сенько Е.В., Лазарова И.А. К проблеме русско-осетинских языковых контактов // Известия СОИГСИ. №29 (68), 2018. С.140

7. Тамерьян Т.Ю. Осетинский язык в языковом ландшафте Северной и Южной Осетии: ценностный ракурс и метафорическая репрезентация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. №4. С.189.

З.А. Тургиева,

мнс отдела социально-политических
исследований СОИГСИ им. В. И. Абаева
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: МОЛОДЕЖНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается социальное и культурное самочувствие молодежи на сломе эпох 1990-2000 г., их участие в формировании новых тенденций и адаптивных практик в общественно-культурной сфере региона как ответ на вызовы в меняющемся мире. В условиях современной социально-политической обстановки воспитание подрастающего поколения путем приобщения к культуре, к развитию культурно-нравственных ценностей способно сохранить национальную идентичность и целостность государства. Привлеченные материалы, в том числе анализ молодежных периодических изданий, позволили выявить проблемы, с которыми сталкивались молодые люди в кризисное время. Показано влияние глобализации и массовой культуры на сознание молодежи, деформацию ее ценностей и ориентиров. Делается вывод о том, что в результате измененного уклада общественной жизни в 1990-х г. молодые люди не сумели приспособиться к новым реалиям, а государство не успело сформировать новые ориентиры молодежной политики.

Ключевые слова: Северная Осетия, социокультурное развитие, культурная политика, молодежь, трансформационный период, культура.

The article deals with the social and cultural well-being of young people at the break of epochs in 1990-2000, their participation in the formation of new trends and adaptive practices in the socio-cultural sphere of the region as a response to the challenges in the changing world. In the conditions of the current socio-political situation, the upbringing of the younger generation by introducing them to culture, to the development of cultural and moral values is able to preserve the national identity and integrity of the state. The materials involved, including the analysis of youth periodicals, allowed us to identify the problems faced by young people in times of crisis. The influence of globalisation and mass culture on the consciousness of young people and the deformation of their values and orientations is shown. It is concluded that as a result of the changed way of social life in the 1990s, young people were unable to adapt to the

new realities, and the state did not have time to form new guidelines for youth policy.

Keywords. *North Ossetia, socio-cultural development, cultural policy, youth, transformation period, culture.*

Российская культура на протяжении веков играла особенную роль в жизни страны. В наиболее сложные для государства периоды именно отечественная культура и искусство позволяли сохранить национальную идентичность. Одним из приоритетных направлений государственной политики является забота о подрастающем поколении, воспитание духовности, нравственности, патриотизма. Особенно важен данный процесс в национальных республиках, цель которых – сохранение и развитие элементов традиционной культуры.

В трансформационном российском обществе периода 1990-2000-х гг. оказались разрушены механизмы социокультурного развития молодежи, что было связано с распадом СССР и изменением всех сфер жизнедеятельности. Вместе с тем молодежная культура развивалась под воздействием активных процессов глобализации, что характеризовалось рядом негативных явлений, происходящих в культурной жизни молодежи: изменялись ее идеалы, деформировалась система ее ценностей и интересов.

Смена ценностей отразилась в первую очередь на профессиональных предпочтениях молодых людей. Если в 1970-х гг. при выборе будущей специальности основные критерии касались интересного содержательного труда, то в 1999 г. ориентиры сменились в сторону бизнеса, коммерции [1].

Проверка исполнения законов о трудовой занятости несовершеннолетних и молодежи за 2003 год показала, что в Северной Осетии возросло число подростков, не занятых общественно полезной деятельностью. В 2003 г. участником преступлений стал 101 несовершеннолетний. Количество подростков, не имеющих ко времени совершения преступления постоянного источника дохода, в том числе безработных, составило 66%. Большинство преступлений имели корыстную или корыстно-насильственную направленность (7%). Немаловажным фактом подобной ситуа-

ции является отсутствие организационных форм труда и отдыха подростков, спортивных клубов и секций, рабочих мест на производстве для подростков. [2, 2]

Таким образом, проблема качественного и культурного времяпрепровождения подростков и молодых людей, а также профессионального трудоустройства имела острый характер. При этом далеко не всегда неспособность трудоустройства была связана в принципе с отсутствием работы. К примеру, в Дигорском районе Северной Осетии большую часть безработных в изучаемый период составляли молодые люди, имеющие дипломы. Данная ситуация являлась частым явлением во всей республике. Тем не менее, одновременно существовала нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве по той причине, что молодежь не рвалась работать в колхоз или на ферму [3, 3]. Благодаря деятельности районного фонда занятости населения, ситуация несколько стабилизировалась. Однако проблема заключалась в том, что работа предлагалась сезонной. Одним из инструментов, с помощью которого планировалось урегулирование обстановки в молодежной среде, являлось издание периодической печати. В районной газете «Вести Дигории» под рубрикой «Портрет» публиковалась информация о талантливых молодых людях, которые могли бы стать примером для других [3,3].

Вопросы трудоустройства имели острый характер еще в перестроечный период. В газете «Молодой коммунист» за 1988 год опубликована статья «Почему уходит молодежь», в которой замечено, что текучесть кадров на сегодняшний день для Орджоникидзевского трамвайно-троллейбусного управления (ОТТУ) – проблема номер один. «Очень трудно идут к нам люди, – говорит мастер производственного обучения С.Х. Цораева, – и большинство не задерживается. Если 6-7 лет кто проработает – уже не уходит, но до этого же срока мало кто дотягивает...» [4, 3]. Никто из молодых водителей, с кем пришлось говорить, не упоминал о низкой зарплате. Возможно, причины ухода молодых носили социальный характер. Не было ничего, что, помимо хорошей зарплаты, могло бы удержать здесь ищущую способную молодежь.

Нечего было молодому человеку или девушке положить на чашу весов выбора – уйти или остаться, чтобы перевесила вторая [4, 3].

В СССР с целью широкомасштабной работы с молодежью был создан ВЛКСМ. Организация оказывала больше влияние на сознание молодых людей и представляла собой самую многочисленную молодежную организацию в стране. В Северной Осетии Союз молодежи сменил обком ВЛКСМ. Смена духовных ценностей, нравственных ориентиров и идеалов имела деструктивные последствия в молодежной среде. По словам председателя Союза молодежи Аслана Пхалагова, основная задача организации в том, чтобы вырастить новое поколение и воспитать его на лучших национальных традициях и традициях народов, живущих в нашей республике, в духе патриотизма, гражданского долга, добрососедства.

Структура Союза включала в себя: Республиканский комитет Союза молодёжи, который являлся учредителем таких организаций, как штаб студенческих отрядов, пионерская организация; городской и районные комитеты Союза молодежи. Кадровый вопрос наиболее остро коснулся новоиспеченной организации. По мнению председателя Союза молодежи, в постсоветское время сложнее привлечь молодёжь на свою сторону: «У многих пропал интерес ко всему, кроме коммерции. Я понимаю, новое время диктует новые правила. Но ведь есть ценности непреходящие» [5,1].

Одной из важных закономерностей современной цивилизации во второй половине XX века был рост государственных расходов и, прежде всего, ассигнований из государственного бюджета на социально-культурные услуги, то есть на образование, культуру и здравоохранение [6,117]. В Советском Союзе ежегодно выделялся определенный процент из госбюджета на реализацию культурной политики и культуру в целом. Однако в середине 90-х гг. прошлого века наблюдался процесс сокращения финансирования культуры, что не могло не сказаться на ее духовном содержании [7]. К примеру, если в 1991 г. 79% жителей страны читали хотя бы одну книгу в год, то в 2005 г. эта цифра снизилась

до 63%. В 1991 г. 61% россиян ежедневно читали газеты, в 2005 г. только – 24% [7].

Коммерциализация трансформировала ценности многих сфер жизнедеятельности, в том числе и культуры. Массовая культура заполнила собой огромное пространство: ТВ-шоу, литература, театры стали отвечать запросам нового времени и нацелены на привлечение прибыли. Появившиеся на телеэкранах передачи, телесериалы воздействовали на еще не сформировавшееся сознание молодых людей. Огромную популярность в начале нового века получила телепередача «Окна» со скандальной репутацией и вызывавшей у зрителей противоречивые эмоции, в том числе и у молодежи Северной Осетии. Участники ток-шоу разыгрывали различные жизненные конфликтные ситуации, что могло приводить к дракам. В молодежной газете Северной Осетии «Слово» было мнение некой Алисы, высказавшей свое отношение к данной телепередаче.

Автор, прежде всего, обращает внимание на резкую смену ценностей в обществе: «Если еще недавно вся страна ахнула бы в содрогании, услышав историю о том, как девчонка-подросток изыскивает способы завести ребенка от состоятельного бизнесмена, надеясь таким способом обеспечить свое будущее, то теперь находится масса сочувствовавших «тяжелой доле» этой дурочки» [8, 6]. Данный пример является яркой иллюстрацией нацеленности массовой культуры на получение прибыли, игнорируя качество.

Одним из способов культурного досуга является посещение театральных постановок. Молодежь активно посещала спектакли, отвечающие запросам времени. К примеру, в 2004 году в Государственном Дигорском драматическом театре состоялась премьера спектакля по пьесе М.К. Гарданова «Кандалы». Режиссер – Т. Кабалоева – с отличием защитившая диплом. На спектакле присутствовало много молодежи, которая осталась довольна выбором пьесы, постановкой и игрой актеров. По окончании спектакля все собравшиеся в зале устроили настоящую овацию. Пьеса, написанная еще в начале XX века, поднимала животрепещу-

щие для изучаемого периода темы: нравственные, религиозные, социальные кандалы, которые ограничивали человека свободно дышать, двигаться вперед. Внимание привлекали декорации; цепи, висающие на протяжении всего спектакля, падающие в финале. Остается лишь одна – та, что держит очаг: «И всем в зале становится ясно – только она необходима нам, чтобы сохранять жизнь сегодня и завтра» [9, 2].

В Северной Осетии, как и по всей стране в изучаемый период, наблюдался рост небольших творческих молодежных объединений. Наиболее часто встречались театральные студии, участие в которых принимали любители театрального искусства. Своя театральная группа действовала в строительном училище № 7 г. Владикавказ. Особая заслуга в этом директора седьмого училища Тамерлана Солтановича Цаголова. О своих впечатлениях посещения одного из спектаклей учащихся в газете «Слово» рассказала И. Гогаева. По словам автора статьи, молодые парни прекрасно чувствовали себя на сцене, с самых первых минут зрители сидели очарованные прекрасной осетинской речью самодеятельных артистов. Небольшие эпизоды из прошлого осетинского народа отражали и проблемы изучаемого периода: почитание и уважение старших, гордость, неподкупность, жестокость, предательство, лицемерие и грубость. «Да, тяжело согласиться с этим, но жестокости в нас намного больше, чем в наших предках», – такой вывод сделала И. Гогаева [10, 2].

Это не единственная молодежная театральная студия во Владикавказе. В 1995 году в городе появилась небольшая студия «Пилигрим», а еще ранее, в 1984 году – «Вариант». Подобные студии зачастую существовали на самообеспечении, необходимые декорации, техника, костюмы были на самих актерах и режиссере. Режиссеры и актеры данных студий – обычные люди, которые стремились к признанию своего труда и таланта, а при выборе репертуара ориентировались на хороший литературный вкус, возможности труппы и на отклик зрителя [11, 224-225].

Следовательно, одна из ключевых проблем в социокультурном развитии молодежи изучаемого периода – отсутствие или же

минимальное финансирование творческих молодежных инициатив. Подобная ситуация была характерна в целом для всей страны; несмотря на значительный рост молодежных организаций, им не удалось стать массовыми и наладить качественную работу с молодежью [12, 120].

В сложившейся российской действительности ведущими ценностями среди молодежи стали – потребность в достижении богатства и возможность жить в свое удовольствие [12, 119]. В молодежной газете «Слово» за 2003 год была опубликована статья «Есть такая нация – студенты», в которой студентам республиканских государственных вузов были заданы вопросы с целью узнать: каков он – студент XXI века? Чем отличается он от своих сверстников конца 1990-х, и какова его жизненная позиция? Большинство респондентов на первое место ставили достижение целей материального благополучия. Вывод статьи: реалии начала XXI века воспитывали молодых людей в духе прагматичности, что вызывало контраст по сравнению с романтизмом 60-х и беспечностью 90-х [13, 5].

В сложные трансформационные времена становится модным верить в потусторонние силы, обращаться к магии, астрологии и т.д. В исследуемом периоде молодежь совмещала посещение церкви с увлечением темой потусторонних и сверхъестественных сил. Различные магические практики, с использованием различных манипуляций, проводились молодыми людьми с целью воздействовать на внешний мир для получения необходимого результата [12, 118].

В данном контексте интересна статья в газете «Слово» под названием «Колдовская сила». Автор статьи описывает увлечение молодых людей потусторонними силами, магией. В республике особой популярностью пользовалась любовная магия; сведущие в подобных делах магию делили на «черную» и «белую». Считалось, что «белая» имеет более благородные цели. Автор статьи приводит пример – диалог молодых парней в супермаркете на актуальную тему. Один другому говорит: «Что-то дела у меня в прошлом месяце совсем не шли, к знахарке знакомой обратил-

ся, вроде помогла, правда, еще Богу в церкви свечку поставил, так, на всякий случай» [13,3]. Таким образом, данный способ получения ответов на вопросы и достижения целей был более заманчив, нежели упорная работа над совершенствованием своего внутреннего мира.

Молодежь обладает мощным потенциалом, который может развиваться как в позитивном, так и негативном ключе. Следовательно, для осуществления успешной молодежной политики необходимо знать тенденции, происходящие в молодежной среде. Трансформационный период 90-х годов XX века в стране диктовал новые условия жизни. Молодые люди столкнулись с рядом проблем, оказавшись неподготовленными к сложившейся реальности. Государство, в свою очередь, еще не сформировало новые механизмы в отношении молодежной политики. Следовательно, в большинстве случаев молодежь оставалась и остается предоставленной самой себе.

1. Алакаев Е.А. Ценностные ориентации молодежи 1990-х – начала 2010-х гг // Теория и практика общественного развития, 2017.

[Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-molodezhi-1990-h-nachala-2010-h-gg>.

2. Газета «Слово». 24 января 2004. № 4 (9341).

3. Газета «Слово». 9 июля 2005 № 77 (9554).

4. «Молодой коммунист». 23 июля 1988 № 30 (5986-88).

5. Газета «Слово». 26 июня, 1993. № 30 (8303).

6. Социально-трудовая сфера России в переходный период: Реалии и перспективы. М., 1996.

7. Просветительская роль культуры: ориентация на молодежную аудиторию. Сборник материалов // Совет при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. М., 2007.

[Электронный ресурс] <https://pdfslide.net/documents/-57ade2601a28abbe3a978f26.html?page=1>

8. Газета «Слово». 30 января 2004. № 6 (9343).
9. Газета «Слово». 3 февраля 2004. № 8 (9345).
10. Газета «Слово». 1 июня 1993. № 24 (8297).
11. Журн. «Дарьял: Творчество молодых». 1999.
12. Давыдов С. Г., Бабаева Е. В. Социальное самочувствие и настроения российской молодежи в 1990-е годы // Современная научная мысль. 2022. Выпуск 3. С. 113-122.
13. Газета «Слово». 1 августа 2003. № 104 (9271).

Ж.Д. Тарханова,
магистр,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

Фабрисси Виельмини,
магистр, научный сотрудник
Видение и глобальные тенденции.
Международный институт глобального анализа
(Италия)

ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПОСЛЕ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ 2020 ГОДА

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы развития транснациональных транспортных коридоров в Закавказье, возникшие после Второй Карабахской (44-дневной) войны. Проводится анализ изменившихся геополитических реалий и роли в них региональных и мировых держав. Основное внимание в исследовании уделяется позициям Азербайджана, Турции и Армении по вопросу открытия так называемого Зангезурского коридора через территорию Армении, против чего, собственно, выступает официальный Ереван. Проблема рассматривается комплексно – анализируются интересы и противоречия, существующие между закавказскими странами, а также Россией и Турцией, которая поддержав Азербайджан в военных действиях 2020 г. Также рассматривается потенциал частично признанных республик Абхазии и Южной Осетии, которые могли бы существенно усилить свои позиции в транспортно-логистической сфере. Начало специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации на Украине, повлияло на геополитическую ситуацию и анализируемую авторами проблему. Закрытие коридоров из России через подконтрольные Киеву территории существенно изменило потоки товаров через Кавказ. В контексте обозначенной проблемы анализируется потенциал и возможности республик Северного Кавказа, в частности, Республики Северная Осетия-Алания, которая благодаря выгодному географическому расположению сохраняет статус ключевого российского региона, связывающего Россию с Закавказьем и Ближним Востоком. В случае строительства приграничных торгово-экономических хабов в РСО-А Россия усилит и расширит взаимодействие с соседними странами, включая Исламскую республику Иран, которая демонстрирует конкурентное преимущество в противовес альянсу Азербайджана и Турции.

Ключевые слова: Россия, Турция, Южный Кавказ, Вторая Карабахская война, Зангезурский коридор, Военно-Грузинская дорога, Транскам, транзит

The article examines the main trends and problems of the development of transnational transport corridors in Transcaucasia that arose after the Second Karabakh (44-day) War. The analysis of the changed geopolitical realities and the role of regional and world powers in them is carried out. The study focuses on the positions of Azerbaijan, Turkey and Armenia on the opening of the Zangezur corridor through the territory of Armenia, which, in fact, is opposed by official Yerevan. The problem is considered comprehensively – the interests and contradictions existing between the Transcaucasian countries, as well as Russia and Turkey, which, having supported Azerbaijan in military operations in 2020, is increasing expansion in the South Caucasus, are analyzed. The potential of the partially recognized republics of Abkhazia and South Ossetia, which could significantly strengthen their positions in the transport and logistics sphere, is also being considered. The beginning of Russia's Special Military Operation on demilitarization and denazification in Ukraine affected the geopolitical situation and the problem analyzed by the authors. The closure of corridors from Russia through Kiev-controlled territories has significantly changed the flow of goods through the Caucasus. In the context of this problem, the potential and opportunities of the republics of the North Caucasus are analyzed, in particular, the Republic of North Ossetia-Alania, which, due to its favorable geographical location, retains the status of a key Russian region connecting Russia with Transcaucasia and the Middle East. In the case of the construction of border trade and economic hubs in the RSO-A, Russia will strengthen and expand cooperation with neighboring countries, including the Islamic Republic of Iran, which demonstrates a competitive advantage in contrast to the alliance of Azerbaijan and Turkey.

Keywords: Russia, Turkey, South Caucasus, Second Karabakh War, Zangezur corridor, Georgian Military Road, Transkam, Transit

Возобновление военной фазы нагорно-карабахского конфликта 27 сентября 2020 г., завершившееся победой Азербайджана над армянскими войсками, имело огромное значение для геополитического и экономического равновесия всего Кавказского региона. В результате 44-дневных боевых действий Азербайджан восстановил контроль над большинством территорий, которые он потерял в начале 1990-х годов, включая часть самопровоз-

глашенной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Степанакерт (Ханкенди) оказался в состоянии анклава. Обеспечение безопасности в регионе было возложено на российских миротворцев, размещенных в зоне конфликта ради стабильности в регионе согласно трехстороннему заявлению лидеров Азербайджана, Армении, России о полном прекращении боевых действий от 9 ноября 2020 г. [1]. Потеряв города Шуши (Шуша) и Гадрут, НКР отрезана от связи с Арменией. Турция, которая поддержала Азербайджан, во многом способствовав его победе, получила физический доступ к системе безопасности Южного Кавказа путем совместного с Россией создания Центра контроля за прекращением огня.

В трехстороннем соглашении содержится положение о восстановлении транспортного сообщения в регионе. В заключительном пункте (п.9) соглашения четко указано, что «все экономические и транспортные связи в регионе должны быть разблокированы. Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными регионами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного передвижения людей, транспортных средств и грузов в обоих направлениях».

Исходя из этого, Баку и Анкара приступили к достижению цели по установлению сухопутного сообщения между своими территориями через Сюникскую область Армении. По мнению двух турецких столиц, это должно принять форму так называемого Зангезурского транспортного коридора (в Армении его называют Мегринским или Сюникским). Для Баку это соединение впервые с момента обретения независимости создало бы беспрепятственный доступ к эксклаву Нахичеваню. Однако Армения не согласна с таким проектом, указывая, что Азербайджан и Турция интерпретируют 9 п. соглашения субъективно и речь не идет о строительстве транспортного транзитного коридора через Сюник, а имеется ввиду разблокировка уже существующих дорожно-транспортных артерий и узлов. В свою очередь президент Азербайджана Ильхам Алиев уже вложил значительные ресур-

сы в реконструкцию железнодорожной и автодорожной инфраструктуры как Нахичевани, так и недавно отвоеванных территорий, где была открыта автомобильная дорога Джульфа-Ордубад, ведущая в Армению [2]. С момента исчезновения Советского Союза, США и ЕС пытались способствовать установлению связей между Востоком и Западом на Кавказе, чтобы сформировать его геополитическую ориентацию в стороне от российского и иранского влияния [3]. Прежде чем начать следовать автономному стратегическому видению при Эрдогане, Турция была полностью включена в этот проект и должна была стать одним из главных бенефициаров.

Война на Украине добавила интереса к открытию нового транскавказского сообщения, поскольку военные действия влияют на перевозки по другим трансевразийским сухопутным маршрутам, проходящим через территории России и Украины и соединяющим рынки Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Соответственно, грузоотправители изучают альтернативные варианты транзита, такие как тот, который представлен Зангезурским коридором. В этой связи представляется важным проанализировать последствия Второй Карабахской войны для геополитической ситуации на Южном Кавказе. Отметим, что геополитический расклад сил изменился не в пользу Грузии, которая до 2020 г. использовала свое географическое расположение в качестве связующей транспортной артерии «Восток-Запад». В случае открытия Зангезурского коридора и установления прямого транспортного сообщения между Азербайджаном и Турцией, Грузия потеряет гегемонию, поскольку новые маршруты могут оказаться конкурентоспособными уже существующим автомобильным и железнодорожным дорогам, пролегающим по территории Грузии. Также это коснется функционирования Военно-Грузинской дороги, соединяющей Россию с Южным Кавказом и Ближним Востоком. Развитие связей «Восток-Запад» и «Север-Юг» на Кавказе имеет более масштабные геополитические последствия, которые стали еще более актуальными с эскалацией напряженности на Украине. Связь «Север-Юг» имела большое значение

для экономических отношений в Евразии за пределами западного влияния. С 2013 года вступление Армении в ЕАЭС повысило ставки, связанные с этим соединением, и привлекательность Транскама как наиболее надежного соединения между «ядром» ЕАЭС (Россией, Казахстаном и Беларусью) и его «эксцентричным» армянским придатком [4]. Соглашение ВТО 2011 года по коридорам Южной Осетии и Абхазии также стало результатом массированного лоббирования со стороны Армении, которое способствовало тому, что администрация Обамы в США не выступила против сделки [5]. И, наоборот, Азербайджан стал фактором, препятствующим возобновлению работы Транскама, учитывая его решение изолировать Армению транспортной блокадой [6] Баку имеет ряд рычагов влияния в Грузии и играет на руку оппозиции, призывая ее бойкотировать сделку.

Такое же противостояние имеет место при открытии проекта Зангезур. После 2020 г. несмотря на первоначальное принятие пункта 9, Армения начала выступать против азербайджано-турецких планов развития. Большая часть возражений связана с использованием выражения «коридор», которое с точки зрения Еревана подразумевает отзыв экстерриториальных прав и ограничение суверенитета Армении над участком ее национальной территории, где будут проходить коммуникации [7]. Армянское сопротивление создало дополнительный элемент вражды с Баку и Анкарой. Президент Алиев даже упомянул о военном сценарии, призванном заставить Армению согласиться [8]. В то же время, отказ от плана развития Армении, в свою очередь, приведет к открытию территории Нахичевани, что улучшит ее сообщение с Ираном и позволит наладить железнодорожное сообщение Армении с Россией через Азербайджан [9].

У Турции большие амбиции, связанные с Занзегурским коридором, который улучшит геополитическое положение Турции не только на Кавказе, но и в Центральной Азии, где Анкара в последнее время очень активно вовлекает тюркоязычные республики в орбиту своего влияния через Организацию Тюркоязычных государств (ОТГ), что не может тревожить Москву

особенно из-за членства Турции в НАТО и ее геополитической экспансии до границ России. Этот процесс усилился с началом СВО в 2022 г. На этом фоне потенциал коридора и более прочной, и прямой связи между Турцией и Азербайджаном вызывает серьезную озабоченность у других региональных и глобальных игроков. На текущем этапе главной проблемой, препятствующей полному восстановлению региональных связей является опасение нескольких стран, по поводу повторного появления Турции на Кавказе – будучи все еще членом НАТО, Турция продолжает восприниматься как «троянский конь» агрессивного военного блока Запада. Оказавшись втянутой в конфликт на Украине, спровоцированный НАТО, Россия видит в продвижении Турции риски для своего видения Большого Кавказа и своего исторического влияния в регионе. После конфликта 2020 года еще одной крупной геополитической новинкой в регионе стал так называемый «Кавказский пакт», предложенный Реджепом Тайипом Эрдоганом в качестве новой многосторонней структуры для координации позиций Турции и России с позициями постсоветских государств и Иран, также с целью создания общей системы безопасности. Чтобы оставаться верной заявленному атлантистскому призыванию, Грузия отклонила приглашение Турции подписать пакт [10]. Упорное стремление Грузии к Атлантическому блоку и военные учения, которые НАТО регулярно организует на ее территории, продолжают раздражать как Россию, так и Иран, тем более, что сотрудничество с НАТО способствует укреплению трехсторонней оси Грузия-Азербайджан-Турция [11]. На фоне участия России в специальной военной операции на Украине, происходит усиление влияния Турции на армяно-азербайджанский кризис и постконфликтное урегулирование может привести к новой военной конфронтации в регионе [12]. При таком сценарии нет места для торгово-экономического сотрудничества между закавказскими государствами, Россией, частично признанными Абхазией и Южной Осетией. Соответственно, многое в будущем зависит от мудрости Турции в ее региональном присутствии, ее способности избегать атлантического влияния

и опасных пантюкистских химер, которые некоторые страны НАТО традиционно насаждали среди турецкого истеблишмента. Напротив, вопрос об открытии Зангезурского коридора должен быть согласован с учетом интересов всех сторон, включая, конечно, Россию, игрока, который больше всего вложил ресурсов в прекращение боевых действий и кровопролития, и обеспечение соблюдения мирного соглашения с помощью своих вооруженных сил [13;14;15;16].

Иран является решающим игроком в разрешении спора по открытию Зангезурского коридора. Тегеран с нетерпением ожидает возобновления железной дороги советской эпохи, проходящей транзитом через эти территории. Это было бы согласовано с развитием коридора «Север-Юг», который иранцы разрабатывали вместе с Россией и Индией в течение последних двух десятилетий. Интерес Ирана к активному использованию этого варианта грузового коридора возрос с тех пор, как он подписал Соглашение о преференциальной торговле с возглавляемым Москвой Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

После вторжения Запада на Украину и начала фазы «новой холодной войны» конфронтация приводит к попыткам бойкотировать перспективы коридоров «Север-Юг». При этом представляется, что участие Ирана в проекте может способствовать сближению позиций Армении и Азербайджана, сыграть роль посредника и миротворца между ними. 6 апреля 2022 г. Ильхам Алиев и Никол Пашинян договорились в Брюсселе о дальнейшем продвижении к всеобъемлющему мирному соглашению, которое, вероятно, приведет к открытию Зангезурского коридора. Если давление со стороны Баку останется основной движущей силой, нельзя исключать заинтересованность Европейского союза в поддержке альтернативных транспортных коммуникаций, в противовес тем, которые контролируются Россией. Но, что более важно, Баку и Тегеран подписали Меморандум о взаимопонимании по строительству трансиранской автомагистрали Агбенд – Ордубад протяженностью 55 километров. Проект позволяет Азербайджану выйти на Нахичевань, минуя территорию

Армении, через Иран. Проект представлен иранской стороной как альтернатива «Зангезурскому коридору»: с одной стороны, он устраняет политические препятствия со стороны Армении, с другой стороны, он также предоставляет такому влиятельному субъекту, как Иран, контрольную квоту в соединении «Восток-Запад», тем самым устраняя его пантюркистский подтекст [17]. Иран проигрывает геополитически, как и Армения, и Грузия в результате строительства коридоров между Турцией и Азербайджаном.

В случае реализации проект также откроет путь для соединения железных дорог двух сторон. В перспективе этого соглашения Россия и Иран также установят прочную связь между своими транспортными сетями. Этот вариант, вероятно, лучше подойдет к общей позиции России в регионе. Таким образом, Россия может избежать переговоров с Грузией, Абхазией и Южной Осетией о возобновлении сообщения через их территории. Кроме того, Россия сохранит рычаги давления на Ереван, чтобы держать под контролем внешнюю политику Армении, принимая во внимание демарши Армении в отношении ЕС и других западных игроков. Эта задача связана не только с необходимостью обеспечить экономическое развитие отдельно Армении. Обеспечение государств ЕАЭС надежным наземным транспортным коридором в направлении Ирана с выходом к портам каспийско-черноморских стран. Учитывая, что бенефициарами открытия Зангезурского коридора являются Турция и Азербайджан, которые заинтересованы в восстановлении транспортного сообщения через территорию Сюникской области в районе Мегри намерены проложить 48-километровый транспортный коридор вдоль берега Аракса на юге Армении – вдоль всей границы Армении с Ираном и может стать экстерриториальным – то Ереван опасается, что открытие Зангезурского коридора станет прямым нарушением территориальной целостности Армении и приведет к полному контролю Турции над всей республикой. Этот проект заблокирует прямую торговлю с Ираном из-за того, что коридор будут контролировать другие страны: сначала российские пограничники,

а затем турецко-азербайджанская сторона в качестве основных инвесторов. Не исключено, что Армения пересмотрит свое отношение к России, а Запад, включая Турцию – страну-члена НАТО, будет стремиться ослабить Россию и вывести из региона российский миротворческий контингент.

Позиция Турции была четко обозначена президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом, который считает, что открытие коридора в Нахичевань, которое Ереван считает нежелательным без разблокирования других транспортных маршрутов в регионе, могло бы стать демонстрацией доброй воли Армении. Ереван также считает, что целесообразно разблокировать транспортные коммуникации, причем с минимальными затратами и очевидными выгодами для России, альтернативными маршрутами: северным железнодорожным маршрутом Акстава-Иджеван-Дилижан-Нахичевань. Если будет отремонтирован 10-километровый участок Иджевана, железная дорога из России в Турцию будет на 350 км короче, чем по предлагаемому Зангезурскому коридору. Другим вариантом является эксплуатация железной дороги из Турции через Ахурян в Гюмри, Ереван, Ерасх и Нахичевань. Дорога через Ерасх позволит Армении добраться до черноморских портов Грузии через Нахичевань. В то же время эта дорога не будет «изолировать» Армению от Ирана, как Зангезурский коридор (в случае его экстерриториальности).

Однако Турция и Азербайджан настаивают исключительно на строительстве Зангезурского коридора, что делает очевидным, что коммерческий интерес проекта отходит на второй план, а геополитика стоит на первом месте. Для Турции открытие Зангезурского коридора имеет геостратегическое значение, поскольку Анкара получит не только прямое сухопутное сообщение через Нахичевань и упомянутый коридор с остальным Азербайджаном, но и прямой доступ к тюркоязычным странам и рынкам Центральной Азии, поскольку такой маршрут будет короче и дешевле. В настоящее время для доставки туда товаров турецкие грузовики в основном передвигаются по территории России Грузии и Ирана.

Кроме того, Анкара уже заявила о своей готовности заняться поставками туркменского газа в Турцию и на европейские рынки по существующей инфраструктуре – газопроводу TANAP. Предполагается, что одна ветка трубопровода должна быть проложена через Зангезурский коридор.

Соответствующие процессы вызывают настороженность Ирана. Тегеран считает, что соседние тюркские страны пытаются объединить тюркский мир с помощью Зангезурского коридора, устранить геополитические и энергетические возможности Ирана в регионе, ограничить Китай и Россию и нанести удар по инициативе «Один пояс, один путь». Для России и Армении было бы более приемлемым комплексное развитие всей транспортной системы в Закавказье с одновременной разработкой альтернативных маршрутов [18].

Иранское и российское сопротивление к продвижению указанного проекта также связано с тем, что по направлению «Север-Юг» мало чего движется. Это видно на примере автомобильной магистрали Транскам, соединяющей Россию с Южной Осетией, кратчайший путь из России в Иран и Турцию, через Грузию. Однако из-за нестыковки позиции Грузии, отказывающейся подписать мирный договор и признавать независимость Абхазии и Южной Осетии, транзит через территорию двух частично признанных республик невозможен, что не позволяет возобновить сообщение по Абхазской железной дороге. В июле 2023 г. премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили озвучил неприемлемые условия, заявив, что заработать Абхазская железная дорога может только «в случае восстановления территориальной целостности Грузии» [19].

Однако позиция Тбилиси нарушает положения грузино-российского соглашения 2011 года «О механизмах таможенного администрирования и основных принципах мониторинга товаров», предусматривающее открытие транспортных коридоров через Абхазию и Южную Осетию. Документ предполагает размещение таможенных пунктов возле Гори и Зугдиди. При этом в качестве более бюджетного варианта возобновления сообщения сторо-

ны рассматривали запуск автотрассы через Цхинвал, учитывая, что запуск «Абхазской железной дороги» встречает сопротивление Грузии, и к тому же требует серьезных финансовых вливаний. Если Грузия следовала бы более прагматичной позиции, даже не признавая независимость РА и РЮО, но позволила бы восстановление коммерческих связей, то могли бы появиться альтернативные Военно-Грузинской дороге транспортные артерии – через Рокский тоннель и/или «Абхазская железная дорога». И эти коридоры могут составить конкуренцию Зангезурскому коридору. Однако Грузия, политизирующая вопросы восстановления транспортных коммуникаций, может лишиться своих позиций в этой сфере. Представляется справедливой позиция Москвы, обозначенная МИД России согласно которой, перспективы деблокады автомобильного и железнодорожного сообщения между Россией и Арменией через Абхазию, Южную Осетию и Грузию зависят от конструктивной и прагматичной политики региональных стран – Армении и особенно Грузии, в этом вопросе. Россия заинтересована в открытии дополнительных транспортных коридоров и считает, что раскрытие транспортно-логистического и транзитного потенциала Закавказья отвечает интересам и всех стран Южного Кавказа. В настоящее время Москва исходит из того, что считает достижимым реализацию обозначенных планов «если все заинтересованные стороны будут руководствоваться прагматическими интересами и учитывать существующие в регионе реалии» [20].

На фоне спорной политики Тбилиси в регионе, граничащая с Грузией Республика Северная Осетия-Алания, являясь приграничным северокавказским субъектом Российской Федерации, переформатирует проходящие через ее территории транснациональные транспортные артерии. В республике пересекаются наиболее геополитически и стратегически важные сухопутные маршруты, идущие к югу от главного Кавказского хребта – Военно-Грузинская дорога, Транскам, закрытая Военно-Осетинская дорога, а также ключевая артерия, соединяющая все субъекты России на Северном Кавказе, федеральная трасса М-29 «Кавказ».

Таким образом, республика рассматривается Москвой и региональными властями как крупный экономический, торговый и транспортный узел. Республика могла бы использовать свое стратегически важное положение, став движущей силой экономического подъема всего Юга России. Исходя из этого соображения, в Транспортной стратегии Российской Федерации, разработанной в 2008 году на период до 2030 года отмечено, что «региональная транспортная интеграция является одним из направлений, определяющих динамику и результаты региональной экономической интеграции в рамках СНГ, Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) и союзных государств... Ключевым направлением региональной транспортной интеграции станет формирование транспортного союза и единого транспортного пространства в полном объеме» [21]. Способствовал развитию инфраструктуры на Севере России проект «Безопасные качественные дороги» на границе Ставрополя и Кабардино-Балкарии расширят федеральную трассу Р-217 «Кавказ» до четырех полос движения. Эта важнейшая дорога является маршрутом транзитных перевозок в страны Кавказа и главной транспортной артерией, ведущей в один из старейших городов России – Дербент [22].

С целью повышения потенциала РСО-Алания как транспортного узла в регионе Большого Кавказа, Министерство экономики республики реализует несколько инвестиционных проектов. Правительство привлекает частных инвесторов к строительству крупного логистического центра, который будет обслуживать как железнодорожное, так и автомобильное сообщение, недалеко от международного аэропорта «Владикавказ» в Беслане. Планируется, что этот хаб будет построен и введен в эксплуатацию в 2024 году. Являясь объединением «Север-Юг», северосетинский хаб будет ориентирован на связь между Россией и Закавказьем и призван стать крупнейшим торгово-логистическим центром на Северном Кавказе. Узловое расположение на железной дороге Запад-Восток и автомобильных дорогах (федеральная трасса «Кавказ») позволит объединить перевозки грузов как от Черно-

го, так и от Каспийского морей. Кроме того, РСО-Алания готовит строительство еще одного торгово-логистического центра в Кировской области республики.

Помимо этого, в 2020 г. власти Северной Осетии объявили о создании еще одного многофункционального логистического центра, который должен стать крупнейшим в республике. Логистический центр планируется построить в Кировском районе РСО-Алания на федеральной трассе М-29 на границе с Кабардино-Балкарией. Этот узел позволит разгрузить Верхний Ларс. На комплексе будет действовать электронная очередь, которая позволит транспортным средствам не скапливаться на Военно-Грузинской дороге [23].

Важно отметить и то, что в 2020 г. федеральные власти приняли решение о расширении многофункциональных логистических возможностей КПП «Верхний Ларс» для разгрузки других российских пунктов пропуска такие как «Нижний Зарамаг» (Южная Осетия), «Яраг-Казмаляр» и «Тагиркент-Казмаляр» (Азербайджан). Реконструкция контрольно-пропускного пункта «Верхний Ларс» на границе с Грузией увеличило количество полос движения, накопительных стоянок для грузовых автомобилей и пропускную способность до 3,8 тыс. транспортных средств в сутки.

Еще одним важным проектом, который активизирует экономические процессы в регионе является строительство горнолыжного курорта в Мамисоне бывшим транзитным пунктом в Грузию. Геополитическое значение Северной Осетии используется федеральным центром для кооперации с Ираном. Москва согласовала с Тегераном курс на сотрудничество в формате «Иран – Северный Кавказ». Более ста иранских компаний объявили о планах ведения бизнеса в Северной Осетии на международной конференции по онлайн-торговле VLADIKAVKAZ EXPO 2021 в мае 2021 года. Был подписан протокол о намерениях по созданию совместного ирано-российского предприятия «Торговый дом Персия» с иностранным капиталом в целях ведения предпринимательской деятельности на территории российской юрисдикции. Благодаря этой работе будут налажены экономические, кооперативные

и инвестиционные связи между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией [24].

Активность российско-иранских торгово-экономических отношений и доставка товаров с Северного Кавказа – из Дагестана в Азербайджан, Армению, Иран и Турцию – придает дополнительную актуальность открытию и восстановлению наземных транспортных магистралей и железных дорог в Закавказье.

Помимо Ирана, Турция также проявляет серьезный интерес к развитию своих связей с российским Северным Кавказом и Абхазией. Анкара поддерживает торговые и гуманитарные связи с Абхазией, но не имеет сухопутного пути к нему [25]. Тем не менее, можно предположить, что Турция поддержала бы возобновление абхазского железнодорожного сообщения, а также Военно-Осетинской дороги, чтобы получить прямой доступ через Грузию и Южную Осетию на Юг России. Помимо геополитики, Турция может выиграть от общего оживления экономических связей между Большим Кавказом и Малой Азией [26].

Что же касается уже упомянутой Армении, то она имеет давние исторические связи с Осетией, проявляет повышенный интерес к расширению и интенсификации контактов и в 2017 г. представители Армении на встрече с Главой РСОА-Алания объявили об инициативе внести свой вклад в создание североосетинского хаба, организации торгово-логистического узла, подключенного к североосетинским железнодорожным сетям и автомагистралям, для товаров мелких производителей из разных регионов Армении, регионы, обозначающие проект как «деловой туризм» [27].

Таким образом, последствия Второй Карабахской войны затронули весь регион Большого Кавказа и актуализировали необходимость альтернативных, уже функционирующим – ВГД и Транскаму – транспортных транскавказских артерий и коридоров, которые наряду с экономической выгодой станут инструментом в геополитическом противостоянии региональных и глобальных игроков.

Вопрос открытия Зангезурского коридора – является политически и экономически мотивированным проектом Баку и Анка-

ры, существенно нарастившей свое присутствие и влияние в Закавказье, в противовес интересам России. В складывающейся геополитической конфигурации роль Армении и Грузии как самостоятельных акторов существенно снижается, а Грузия к тому же рискует утратить позиции связующей артерии между Россией и Ближним Востоком, поскольку единственная автомагистраль – ВГД хоть пока и остается единственной связующей нитью, но с открытием Зангезурского коридора, Тбилиси потеряет эти позиции. Отделение вопроса статуса Республики Абхазия и Республики Южная Осетия со стороны Грузии могло бы способствовать возобновлению транзита через эти республики и далее по территории Грузии на Ближний Восток. В ближайшей перспективе такое развитие событий может просматриваться в случае деполитизации вопроса со стороны Тбилиси и осуществлении сбалансированной и взаимовыгодной внешней политики наряду с другими региональными странами и Россией.

1. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата доступа: 05.05.2023).

2. Кармазин И. Вышли в коридор: Азербайджан готовится проложить дорогу через Армению [электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1163024/igor-karmazin/vyshli-v-koridor-azerbaidzhan-gotovitsia-prolozhit-dorogu-cherez-armeniiu> (дата доступа: 05.05.2013)

3. Radvanyi J. Petrole et géostrategie au sud de la Russie”, Le Monde diplomatique, juin 1998, pp.18-19.

4. Джабиев В.В. Геоэкономический потенциал РЮО. Цхинвал, 2015.

5. Александров Д. Наблюдать за границей России и Грузии позволяли швейцарцев [электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2018/12/7/954273.html>. (дата доступа: 06.05.2023)

6. Грзделян Р. Транзиту через Абхазию и Южную Осетию быть. [электронный ресурс]. URL <https://regnum.ru/news/polit/2372271.html> (дата доступа: 06.05.2023)

7. Егоян А. Будет таможенный и паспортный контроль: Егоян о дороге в Нахичеван через Армению [электронный ресурс]. URL: <https://lazarevsky.club/aktualno/budet-tamozhennyu-i-pasportnyu-kontro/> (дата доступа: 06.05.2023)

8. Алиев И. Ильхам Алиев дал интервью Азербайджанскому телевидению [электронный ресурс]. URL: <https://president.az/az/articles/view/51216> (дата доступа: 06.05.2023)

9. Broers L. Hostage to Coercive Bargaining: Regional Connectivity After the Second Karabakh War. 2021 [электронный ресурс]. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/hostage-to-continued-enmity/> (дата доступа: 06.05.2023)

10. Тарасов С., «Кавказский пакт» может обойтись без Грузии, 01.04.2021 [электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/3231354>

11. Низамоглу Н. «Треугольник» в действии: Азербайджан, Грузия и Турция укрепляют испытанный временем формат [электронный ресурс]. URL <https://media.az/politics/1067832876/treugolnik-v-deystvii-azerbaydzhan-gruziya-i-turciya-ukreplyayut-ispytannyyu-vremenem-format/> (дата доступа: 06.05.2023)

11. Лисицын А. Взять в кольцо. Зачем Турция укрепляет влияние на Кавказе [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201007/turkey-caucasus-1578482919.html>? (дата доступа: 06.05.2023).

12. Гегамян А. Турция подстрекает Азербайджан к войне с Арменией [электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3350282.html> (дата доступа: 06.05.2023)

13. Сафаров Г. США пытаются дестабилизировать Южный Кавказ для давления на Россию [электронный ресурс]. URL: <https://caliber.az/ru/post/25521/> (дата доступа: 06.05.2023)

14. Джорбенадзе И. Альянс атакует Южный Кавказ [электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2019/03/25/1771418.html> (дата доступа: 06.05.2023)

15. Грузия обратилась к Турции за поддержкой в вопросе «оккупации» Абхазии и Южной Осетии [электронный ресурс]. URL: <https://ru.interfax.com.ua/news/general/751057.html> (дата доступа: 06.05.2023)

16. Степанов А. Шойгу заявил о провокациях США и НАТО в Черном море [электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4782067> (дата доступа: 06.05.2023)

17. Kaleji V. Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabakh War [электронный ресурс]. URL: <https://caciaanalyst.org/publications/analytical-articles/item/13677-iran-and-south-caucasus-railway-connections-after-the-nagorno-karabakh-war.html> (дата доступа: 06.05.2023)

18. Ананьев А. Тупиковый в начале «Зангезурского коридора» [электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31882#:~:text=Зангезурский%20коридор%20необходим%2C%20чтобы%20доставить,Турцию%20и%20оттуда%20в%20Европу> (дата доступа: 06.05.2023)

19. «Никакие переговоры не ведутся»: Гарибашвили об абхазской ж/д [электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230630/nikakie-peregovory-ne-vedutsya-garibashvili-ob-abkhazskoy-zhd--62017480.html> (дата доступа: 09.07.2023)

20. Зейналова Р. МИД РФ: Запад неприкрыто давит на Грузию по России [электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/18440477> (дата доступа: 04.08.2023 г).

21. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года [электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009> (дата доступа: 06.05.2023)

22. Нацпроект поможет расширить трассу «Кавказ» [электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3592735.html> (дата доступа: 06.05.2023)

23. Северная Осетия надеется «вылечить» грузовые пробки на границе с тремя странами с помощью одного транспортного узла [электронный ресурс]. URL: https://logirus.ru/news/infrastructure/severnaya_osetiya_odnim_khabom_nadeetsya_vylechit_

gruzovye_probki_na_granitse_s_tremya_stranami.html (дата доступа: 06.05.2023)

24. Владикавказские предприятия подписали торговые соглашения с компаниями Ирана [электронный ресурс]. URL: <https://region15.ru/vladikavkazskie-predpriyatiya-podpisali-torgovye-soglasheniya-s-kompaniyami-irana/> (дата доступа: 06.05.2023)

25. Торгово-экономические отношения Республики Абхазия с Турецкой Республикой [электронный ресурс]. URL: <https://tppra.org/news/publication/torgovo-ekonomicheskie-vzaimootnosheniya-respubliki-abkhaziya-s-turetskoj-respublikoy.html>. (дата доступа: 06.05.2023)

26. Будет ли грузино-российский грузовой транзит проходить через Абхазию и Южную Осетию?" [электронный ресурс]. URL: <https://jam-news.net/ru/грузия-россия-споры-вокруг-потенциал/> (дата доступа: 07.05.2023)

27. Посол Армении предложил Битарову создать торгово-логистический центр в Северной Осетии" [электронный ресурс]. URL: <https://gradus.pro/posol-armenii-predlozhit-bitarovu-sozdat-torgovo-logisticheskij-hab-v-severnoj-osetii/> (дата доступа: 07.05.2023)

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В СОИГСИ прошла XVII Международная Школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки».

Школа-конференция молодых ученых основана СОИГСИ им. В. И. Абаева в 2006 году с целью изучения современной методологии гуманитарных исследований, интеграции академической и вузовской науки, содействия научному творчеству молодых ученых. Программа Школы-конференции включает лекции, мастер-классы, семинары, круглые столы и секционные заседания. Для чтения лекций и проведения мастер-классов приглашаются ведущие ученые-гуманитарии. Участниками школы-конференции являются молодые ученые-специалисты в области истории, этнологии, культурологии, археологии, языкознания, фольклористики, литературоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин, студенты и аспиранты.

Основные научные направления Школы-конференции: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских обще-

ственных модернизаций; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития осетинского и других языков, языковой ситуации и языковой политики; духовные и эстетические ценности фольклора; историко-сопоставительные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов; литература народов Кавказа в контекстном пространстве региональной и общероссийской художественной культуры; анализ, мониторинг и прогнозирование модернизационных социальных, политических и этнокультурных процессов на Северном Кавказе.

С 2020 года форум проводится в рамках реализации государственной программы Республики Северная Осетия – Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021-2025 годы», утвержденной Правительством Республики Северная Осетия – Алания от 24.12.2020 N467.

На очное и заочное участие в XVII Международной школе-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» было подано более 100 заявок от молодых исследователей из республик СКФО, других регионов РФ, а также из стран СНГ, Турции, Японии, Судана, Камеруна. Активное участие в Школе-конференции приняли делегации Чеченского государственно-

го университета им. А.А. Кадырова и Чеченского государственного педагогического университета под руководством кандидата исторических наук, доцента ЧГУ Бирлант Борз-Алиевны Абдулвахабовой, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова под руководством профессора Петра Абрамовича Кузьмина.

29 июня в конференц-зале СОИГСИ состоялось торжественное открытие конференции. С приветственными словами к участникам форума обратились: директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор З.В. Канукова, проректор по научной деятельности СОГУ, доктор исторических наук, профессор Б.В. Туаева, доцент Чеченского государственного университета Б. Б.-А. Абдулвахабова.

Залина Владимировна Канукова напомнила, что цель форума неизменна – поддержка талантливых молодых ученых, их экспертное сопровождение и содействие в публикации научных статей в журналах института. Председатель Совета отделения Российского исторического общества в Республике Северная Осетия – Алания Берта Владимировна Туаева отметила, что Школа-конференция СОИГСИ вносит важный вклад в обеспечение академической преемственности, а Бирлант Борз-Алиевна Абдулвахабова назвала форум фактором межнационального взаимодействия, так как ежегодно на форуме встречаются молодые ученые из разных регионов.

В ходе пленарного заседания состоялись мастер-классы: «Общественные состояния: архаика, модерн, пост модерн и эволюция этнокультурной традиции» – Дмитриев Владимир Александрович, доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана (г. Санкт-Петербург); «История собирания и исследования абазинского фольклора» – Дзыба Айшат Хамидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделением фольклора народов КЧР, РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при правительстве КЧР» (г. Черкесск); «Города Восточного

Кавказа в период поздней империи (на материалах Дагестана)» – Далгат Эльмира Муртузалиевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (г. Махачкала); «Участие в научно-практических конференциях с целью апробации результатов диссертационных исследований: современные требования и историческая практика» – Чеджемов Сергей Русланович, доктор педагогических наук, профессор СКГМИ (ГТУ), СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ).

Программу первого дня Школы-конференции продолжила экскурсия в одно из красивейших исторических зданий Владикавказа – Художественный музей имени М. Туганова, где состоялась лекция «Дом, которого не коснулось время» Елены Константиновны Лагкуевой, заведующей отделом экспозиционно-выставочной деятельности музея. Далее началась работа сессионных заседаний по тематическим направлениям. Колоритным завершением насыщенного научного дня стала экскурсия по исторической части Владикавказа.

30 июня заседания тематических сессий продолжились в формате open-air на туристической базе «Березки» в живописном Кобанском ущелье Северной Осетии.

Подводя итоги XVII Международной Школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки», модераторы сессий отметили высокий уровень подготовки молодых исследователей как в содержательной части, так и в презентации научных сообщений и ведении дискуссии.

Доклады участников, прошедшие экспертный отбор, будут опубликованы в специальном выпуске научного журнала «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых» (РИНЦ), а также в научном журнале «Kavkaz-Forum» (РИНЦ).

Старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидат филологических наук Мадина Дарчиева стала лауреатом стипендии имени Васо Абаева.

В конце сентября в зале заседаний Министерства образования и науки РСО-Алания состоялась комиссия по назначению Государственных республиканских стипендий имени В.И. Абаева и Г.Д. Плиева на 2023/2024 учебный год.

Мадина Дарчиева

Именные стипендии традиционно назначаются студентам, которые обучаются в имеющих государственную аккредитацию образовательных организациях высшего образования, за достижения в научно-исследовательской деятельности в области осе-

тиноведения, осетинской литературы и фольклористики, а также для студентов, активно проявивших себя в популяризации творчества осетинских писателей и осетинского языка, аспирантам и молодым (до 40 лет) ученым.

Стипендии имени В.И. Абаева получают **старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ им. В.И. Абаева, кандидат филологических наук Мадина Дарчиева** и студентка СОГУ им К.Л. Хетагурова Агунда Гобозова. А стипендии имени Г.Д. Плиева были назначены 3 студентам СОГУ им. К.Л. Хетагурова – Азе Дзедзоевой, Виктору Дзарасову и Арине Годизовой. В течение всего учебного года они будут получать по 5000 руб. каждый месяц дополнительно.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 33, 2023

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.12.2023.
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 18,3. Тираж 100 экз. Заказ #174/

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
«ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru